

10335
1958 / 2

ქართული
ბიბლიოთეკა

6

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗЦЯ

1958

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ХАДЖИ-МУРАТ ДЗУДЦАТИ. В день Октября.	
Стихи	3
МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. Баркарола. Повесть.	5
НАБИ БАБАЕВ. Грузинским братьям. Стихи	40
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО. Новые стихи	41
ИЛЬЯ РУРУА. Фиалка. Рассказ	44
АЛЕКСАНДР ГОМИАШВИЛИ. Черная скала.	
Стихи	46
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Амазонка. Стихи	48

ПЕРВЫЕ РАССКАЗЫ

ОТИЯ ИОСЕЛИАНИ. Домик на косогоре	50
РОДАМ ЧАЧАНИДЗЕ. Шкипер голубого сей- нера	52
ГРИГОРИЙ ЛУЦЕНКО. Письмо	55

СИМОН ЧИКОВАНИ. Верный друг грузинской поэзии. (Памяти Н. Заболоцкого)	61
---	----

О Ч Е Р К И

М. ВОРОШИЛОВСКИЙ, Н. ЗОРИН. Осуше- ственная мечта. (Письмо из Сумганта)	69
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. По дорогам Индии.	
Очерк первый	79
ВЕРА ГАНДЗОВА. Грузинские встречи	88

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Предсъездовская трибуна

Ю. СУРОВЦЕВ. Близость к жизни и глубина поэзии. Статья третья	96
--	----

(См. на обороте)

Н О Я Б Р Ъ — Д Е К А Б Р Ъ

1958

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

К 100-летию со дня рождения А. Ширванзаде

Ш. ДАДИАНИ. Из воспоминаний	101
С. ХУЦИШВИЛИ. Два письма А. Ширванзаде	102

М. ЗАВЕРИН. Александр Чавчавадзе в Пажеском корпусе	103
---	-----

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Встречи двух музыкантов	110
Конец Казбича	111

СРЕДИ КНИГ

Художественная литература

Н. РУХАДЗЕ — Грузинские сказки на немецком языке; Эм. ФЕЙГИН — Высокий накал; Н. АЧИКЯН — «В горах весна»	112—115
---	---------

История и экономика

П. МАСЛОВ — Монография об экономическом развитии Грузии и Закавказья; И. АНТЕЛОВА, Ц. КАЛАНДАДЗЕ, Ш. ХАНТАДЗЕ — Новое исследование по истории Грузии первой половины XIX в.; Г. ДЖИНЧАРАДЗЕ, Г. ДОМОРАЦКИЙ — Книга о боевом пути 11-й армии	116—123
---	---------

Коротко об авторах	124
Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1958 г.	126

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

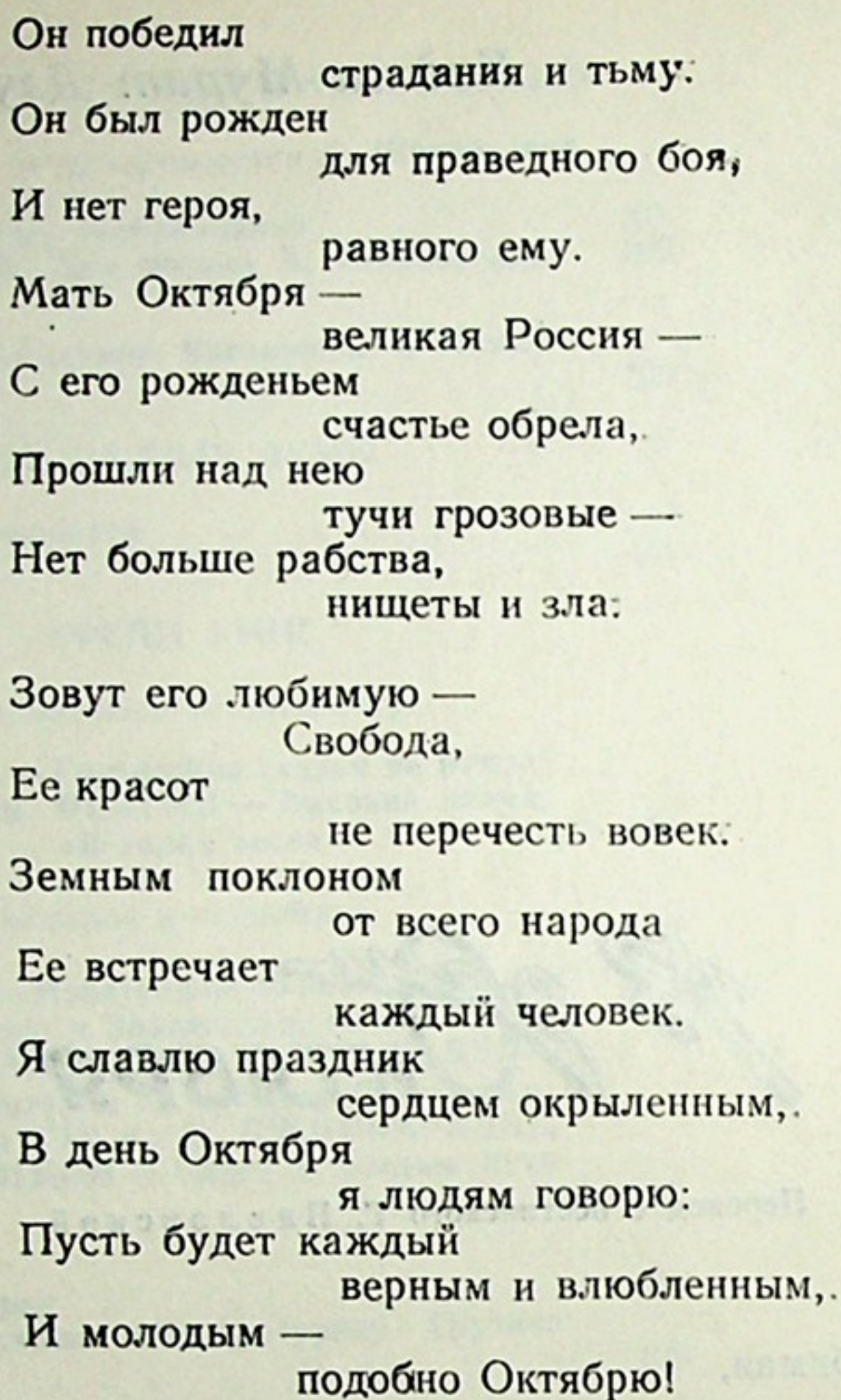
Э. АНАНИШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

13 Октября

Перевод с осетинского Г. Павловской

Любимая,
 мы молоды с тобою,
Глазами юными
 мы смело в жизнь глядим.
Кипит в нас кровь,
 а сердце огневое
зовет нас ввысь,
 к вершинам голубым.
Мы не хотим
 бездумного покоя,
Нас тихий омут
 в жизни не влечет.
Нам по душе
 веселый шум прибоя
И бурных рек
 крутой водоворот.
Пройдут века,
 Октябрь не постареет,
Седая прядь
 меж черных не мелькнет.
Его глаза
 с годами не тускнеют —
Над ним не властен
 времени полет.
Нет! Не сравнить с ним
 сказочных героев, —

Боржом

ПОВЕСТЬ

Осенью Джавахетское нагорье серовато-черное, зимой — похоже на мягкий, выбеленный солнцем холст, а весной и летом оно переливается разными красками — от изумрудно-зеленой до густо-желтой.

По равнине разбросаны одинокие горы — их остроконечные вершины вонзаются в низкое, нависшее над степью небо. Кажется, будто они нарочно расставлены по равнине, чтобы не было на ней так пусто и уныло. В низинах сверкают, отражая небо, озера.

В нескольких десятках километров отсюда начинаются дремучие еловые леса Боржомского ущелья, немного дальше — берег Черного моря. А здесь — каменистое плоскогорье, пирамидальные вершины, царапающие облака, голубые озера и небольшие села.

Между армянской деревней Кармир Астх и грузинской Шоши приютилось у озера русское село Головневка — деревянные домики с покатыми крышами, резными крылечками и резными ставнями, мычание коров, переборы гармошки и звонкие голоса девушек, поющих песни. Село старое, здесь живут духоборы, лет сто тому назад высланные «за ересь» из Мелитопольского уезда.

С окраины села смотрит двумя окнами в степь небольшая хата. На огороде, подле коровника и свинарника часто можно увидеть высокую девушку. У нее толстая пшеничного цвета коса, крепкий, с ямочкой подбородок, цепкие сильные руки и темные-темные глаза.

Таких глаз нет ни у кого в Головневке — они материнские. Отцу девушки — Федору понравилась грузинка, встреченная на базаре в Боржо-

ми. Он заговорил с ней — грузинский язык Федор знал хорошо, — пред-
ложил пользоваться его весами, а когда она распродала курортникам
сливы, сунул кому-то из односельчан на сохранение свои сыр и масло и
пошел за ней. Узнал, что девушку зовут Тамара и живет она неподалеку
от Боржоми, в деревушке Кортанеты. Знакомство кончилось тем, что он
женился, не спрашивая согласия родителей.

Детей у Тамары и Федора долго не было. Началась война, Федор
ушел на фронт. Через несколько месяцев после его отъезда у Тамары
родилась дочка. Мать назвала девочку Надеждой. Федор не вернулся, и
когда закончилась война у Тамары осталась только четырехлетняя Надя.

Тамара была тихой, безответной, рано состарившейся женщиной.
Надя уже с ранних лет стала ей помощницей. Днем мать работала в по-
ле, дочка ходила в школу и хлопотала по хозяйству, а вечерами они ча-
стенько сживали рядом и разговаривали.

— Расскажи про отца, — просила Надя.

И мать, вздохнув, рассказывала, как она впервые увидела его на ба-
заре — кряжистого, широкоплечего парня с огромным льняным чубом,
ясными голубыми глазами и белыми-белыми зубами. Увидела, погово-
рила с ним — и запомнила светлую улыбку, громкий голос, всю его сме-
лую, открытую повадку.

Где он разыскал общих знакомых с ее отцом, она и сейчас не зна-
ет — Тамара только ахнула, увидев его в воскресный день во дворе с
двумя крестьянами из ближнего села — хорошими приятелями отца. У
Федора лицо и не дрогнуло, когда он заметил ее, — лишь глаза прищу-
рились лукаво.

Гостей усадили за стол. Пришел на голоса сосед. Федор привел в
восхищение ее отца — говорил веселые тосты, пил стакан вина за стака-
ном, ничуть не хмелея. Тут же выяснилось, что сосед собирается дом
складывать, и ему требуется плотник.

— А вот он плотник — я! — счастливо засмеялся Федор. — Дешево
возьму.

Подрядились.

Приехал Федор через пару дней и стал работать. Все село любова-
лось, когда он приносил из лесу на плече толстые бревна. Другие
втроем — вчетвером волокли, а он один — показывал свою силу. Скоро
только и слышно было:

— Богатырь-парень!

— Молодец, Тэдорэ, душа-человек. Настоящий русский!

Никто не знал, что плотник Федор вечерами уходит на опушку ле-
са и ожидает там Тамару.

А когда дом был готов, хозяин справил новоселье.

— За твое здоровье, за твое счастье, Тэдорэ, — сказал он, поднимая
большой рог с вином, — полюбился ты нам. Нет у меня дочери, а то бы
выдал ее за тебя, рад был бы иметь тебя зятем.

Побледнел Федор, вскочил с места, вышел на середину комнаты,
сорвал с гвоздя свою шапку, ударил ею об пол и воскликнул, обращаясь
к отцу Тамары:

— Суди меня, Георгий, что хочешь со мной делай — вот моя голова;
но признаться тебе должен: твою Тамару люблю, из-за нее приехал
сюда. И она меня любит.

— Что-о?.. — удивился Георгий. — Позовите-ка сюда Тамару.

...Позвали меня, — продолжала мать — отец спросил: люблю-я Тэдорэ? Я сказала — люблю...

Рассказывая, мать оживлялась — становилась молодой и красивой. Надя целовала ее в глаза.

— Мамочка, мамочка моя, — приговаривала она, тиская мать в объятьях.

— Задушишь, — Тамара делала вид, что отбивается, — руки у тебя, как у отца, сильные.

— Я похожа на него, да? — радостно спрашивала Надя.

— Вылитый отец. Он сына хотел, а родилась ты. Бедная моя, так ты отца и не видела.

— Он очень любил тебя, мама?

— Да, очень. Любил, когда я пела... Дай-ка гитару.

Надя вскакивала, снимала со стены гитару. Мать перебирала струны и, склонив голову к плечу, запевала низким красивым голосом:

Черная ласточка...

Надя сидела у ног матери на скамеечке и вторила. Слух у нее был хороший. Но она говорила с огорчением:

— Эх, мама, почему у меня такой плохой голос?

— Отцовский, — улыбалась Тамара, — только он ревел басом, а ты пищишь. Играй лучше на гитаре.

За окнами завывала метель, а в хате было тепло и уютно. Они долго просиживали так в белесых зимних сумерках. Мать пела, Надя играла на гитаре, и каждая думала о своем. Но потом вдруг Надя бросалась к лампе, зажигала ее и начинала носиться по комнате, отплясывая какой-то дикий танец и аккомпанируя себе на гитаре.

— Сумасшедшая! Вот и отец так умел, словно подожгли его! — качала головой Тамара. — Перестань, спать надо, поздно уже.

Впервые по-настоящему проявился в Наде отцовский характер, когда заболела мать. Случилось это весной, в пору, когда сажали картофель.

Надя сдавала экзамены за восьмой класс. Придя домой, она увидела мать, лежавшую на кровати.

— Что случилось? — испуганно вскрикнула она.

Тамара виновато улыбнулась:

— Заболела я...

— Сейчас приведу врача. — Надя пошла к дверям.

— Куда ты? Отлежусь я, — остановила мать.

— Не разговаривай! — буркнула Надя. — Я пришлю к тебе кого-нибудь.

У Тамары весь вечер просидела соседка, а Надя пропала. Лишь поздно вечером у дома загудела машина, и в комнату вошла Надя в сопровождении женщины с чемоданчиком в руке.

Уже на другой день Тамара узнала, что ее дочка бросилась в поле, потребовала у председателя колхоза машину, и когда тот сказал, что машина ушла за семенным картофелем, села на попутный грузовик, поехала в районный центр — Богдановку, зашла в больницу и привезла врача.

— На райкомовской машине, — сказала Надя, — у них там, в больнице, машина на ремонте стоит. Тоже мне...

— Как на райкомовской? — испуганно приподнялась мать.

— Так, секретарь райкома свою дал. Как попросила я, сразу сказал: «Пожалуйста». Да ты ложись, ложись, сейчас доктор тебя посмотрит...

— Бедовая она у вас, — улыбнулась женщина, усаживаясь у постели Тамары.

Выслушав больную, она нахмурилась, спросила:

— Давно плохо себя чувствуете?

— Бывало, что давило вот здесь, — Тамара приложила руку к груди.

Врач кивнула головой, еще раз внимательно осмотрела больную, села за стол, выписала рецепты и сказала, обращаясь больше к Наде:

— Надо лежать, не вставать. Сердце... Очень беречься надо. Дней двадцать лежать не двигаясь, на спине. В больницу хорошо бы, да опасно везти, дорога тряская. Я переночую у вас, а ты, девочка, съезди в больницу на машине, раз уж ее тебе дали, и привези мне все, что я напишу в записке. Поняла?

Надя кивнула головой, поцеловала мать, взяла записку и вышла. Вернулась она под утро. Врач уехала, строго наказав не двигаться, обещав через пару дней навестить.

Надя прибрала комнаты, подоила корову, отогнала ее к стаду, накормила кур и, дав матери лекарство, присела у окна. Она долго сидела задумавшись, потом повернулась к матери:

— Я должна уйти на часок, тебе ничего не нужно?

— Нет, дорогая, иди, занимайся, у тебя ведь экзамен скоро...

— Угу, — невнятно подтвердила Надя, — я скоро.

Выйдя из дому, она зашагала по улице, насупив брови и рассеянно трогая свесившуюся на грудь косу.

— Чего тебе? Как мать? — спросил председатель колхоза, заметив Надю, остановившуюся в дверях кабинета. Девушка степенно подошла к столу.

— По делу я, Иваныч.

— Обожди немного.

Председатель — сухонький, усатый мужчина, опустил на нос очки и уткнулся в счета, которые подкладывал ему на подпись бухгалтер. Раз-машисто подписавшись на каждом, он отпустил бухгалтера, аккуратно обтер промокашкой перо и спросил:

— Ну? Мать-то как, чего не говоришь?

— Больна она, — вздохнула Надя. — Я, Иваныч, по делу. Работать хочу в колхозе. Возьми меня на ферму. За коровами ходить умею, дояркой буду.

— Гм, — промычал председатель.

— Говорят, на ферме нужны доярки.

— Д-да, говорят. Ну, что ж, давай, начинай со следующей недели. Только гляди, чтобы озорства там... или еще чего...

— Сама знаю, не маленькая, — ответила Надя, — спасибо, Иваныч. Я пойду.

— Иди, я скажу завфермой.

Председатель посмотрел, как, поводя округлыми, сильными плечами, девушка пошла к двери, и подумал: «Хорошая будет работница».

Надя быстро шла домой, около школы с удовольствием треснула по затылку мальчишку, дернувшего ее за косу, и побежала дальше.

Войдя в калитку, она заметила, что дверь в хату отворена. «Пришел кто-нибудь, что ли?» — подумала Надя и взлетела на крыльцо. В комнате никого не было. Не было на кровати и матери. У девушки екнуло сердце, она выскочила во двор и у дверей свинарника увидела мать: неловко подогнув под грудь руки, она лежала на земле, упершись голо-

вой в дверь свинарника. Оттуда доносился визг поросенка. «Выпустить его хотела», — догадалась Надя.

Став на колени, она приподняла мать и заглянула ей в лицо — нос заострился, открытые глаза потухли. Еще не совсем понимая, что произошло, Надя позвала: «мамочка» и погладила рукой лицо матери. Оно уже холодело. Надя закричала и, уронив мать, кинулась на улицу. Из соседних домов повыскакивали соседки...

* * *

Дали знать родственникам матери в Кортанеты. Приехали двое ее братьев. Они утешали Надю, уговаривали переехать к ним. Она коротко ответила:

— Нет.

И больше ничего не говорила.

Когда мать несли на кладбище, Надя шла за гробом, опустив голову и не уронила ни слезинки.

— У-у, твердокаменная, — осуждающе говорили соседки.

Проводив родственников, Надя вернулась в опустевший дом, закуталась в шерстяной платок и до рассвета просидела на крыльце, глядя как холодный лунный свет, пробивающийся сквозь облака, пятнами скользит по темной степи.

Когда, словно осколок стекла, заблестело под лучами солнца далекое озерцо, по селу разнеслось мычание коров, зазвякали ведра, запахло дымом. Надя, зябко поеживаясь, встала, умылась, подоила корову, позавтракала хлебом и парным молоком, набросала корму курам и погнала корову на ферму.

Девушке повезло — председатель колхоза оказался на ферме; он стоял у силосорезки и о чем-то толковал с рыжим зоотехником Сергеем.

— Иваныч, — сказала Надя, — заберите мою корову в колхоз. Одна я осталась, не управиться мне.

— А ты бы ее на мясо сдала, коровенка-то старая.

— Жалко. Мать ее покупала...

— М-да... Ну, ладно, прими корову, Сергей. Когда к работе приступишь, Надежда?

— За этим и пришла.

— Сергей, ты ее под начало Марье отдай, пусть обучает; да не обижайте ее тут — девка сиротой осталась.

— Мы с ней поладим, Иваныч, — подмигнул заведующий фермой Наде и скользнул по ней взглядом. Рослая девушка казалась старше своих лет. Старое синее платье было ей узко и слишком откровенно облегало высокую грудь и крепкий стан.

— Иди, я сейчас приду, — смутился Сергей, поняв, что девушке не до его подмигиваний и шуток.

Сдав корову, Надя подошла к Марье, добродушной старухе в белом халате. Доярка улыбнулась девушке — маленькие глазки ее сощурились и затерялись на широком морщинистом лице, — взяла за руку, повела за собой — объяснять обязанности. Девушка понимала все с полуслова — и в конце дня они расстались, очень довольные друг другом.

Через несколько месяцев Надя работала уже самостоятельно. Она сдала в школе последний экзамен и решила дальше не учиться. Работала она хорошо — ее всегда хвалили, ставили в пример другим. К похвалам Надя была равнодушна. Близких подруг она не имела, читала мало. Заинтересуется книгой — начнет читать, а потом книга вывалится

из рук, и сидит она, уставившись в пространство, прислушиваясь к чему-то. Придет в себя, усмехнется, поднимет книгу с пола, захлопнет так больше и не раскроет, вернет в библиотеку недочитанной.

Марья привязалась к Наде и не раз уговаривала перейти жить к ней.

— Ты ж одна в доме, хата на краю села. Не страшно?

— Нет, я привыкла, тетя Маня. Кто мне что сделает? А попробует — отобьюсь; ружье отцовское на стене висит заряженное.

— Ишь ты какая, — покачала головой Марья. — Ну, как знаешь.

Люди Надю не обижали, а выстрелить из отцовского ружья ей все же однажды пришлось.

В первую зиму после смерти матери снегу навалило по самые окна. Надя шла домой поздно вечером — комсомольское собрание затянулось чуть ли не до полуночи. Подошла к избе, а во дворе какая-то тень мелькнула. Надя пробралась в дом, заперла двери на засов и стала глядеть в окно. Вот кто-то снова перемахнул через изгородь, за ним другой. Блеснули зеленые огоньки. Присмотрелась она — и совсем близко, подле самого окна увидела десяток серых поджарых зверей. «Волки», — догадалась Надя.

Недолго думая, она бросилась к стене, сняла с гвоздя ружье, распахнула дверь и, прижав приклад к плечу, выстрелила. Она не знала, попала ли в волков, но была уверена, что они убежали, испугавшись выстрела. Надя захлопнула дверь, повесила ружье и легла спать. А утром, когда вышла на крыльцо, увидела на снегу убитого волка.

Надя испуганно посмотрела на оскаленные зубы и остекленевшие глаза мертвого зверя, обошла его сторонкой и побежала звать людей на помощь. Ей не поверили, но все же пришли поглядеть, что ее испугало, — и через час все село знало, что Надя убила волка. После этого мальчишки стали с почтением провожать ее взглядами, а девушки немножко сторониться: молчаливая, странная какая-то, а тут еще волка убила...

Заведующий фермой Сергей пришел в восхищение. Ему и без того очень нравилась Надя. Чаше обычного Сергей стал задерживаться подле нее, заговаривал, приносил брошюры. Надя брошюры брала, а беседовала неохотно.

Заведующий фермой был человек веселый, холостой, любитель пошутить, побалагурить. Подвыпив, он лез ко всем целоваться, а на другой день ходил молча, ни на кого не глядя, стыдясь людей.

Однажды, в воскресенье, Сергей забрел на ферму. Надя снимала халат — собиралась уходить домой — и запуталась в рукавах, позабыв расстегнуть манжеты.

— Дай помогу, — сказал Сергей, подошел к ней и вдруг прибавил: — Хорошая ты девушка. Можно я тебя поцелую?

Надя спокойно повернула голову и ответила:

— Нельзя.

— А если поцелую? — добродушно поддразнил ее Сергей.

— Нельзя, говорю.

— Чего ты такая сердитая? Я же шучу.

— Отстань, — не меняя тона, повторила Надя и вдруг так толкнула его, что он отлетел и упал под задние, широко расставленные ноги коровы. Сергей поднялся и глянул на девушку — если Надя улыбнется, можно будет засмеяться и самому. Но она, даже не посмотрев на него, сняла халат и ушла.

Сергей смущенно поглядел ей вслед.

«Тоже мне! Молоко на губах не обсохло,—подумал он о Наде, а держит себя, будто взрослая».

Надя шла по улице, задумчиво глядя на утоптаный снег. Полозья саней и шины автомобилей оставили на дороге две глубокие колеи. Девушка ступала по самой кромке колеи и взмахивала руками, удерживая равновесие, чтобы не съехать ногами в канаву. Со стороны могло показаться, что она поглощена этим ребячьим занятием. А на самом деле она и не замечала того, что делает, слушая доносившийся издалека тонкий, звучный свист полозьев — по соседней улице ехали сани. «С-с-с-с» — пели на одной высокой ноте полозья. Ритмично поскрипывал ворот — кто-то доставал из колодца воду. Надя даже расслышала, как звенит ведро, ударяясь о стенки колодца. Над селом плыл глухой шумок — в нем сливались голоса людей, шаги, чья-то песня, взлаиванье собак... А сани все посвистывали — «с-с-с-с». И Надя тихонько запела мелодию, рождаемую засыпающим зимним вечером. Свист полозьев утих вдали, ворот перестал скрипеть, но она уже слушала только себя — и пела все громче и громче.

Надя взбежала на крыльцо, отомкнула замок и, влетев в комнату, сняла со стены гитару.

Со дня смерти матери она не прикасалась к ней. Но сейчас словно что-то возродилось в Наде. Она села на тахту и стала подбирать на гитаре мелодию зимнего вечера, которая продолжала звучать в ее ушах. Через минуту она сердито отбросила гитару в сторону — у нее ничего не получилось.

Забыв об ужине, Надя долго сидела неподвижно — но вдруг загрела другая музыка. Она вторглась в комнату неожиданно громко, все заполнив собой. Надя вздрогнула, с недоумением и испугом оглядевшись вокруг, и только теперь поняла, что музыка доносилась из большого репродуктора, установленного на столбе у колхозной конторы. Играли на каком-то неизвестном Наде инструменте — струны его пели, звуки лились, как спокойное журчание воды.

Девушка снова схватила гитару. И теперь струны подчинились ее пальцам — аккорды гитары послушно следовали за песней, которую играли где-то далеко-далеко от Головневки.

Когда репродуктор умолк, Надя обхватила гитару обеими руками и, крепко прижав ее к себе, засмеялась — она сама не понимала, что происходит с ней.

Мать рассказывала, что еще совсем маленькой Надя всегда настораживалась, услышав песню, а научившись ходить, бежала туда, откуда доносилась музыка. Когда мать бывала занята и не могла подойти к кровати Нади, чтобы усыпить ее колыбельной, Надя принималась плакать и редела до тех пор, пока не приходила мать и не начинала петь. Тогда девочка хваталась ручонкой за палец матери и закрывала глаза.

— Пой, мама, пой, — часто просила Надя и мать пела грузинские песни, любуясь задумчивым личиком девочки.

Мать научила ее играть на чонгури и на гитаре — и Надя могла сидеть с гитарой в руках часами. Она играла все, что слышала: сперва те грузинские песни, которые ей пела мать, потом русские песни — что распевали у них в селе; когда колхозы сообща построили электростанцию и в селе оборудовали радиоузел, — то, что передавали по радио.

В августе, во время жатвы Надя работала с матерью в поле — веяла на току зерно. На ночь в село не возвращались — спали на мешках с зерном.

Вечером колхозники разжигали костер и, несмотря на усталость, долго сидели, слушая, как Надя играет на гитаре.

На озере полыхали факелы — рыбаки подманивали на свет рыбу. Колеблющиеся языки факелов ярко отражались в воде, и все путалось — казалось, что свет факелов — это отблеск огней, горящих в воде.

Над озером мрачным силуэтом высилась остроконечная гора. Она тоже отражалась в озере, и там, где черная треугольная тень легла на воду, почему-то не было видно отражения звезд.

Трещала в огне костра солома, неподалеку шелестела сухая трава, где-то жалобно вскрикивала ночная птица — и, покрывая все эти звуки, грустно звенела гитара.

Намаявшись за день, женщины засыпали, угасали факелы рыбаков, а Надя еще долго сидела у костра, перебирая струны и глядя в огромное звездное небо, будившее в ней томительные, неясные желания.

...Пропел в курятнике петух. Надя с сожалением отложила гитару и только тут почувствовала, что голодна. Разогреть ужин было поздно — она отворила дверцу шкафчика, достала хлеб, отломала горбушку, положила на него кусок сыра.

В комнате было холодно — у нее заоченели пальцы. побыстрее доев хлеб, Надя разобрала постель, разделась, вздрагивая от холода, юркнула под одеяло. Она почувствовала себя очень одинокой и закрыла глаза, чтобы скорее заснуть.

На другой день Надя забежала в контору и постучалась в радиозел.

— Василек, — спросила она радиста, — ты, случайно, не слышал, что вчера объявили по радио, когда ты репродуктор включил? Потом музыка была такая хорошая...

— Вчера? Нет, не слышал. А что?

— Так, просто...

Надя вернулась на ферму — не осталось никакой надежды узнать, что за музыку она услышала вчера вечером. Может быть, ее будут еще раз передавать по радио? В ушах снова зазвучала та же песня — Надя ясно слышала в ней журчание воды в летний день.

Надя подружилась с дочкой председателя колхоза Любочкой — полной голубоглазой девушкой, работавшей в бухгалтерии. У Любочки были курносый носик, кудряшки на голове, неистребимая любовь к танцам и странно уживающаяся с этим молчаливость. Она могла придти к Наде, забраться с ногами на тахту, подпереть рукой коротко подстриженную, с завитушками на лбу голову и молча просидеть весь вечер. А потом сказать: «Ну, я пошла, Надек». Или же: «Я буду у тебя спать». Тогда она забиралась в постель к Наде, крепко прижималась к ней и засыпала. Любочка была на три года старше Нади.

В воскресные дни вечером Любочка изменяла подруге и уходила в клуб, на танцы.

— Иванычу говорю, что занимаюсь у тебя, — сказала она. «Иванычем» Любочка называла отца. — Так ты меня не выдай нечаянно. А то он серчает: не бегай, говорит, на танцульки.

Раза два Любочка уговорила Надю пойти с ней.

Но Наде танцы не понравились — танцевала она плохо, тяжело переступая ногами, и парни слишком крепко обнимали ее, а самое главное, баянист невыносимо фальшивил — Надя вздрагивала при каждом фальшивом звуке, словно услышав скрип ножа по тарелке.

Осенью Любочка решила ехать в Тбилиси, сдавать экзамены в педагогический институт.

— Поедем, Надек, вместе? — предложила она подруге. — Поступишь в техникум.

— А ну его, не хочу, — мотнула головой Надя. — Мне и на ферме хорошо.

— Неужто тебе не хочется чего-нибудь нового? Повидать Тбилиси, город, ходить в театры, пожить другой жизнью! — непривычно много-словно высказалась Любочка.

Надя призадумалась.

— Не знаю, — ответила она.

Любочка уехала и через двадцать дней вернулась — в институт ее не приняли, она не прошла по конкурсу.

И снова, как прежде, Любочка приходила к Наде, забиралась с ногами на тахту, подпирала щеку пухлым кулачком и молчала. И обеим было хорошо.

Однажды Любочка прибежала с танцев по необычному оживленная.

— Надек! — воскликнула она, бросившись на тахту, — Надек, какого завклубом нам прислали!..

Надя вопросительно посмотрела на подругу.

— Ты должна пойти посмотреть на него, ты... — Любочка не находила слов и, захлебываясь, стала выпаливать: — Красивый! Высокий! Играет на баяне — куда нашему Сеньке! Говорит, создадим струнный оркестр! Он будет дирижером. Обучу, говорит, нотам всех желающих, драмкружок хочет организовать...

Надя махнула рукой, засмеялась:

— Оглушила. Хватит тебе.

Она отошла к окну и стала глядеть в темноту.

А Любочка повалилась на тахту, подперла голову руками и заявила:

— Ой, Надек, я, кажется, влюбилась.

В воскресенье Любочка — разряженная, в новом платье, которое она купила в Тбилиси, пахнувшая духами, зашла за подругой.

— Пойдешь со мной в клуб?

Надя только пришла с фермы.

— А чего я там потеряла? — пробормотала она. — Фу, как от тебя пахнет!

Любочка уловила неискренность в голосе Нади и закружилась вокруг нее:

— Вот и неправда! Вот и неправда! Ты хочешь пойти! Поедем, я уже сказала Грише, что ты играешь на гитаре. И он сказал — приведи ее.

— Его Гришей зовут?

— Ну, конечно. В конторе мы с ним говорили вчера. Идешь?

— Ладно, — нехотя согласилась Надя.

Она быстро умылась, переоделась, вплела в косу ленту.

— Ага, тоже наряжаешься, — усмехнулась Любочка. Она уже пожалела, что зовет Надю с собой.

— Пошли.

Надя вышла на крыльцо и замкнула дверь.

Всю дорогу они шли молча.

У ярко освещенного клуба собрались парни и девушки. Стояли они двумя группами — девушки у самых дверей, парни курили в сторонке. Когда Надя с Любочкой подошли к дверям, кто-то радостно сказал:

— А-а, и ты пришла.

Любочка толкнула подружку в бок — к ним направлялся заведующий фермой Сергей. Он радостно смотрел на Надю — так, словно давно

не видел ее. На самом деле они ушли с фермы в одно и то же время, час тому назад.

— Танцевать будем? — продолжал широко улыбаться Сергей.

— Нет, — сухо ответила Надя.

Из клуба доносилось треньканье балалайки. Надя вошла в зал вслед за Любочкой.

У сцены сидело на скамье несколько парней. Один из них был незнаком Наде — смуглолицый, скуластый, в сером клетчатом костюме и коричневых туфлях на толстой белой подошве. В руках у него была балалайка. «Гриша — новый заведующий клубом», — поняла Надя и медленно направилась к сцене.

Гриша увидел их — знакомую уже ему Любу и высокую, статную девушку с широким грубоватым лицом, твердым подбородком и задумчивыми темными глазами. Он опустил балалайку и встал.

— Вот Надя, — сказала Любочка. — Это она играет на гитаре.

— Григорий, — протянул руку заведующий клубом и ощутил пожатие не по-девичьи сильной руки.

— Вы давно играете на гитаре? Нотную грамоту знаете? — спросил он.

— Я плохо играю, — с трудом ответила Надя.

Она стояла, опустив руки и, не отрываясь, смотрела на смуглолицего парня.

— Любочка, принеси-ка гитару, — попросил Григорий, — там она висит, в комнате. Сыграйте, Надя, я послушаю.

Надя покорно села, взяла гитару. Лицо у нее горело.

Она стала играть — сперва свой любимый грузинский романс «Снова ты» и песню «Хороша страна Болгария», потом ту мелодию, которую слышала по радио.

Григорий слушал прищурившись, выпятив толстые губы.

— Ничего, не очень плохо, — сказал он, положив руку на струны гитары. — Но надо учиться. Мы тут решили кружок создать, я тебя запишу. Два раза в неделю будешь приходить на репетиции. Как твоя фамилия?

— Ветрова, — чуть слышно произнесла Надя.

— Ты где работаешь?

— На ферме. Доярка я.

— Придешь в среду к восьми. Ну, ребята, организуем танцы. Сеня, возьми баян.

Когда все вошли в зал и разместились вдоль стен, Григорий объявил:

— Сперва пляшем русскую. Лучшая пара получает приз. Присуждаем большинством голосов. Поехали, Сеня!

Григорий сделал шаг вперед, подбоченился и крикнул.

— А ну, кто со мной?

Любочка взмахнула рукой с платочком и, четко постукивая каблучками, выплыла на середину зала.

— Потом мы с тобой, — слышала Надя голос Сергея. Он оказался рядом с ней.

— Я не умею, — ответила Надя, с завистью глядя на Любочку.

Русскую плясали долго. Приз не дали никому — поднялся такой шум и начались такие споры, что Григорий объявил вальс. Надя отошла от Сергея, который что-то шептал ей, и, подойдя к Григорию, попросила:

— Научите меня танцевать.

— С удовольствием, — улыбнулся он, и они медленно закружились.

На скамейке, где сидишь ты,
Нет свободных мест,—

запел Григорий и тут же скомандовал:

— Не тяните ногу, легче, легче.

Надя молчала. У нее сильно кружилась голова. Она не заметила, что Любочка стоит у стены, комкая в руках платок, и не сводит с нее глаз.

Надя еще несколько раз станцевала с Григорием.

— А ты молодец, — одобрительно сказал он, — уже научилась.

Надя ничего не ответила — ей хотелось, чтобы вечер этот никогда не кончался.

Только выйдя на улицу, Надя вспомнила о Любочке, но не смогла отыскать ее и пошла домой одна.

На другой день зоотехник послал Надю в контору.

Надя подошла к Любочке.

— Здравствуй. Куда ты пропала вчера?

Любочка поджала губы и буркнула:

— Добрый день, Надежда Федоровна.

— Что с тобой? — удивилась Надя. — Не выпалась?

Любочка поднялась со стула и вышла за Надей в коридор.

— Чего ты такая надутая? Что случилось? — снова спросила Надя.

— Ничего. А только я больше в вашей дружбе не нуждаюсь, вот что! — Любочка быстро зашептала, оглядываясь по сторонам: — чего ты с ним танцевать пошла, а? Сама же я тебя уговорила пойти на танцы, а ты... Хороша подруга, нечего сказать.

— Любочка, да я ведь... — растерянно произнесла Надя, — я ведь не хотела...

Та хорошая, светлая радость, которая загорелась в ней вчера, была вдруг погашена грубыми словами Любочки. Губы у Нади задрожали, на глаза набежали слезы. Но она сдержалась и молча, с упреком глянула на подругу.

Любочка продолжала бросать чужие, где-то услышанные слова. Надя ее уже не слушала. Она повернулась и медленно зашагала по коридору.

— Надюша, — послышался вдруг дрожащий голос Любочки.

Надя, не оборачиваясь, вышла. Она забыла о том, что ей надо было выписать накладную и зайти в склад.

— Принесла? — спросил Сергей.

— Что? — очнулась она.

— Как что? Была ты на складе?

— Н-нет, счетовода не было, накладную некому было выписать, — покраснев, ответила девушка.

— А куда он делся, счетовод-то? Ох, Надежда, ты что-то выдумываешь! Надо больше о работе думать, поменьше на танцы ходить! — сердито выговаривал заведующий фермой.

— Не твое дело! — вскинула голову Надя, в упор глядя на него блестящими глазами. — Понял?

Он молча зашагал к селу. «Узнает, что я соврала, — подумала Надя. — Ах, — пусть! Что они все, словно сговорились?..»

— Я пришла, тетя Маня, — сказала она, подойдя к доярке.

— Надевай халат, пора доить, — озабоченно сказала старушка, — где это ты ходишь? Сергей ворчал, ворчал... Потом, потом расскажешь.

Надя помыла руки, надела халат, подошла к крайней корове, ткнула ее в бок кулаком, чтобы она подвинулась, и, поставив ведро, села на скамеечку. Корова, словно почувствовав настроение доярки, повернула голову и замычала. Надя невольно улыбнулась, погладила корову по мягкой рыжей шерсти и принялась массировать ей вымя.

Молоко струйками лилось в ведро: «дз-з-з! дз-з-з!» Пока ведро было пустое, звук был звонкий, потом дно покрылось пенящимся молоком, и струйки стали разбиваться глуше. Надя, как всегда, прислушивалась к звучанию. «Послезавтра будет первое занятие», — вдруг вспомнила она.

В назначенный день вечером Надя взяла гитару и пошла в клуб. Кроме нее на занятия пришли баянист Сеня — белобрысый паренек с лицом, усеянным оспинками, высокий, худой конюх Артем — с балалайкой под мышкой и ...Любочка с гитарой в руке.

Надя удивленно посмотрела на подругу.

Любочка искоса взглянула на нее и вздернула кверху курносый носик, словно говоря: «А чем мы хуже вас?»

Григорий приготовил — видимо, принес из школы — черную доску и мел. Озабоченно посмотрев на часы, он пригладил волосы, откашлялся и сказал:

— Садитесь. Сперва займемся нотной грамотой, потом поиграем. Внимание, товарищи. Так вот... Смотрите. — Он провел на доске пять параллельных линий, нарисовал вначале какой-то красивый значок. — Каждая линия называется нотной линейкой, все пять линий вместе...

Надя затаила дыхание. В школе, на уроках она внимательно слушала учителей, но никогда еще ей не было так интересно. В том, что объяснял Григорий, было какое-то волшебство — раньше она никогда не задумывалась над тем, что каждый звук можно изобразить на бумаге, и, прочтя изображение, можно воспроизвести его, играя на гитаре, балалайке, баяне... Кто был тот человек, который придумал ноты? Ей, конечно, давно было знакомо слово «ноты», она с детских лет знала, что музыканты играют по нотам, но в их селе не было никого, знакомого с нотной грамотой. И вот, наконец, такой человек приехал к ним. Сколько он, наверное, знает! Сколько тайн музыки, неведомых, непонятных ей, известны ему!

Занятия кончились. Надя схватила свою гитару, прибежала домой, бросилась на кровать и зарылась головой в подушки.

На следующее занятие пришли все, кроме конюха Артема. Встретив Надю, он сказал ей, усмехаясь:

— Ты там передай, что не приду. Не про меня эта нотная грамота, будь она неладна. Я уж так на своей балалайке, без премудростей...

Любочка старательно записывала все, что объяснял Григорий, в тетрадку, морщила лоб, пытаясь понять его, но видно было, что ей, никогда не любившей музыку, приходится трудно. Григорий рассказывал, все чаще и чаще глядя на Надю. Любочка стала скучать на занятиях, зевать, прикрывая рот ладонью, и в конце-концов перестала ходить в клуб. Домой к Наде она не заглядывала уже давно.

Как-то, по заданию председателя, баянист Сеня уехал в Богдановку, и Надя, придя в клуб, застала одного Григория.

— Что-то дела наши плохи, — рассмеялся он. — Может, отложим занятия, а? Пойдем прогуляемся?

Надя кивнула головой.

— Только я гитару отнесу домой, ладно?

— Лады, — сказал Григорий, — где ты живешь?

— Там, в самом конце.

Надя занесла домой гитару. Им встретился Сергей, и втроем они весь вечер гуляли по селу.

В другой раз Григорий, уже не спрашивая, пошел провожать Надю после занятий.

— Село у вас тоже русское, а не такое, как у нас, — сказал как-то Григорий.

— Да у нас ведь духоборы живут. Самое большое село в районе — Богдановка — богом данная. А наше село горело, поэтому его называли Головневка. Вы сами-то откуда, Гриша?

Григорий стал рассказывать о себе. Он служил в армии, потом закончил курсы заведующих сельскими клубами, и Министерство культуры направило его в Богдановский район. Дома у него мать, отец и сестра. Он не женат и не торопится жениться — надо на ноги встать как следует, чтобы семью суметь обеспечить.

— Вот и пришли, — остановилась Надя.

— Водичкой не напоишь меня?

— Сейчас, — сказала Надя.

Она вошла во двор, набрала свежей колодезной воды и протянула полную кружку Григорию.

— Хороша-а, — с наслаждением произнес он, возвращая Надю кружку, — какой вид отсюда красивый!

Надя улыбнулась, и ей вдруг стало легко с Григорием.

— Я так люблю красивое. Вот там, у окна, я сижу часто-часто, — она подошла к Григорию и показала рукой на степь. — Вы не смейтесь только... Знаете, мне иногда кажется, что нагорье наше дышит, как человек. Вон те горы тоже, как люди. Когда непогода — они не видят друг друга в тумане и стоят хмурые, мрачные. А в ясный день они веселые, стоят себе, задрав головы кверху. Моя мать любила горы. Она не говорила об этом, но я понимала, что она любит их ими. И песни она пела хорошо...

Надя задумалась.

— Какая коса у тебя! — с восхищением сказал Григорий.

— Теперь косы не носят, — тряхнула головой Надя. — Я в кино видела — делают кудряшки такие на лбу.

Она посмотрела на него и спросила:

— А у вас волосы сами выются или вы их завиваете?

— Еще чего не хватало, завивать, — ответил Григорий.

— У нас учитель был в школе, молодой, — стала рассказывать Надя, — мы думали, что у него волосы сами выются, а потом Люба его в Богдановке увидела, в парикмахерской. Сидел он и завивку делал, шестимесячную. Я поэтому спросила, вы не обижайтесь.

— Я пойду, Надя, — сказал Григорий, — спасибо за воду.

Однажды Григорий проходил мимо дома Нади, остановился, вошел во двор, заглянул в дверь и увидел, что Надя передвигает старый окovaný железом сундук.

— Подожди, помогу, — предложил он.

Они вместе переставили сундук и остановились, запыхавшись.

— А ты сильная, — сказал Григорий, — как ты его с места ухитрилась сдвинуть?

— Я с мальчишками когда боролась, всегда почти побеждала, — оживилась она, — свалю, упрусь коленкой в грудь и требую: «Признайся, что слабак». Пока не скажет: «Я слабак», не выпущу. Поможете мне шкаф передвинуть?

— Конечно.

Толкая шкаф, Григорий нечаянно прикоснулся плечом к груди Нади, тяжело перевел дух и отошел к окну. Смуглое лицо его посерело.

— Вам нехорошо? — испугалась Надя. — Надорвались?

— Нет, — напряженно улыбнулся он, — ничего.

— Присядьте.

Они долго сидели молча — Надя на табуретке, Григорий на тахте. Потом разговорились. Он рассказал о концертах, на которых бывал, когда учился на курсах в Тбилиси, говорил, что научит ее играть по нотам не только на гитаре, но и на пианино. «Попросим Иваныча, чтобы колхоз купил для клуба пианино».

— Гриша, а ты не знаешь, что вот это такое? — спросила Надя, подошла к тахте и сняла с гвоздя гитару. — Послушай.

— Сядь рядом, — попросил он.

Надя села на тахту и стала играть запомнившуюся ей песню. Но Григорий пожал плечами и, увидев разочарование на лице девушки, разъяснил, что композиторы создали такое разнообразие музыки, что всю ее знать невозможно.

— По-моему, это что-то классическое, — сказал он.

«Классическое!» Смысл этого слова Надя представляла себе не очень ясно.

— Ты так много знаешь, Гриша, — жалобно сказала она, а я такая глупая.

— Сколько тебе лет? — спросил Григорий.

— Шестнадцать.

— Ну? — удивился он. — А я думал, лет двадцать...

Наде польстили его слова.

— Мне все дают больше, — с забавной гордостью сказала она.

Григорий невольно рассмеялся. Эта рослая красивая девушка все больше нравилась ему. И в то же время он почувствовал легкое разочарование.

Григорий рассеянно слушал болтовню Нади, невольно любуясь ее черными глазами, покрытыми тенью густых ресниц. Сейчас они казались особенно большими. «А ведь такую можно полюбить до безумия», — подумал Григорий.

Он встал, попрощался и ушел, дав себе слово избегать встреч с Надей...

Григорий забыл свою фуражку. Обнаружив это на другой день, Надя решила, что он зайдет за фуражкой вечером. Но Григорий так и не пришел. Надя прилегла на тахту и уснула. Проснувшись под утро, встала, подошла к окну и долго стояла, смотрела, как над степью тают ночные тени. Когда погасли последние звезды и зеленоватое небо окрасилось на востоке нежно-розовым цветом, Надя пошла на ферму.

В среду вечером в клубе должно было состояться очередное занятие. Надя думала, что этот день никогда не кончится. В семь часов тетя Маня, разглядевшая своими старческими глазами нетерпение на лице девушки, отпустила ее.

Надя торопливо — ей казалось, что она опаздывает, — зашагала к дому, наспех поела, и, взяв фуражку, направилась к клубу.

В окнах клуба было темно, двери заперты. Ничего не понимая, девушка потопталась у входа, потом стала прогуливаться взад и вперед по улице. Почему Григорий не пришел? Может, уехал? А вдруг заболел? Да, да, наверное, заболел — здесь у него никого нет, надо приглядеть за ним, врача вызвать из Богдановки...

Надя побежала к дому, в котором жил Григорий.

Подошла, постучала в ставень, спросила хозяйку, высунувшуюся из окна.

— Марфа, Григорий что делает? Дело у меня к нему.

Хозяйка вытянула шею, разглядывая девушку.

— Надежда, ты? Чего тебе?

— Григория нужно, завклубом.

— А его нету дома. Гуляет где-то. Заходи.

— Да нет, пойду, — чуть слышно промолвила Надя.

— Передать чего? — спросила Марфа.

— Он фуражку свою забыл... в клубе. Отдай ему.

Надя медленно шла посредине улицы. Она не понимала, почему Григорий стал избегать ее. Скорее всего, он подружился с Любочкой...

Она немного пришла в себя, оказавшись у фермы. Словно во сне, вошла в коровник, кивнула головой дежурной доярке Лиде, попыталась улыбнуться ей и сказала:

— Пришла подежурить. Скучно дома... Хочешь, домой иди, я останусь.

— Правда, Наденька? — обрадовалась Лида. — А мне как раз сегодня дома надо быть. Братана рождение. Он и Артема пригласил, понимаешь? Вот спасибо. — Лида чмокнула Надю в щеку и стала поспешно снимать халат. — Там в дежурке на столе сверток — пирог с капустой и ватрушка. Ты съешь, когда проголодаешься. Ну, я побежала.

Надя отнесла в дежурку гитару и прошлась между стойл. Часть коров лежала, другие стояли, лениво пережевывая жвачку. Надя остановилась возле своей любимицы — крупной рыжей коровы, погладила ее по боку, приговаривая:

— Звездочка, Звездочка...

Корова повернула голову с белым пятном на лбу, потерлась мордой о ноги доярки и встала.

Надя оперлась локтями о спину коровы, опустила голову на руки, вздохнула и глубокого задумалась.

Весь конец лета Надя ходила молчаливая и строгая, почти ни с кем не разговаривая. Скажут ей что-нибудь — ответит, а сама не заговорит.

— Ты не заболела ли, чего такая хмурая? — спросила ее тетя Маня.

— Здорова, — сказала Надя, — только скучно мне.

Клуб она обходила стороной, но вечерами по-прежнему вздрагивала, услышав подле хаты чьи-нибудь шаги.

В субботу она уехала вместе с другими колхозниками в степь — сгребать сено. Вернулась в воскресенье вечером и увидела на крылечке согнутую фигуру — кто-то сидел, ждал ее. Надя остановилась у калитки, прижав к груди руку.

— Кто это? — сдавленно спросила она.

— Я, Надек, Люба, — послышался негромкий ответ.

Надя прошла мимо Любочки, зажгла в комнате свет, повернулась и спросила:

— Зачем пришла?

— Не сердись на меня, Надек. Я...

— Что, поссорился он с тобой? — с насмешкой спросила Надя.

— Кто поссорился? — Любочка подошла ближе, в голубых глазах ее было откровенное удивление. — О чем ты?

— Чего прикидываешься? О Григории говорю.

Любочка вздохнула.

— Нужна я ему, он со мной и не дружил. С Валькой Сапрыкиной время проводит, с учительшей.

— А ты не врешь? — спросила Надя. — Я думала, он с тобой бывает.

— Клянусь мамой. Неужели не слышала? Все село знает, что он за Валькой ухаживает.

— Проходи, садись, — Надя закусил губы, вышла умыться и стала собирать на стол. — Поужинаешь со мной?

— Ага, — вздохнула Любочка.

Надя разогрела борщ, поставила чугунок на стол, разлила борщ по тарелкам, села напротив Любы.

— Они драмкружок с Валькой организовали. Я тоже хотела участвовать, — стала рассказывать Любочка, — а Гриша говорит — таланта у тебя нету, стоишь на сцене, как дерево. У Сапрыкиной больно много таланту, прыгает по сцене, как коза, и визжит.

Надя задумалась, вспоминая Сапрыкину, молодую вдовушку, учительницу русской литературы. Она не была хороша собой — небольшого роста, худенькая, чернявая, острая на язык. Надя была однажды у нее дома — на этажерке и в шкафу стояло множество книг. Да, конечно, Григорию с Валею интереснее, чем с Любочкой или с ней. Но если бы Надя была такой же образованной, как Сапрыкина, еще неизвестно, кто бы больше понравился Григорию. Если бы Надя закончила институт, она знала бы все, что знает Валя, а вот Вале никакие вузы не дадут умения слышать, как поют в небе жаворонки, как дышит степь и журчат под снегом весенние ручьи...

Поужинав, подруги легли. Любочка что-то еще говорила, но Надя не слушала ее.

— Лучше бы он тебя любил, а не ее, — пробормотала Любочка и заснула, положив голову на плечо Наде.

Надя лежала с открытыми глазами. К селу приближалась автомашина — по потолку скользнул бледный отблеск света.

Автомашина с шумом проехала мимо, комната на мгновение ярко осветилась. Гул мотора отдалился и внезапно утих, словно оборвавшись, — грузовик остановился у конторы.

«Уехать бы учиться», — подумала Надя, засыпая.

Через несколько дней Надя пришла к председателю колхоза.

— Иваныч,пусти меня на учебу, — сказала она.

— На учебу? Это дело хорошее. А куда собираешься?

— В Тбилиси. В консерваторию.

— Куда? — удивился председатель.

— В консерваторию.

— Слушай, — серьезно сказал председатель, — я твоего отца близко знал и тебя уважаю, плохого не посоветую. Ты доярка хорошая, дело свое знаешь, для чего же дурь в голову вбиваешь? Кто тебя примет в консерваторию? Тоже мне еще—певица нашлась.

— Да я же не петь, — с досадой сказала Надя.

— Все равно не примут. Ты кончила восемь классов, а надо иметь аттестат об окончании полной средней школы. Поедешь и вернешься с отчекрыженным хвостом, как моя Любка.

— Ты меняпусти, Иваныч, а там видно будет, — упрямо твердила свое Надя.

— Подожди маленько, надо посоветоваться, Сергея спрошу, как он...

— А чего спрашивать, ты у нас голова. Он то, конечно, не захочет отпускать. А если что—я в райком комсомола обращусь, не имеете права задерживать, если учиться человек хочет.

— Ты меня не пугай райкомом, сам понимаю, — рассердился председатель.

— Ну так как, собираться?

знаю

— Хорошо, хорошо, — с досадой замахал руками Иваныч, — а Федорову породу настырную.

На другой день Надя уложила старый — еще материнский — чемодан, забила досками двери и окна хаты, отнесла своих кур к Любочке, попрощалась с ней, с тетей Маней, Иванычем, со всеми, кроме Григория.

— Прощай, Надек, — прослезилась Любочка, — возвращайся скорее. А я, может, к тебе приеду. Денег-то у тебя хватит?

— Да, две тысячи с собой есть. А Иваныч потом перешлет, что в этом году на трудодни причитается. И премию перешлет.

Надя взобралась в кузов грузовика.

— Может, в кабину сядешь? — предложил Сергей. Он ехал тоже, машина шла в Богдановку за частями для кормокухни.

— Не, я здесь, на воздухе, — покачала головой Надя, уселась на скамейке и положила на колени завернутую в клеенку гитару.

Машина тронулась. Вскоре Головневка скрылась в пыльной дымке.

Когда грузовик доехал до Богдановки и остановился у автостанции, Сергей помог Наде снять чемодан и смущенно сказал:

— Если тебе понадобится что-напиши, я с удовольствием...

— Спасибо, Сережа.

Надю тронуло искреннее предложение заведующего фермой, и она крепко поцеловала его в щеку.

— И меня, — подставил заросшее густой щетиной лицо шофер.

Надя рассмеялась и чмокнула шофера.

Грузовик ушел.

Теперь Наде надо было ехать автобусом в Ахалкалаки и оттуда — в Ахалцихе, а потом поездом — в Тбилиси.

* * *

— Вот налево, внизу камера хранения, — показал рукой попутчик Нади — газетный работник, ехавший из Ахалцихе, когда они вышли на привокзальную площадь.

Они познакомились в поезде — Надя угостила корреспондента домашним печеньем.

— Никогда не бывали в Тбилиси? — удивился он. — И троллейбусов не знаете и трамваев? Впервые встречаю такую девушку. А вы не разыгрываете меня?

— Чего? — не поняла Надя.

Корреспондент весело рассмеялся и стал рассказывать ей про город. Перед самым Тбилиси он протянул Наде записку со своим адресом.

— Если не устроитесь, можете остановиться у меня. Милости прошу, без стеснения. Если меня не будет дома, сестра вас примет, я ее предупрежу. Спросите Арчила Бицадзе.

Корреспондент предложил Наде проводить ее до консерватории, но она отказалась — сказала, что хочет добраться сама.

Когда Бицадзе ушел, Надя сдала свой чемодан в камеру хранения и остановилась на площади. От людской сутолоки, снующих во все стороны автомашин, ровно плывущих троллейбусов, шумных трамваев у нее слегка закружилась голова.

Надя несколько раз глубоко вздохнула и стала рассматривать многоэтажные дома напротив вокзала, прочла надпись на одном из них — «Пейте грузинский чай», недоумевающе покачала головой, не поняв, для чего сделали такую надпись. А какой же в Грузии пить чай, если не грузинский?

Вдали над городом синела горбатая гора, напоминающая буйвола. На ней виднелся белый домик и рядом с ним вонзалась в небо серебристая игла. «Фуникулер и телевизионная вышка», — поняла Надя, вспомнив рассказ Бицадзе.

Разглядев, где садятся на троллейбус, она перешла площадь, чуть не угодив под автомашину.

Номер троллейбуса она знала.

— Сколько надо заплатить за проезд до оперы? — спросила Надя кондукторшу.

— Сорок копеек.

— А если дальше?

Кондукторша пожала плечами.

— Куда хочешь езжай, все сорок. Ты откуда свалилась?

Надя не ответила, устроилась поудобнее и стала глядеть в окно. Одно она уже знала — за сорок копеек в троллейбусе можно ехать в любом направлении.

Мимо мелькали дома, витрины магазинов, киоски, люди — очень много людей. Одни спешили, другие стояли, разговаривали.

Троллейбус повернул. Раз. Другой.

— Консерваторию не проехали? — громко спросила Надя.

Ей ответило несколько голосов:

— Нет еще.

— Я скажу, где вам сойти.

— Консерватория напротив оперы.

— Спасибо, — всем сразу сказала Надя и снова уставилась в окно.

Город ей нравился: красивые дома, красивые улицы и красивые люди. Особенно женщины привлекли внимание доярки — они были одеты нарядно, и Надя невольно сравнила с ними себя. Впервые она подумала о своей одежде, о своем виде. Поморщилась, но тут же забыла обо всем — троллейбус выехал на мост. Показались плавные изгибы набережной, скрывающиеся вдали. На речной воде ослепительно блестели лучи солнца.

Зоркие глаза Нади замечали все — она увидела темную бронзовую фигуру на постаменте, узнала Руставели — и обрадовалась; приметилла высокую башню на доме — и залюбовалась ею.

— Какая красивая! — сказала она громко.

— Нравится? — насмешливо улыбнулся сосед. — Да это же фокусы украшательства.

Надя сдвинула брови — она не поняла его слов.

Снова несколько голосов предупредили ее, что пора выходить.

Надя полюбовалась оперным театром, с независимым видом стоя у края тротуара — она стала чувствовать себя уже увереннее; спросила, как ей пройти к консерватории, и поднялась по подъему к большому дому, на стенах которого висело несколько афиш. Надя пробежала их глазами: «Малый зал консерватории. Станислав Рихтер. Этюды Шопена...» «Большой зал консерватории. Большой симфонический оркестр Грузии... Солистка Маринэ Яшвили».

Откуда-то сверху доносился женский голос. Он поднимался от низких нот все выше и выше, казалось, взлетая к самому солнцу. «Сейчас оборвется», — испугалась Надя. Она стояла посреди тротуара, сжимая в руках свою гитару, не замечая, что мешает прохожим. Но женский голос замер на высочайшей ноте и вдруг рассыпался колокольчиками. Надя перевела дух и улыбнулась.

Она вошла в подъезд, поднялась по лестнице, повернула в коридор и

в нерешительности задержалась у деревянного барьера. За ним сидела пожилая женщина в очках. Она разговаривала по телефону и, прикрыв трубку рукой, спросила Надю:

— Вам кого?

— Я из Богдановского района... — начала объяснять Надя.

— Подождите немного. Сейчас...

Женщина положила телефонную трубку на стол и пошла за кем-то. В глубине коридора виднелась белая мраморная лестница. Надя оглянулась — женщины не было видно.

«Чего ее ждать, — решила девушка, — она здесь, наверное, вроде сторожа нашей колхозной конторы».

Надя прошла за барьер, поднялась на второй этаж и остановилась. Внизу слышались чьи-то шаги. Надя поднялась на следующий этаж и свернула налево: по обеим сторонам коридора были двери, обитые кожей, — из-за них слабо доносились звуки музыки.

Надя медленно шла, останавливаясь подле каждой двери и прислушиваясь. Вдруг она замерла, затаила дыхание. Дверь была прикрыта неплотно — Надя услышала знакомую ей журчащую мелодию. Кто-то играл на том самом инструменте, звуки которого так поразили ее, когда она услышала их по радио.

Надя толкнула дверь и вошла: в маленькой комнате стоял большой черный рояль, рядом с ним на стене висело зеркало. Спинной к нему сидела на стуле белокурая девушка и играла на красивом, сверкающем золотом и резьбой инструменте, похожем на большой треугольник с массой разноцветных струн различной длины. Рядом с девушкой сидела седая старуха с черными глазами, резкими чертами лица и с папиросой во рту. Повернувшись на звук открывшейся двери, старуха сердито сдвинула брови:

— Чего тебе? Выйди сейчас же!

Надя не пошевелилась, словно не слыша, протянула руку и спросила:

— Как это называется?

Белокурая девушка перестала играть.

— Безобразие! — возмутилась старуха, встала и подошла к Наде. Движения у нее были порывистые, глаза недобрые. Но после того, как она рассмотрела свежую, загорелую девушку в ситцевом платье, обратила внимание на гитару, которую Надя держала в руке, выражение глаз ее изменилось — в них загорелось любопытство.

Старуха взяла Надю за подбородок, посмотрела в ее темные глаза и уже спокойно спросила:

— Ты как попала сюда, девочка? Откуда ты?

— Сторожиха пошла звать кого-то к телефону, а я прошла. Меня зовут Надежда Ветрова. Я из Богдановки. Скажите, пожалуйста, как это называется?

— Это арфа.

— Арфа, — повторила Надя, прошла мимо старухи и провела рукой по струнам, словно лаская их, прислушалась к звукам, наклонив голову.

— А как называется то, что вы играли? — спросила она девушку. Та посмотрела на старуху и, подчиняясь ее взгляду, ответила:

— «Баркарола». Чайковского.

Надя повернулась к старухе:

— Я умею немного играть ее на гитаре.

— Нуну, ты можешь идти, — сказала старуха. — Ты хорошо игра-
ла сегодня. А ты, девочка, для чего пришла сюда?

— Я хочу учиться играть на... арфе, — серьезно ответила Надя.

Старуха улыбнулась:

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Чтобы хорошо играть на арфе, девочка, надо начинать учиться
в шесть лет.

Надя с сомнением посмотрела на старуху.

— Покажи-ка твою руку, — вдруг промолвила та, повернула руку
Нади ладонью вверх, посмотрела на нее, пощупала пальцы и пробормо-
тала:

— Рука у тебя сильная, подушки прирожденные... Иди, иди, Нуну,
мы поговорим здесь немножко, — сказала старуха белокурой девушке,
и когда та, с любопытством и улыбкой в глазах оглядываясь на Надю,
вышла, строго спросила: — А ну, признайся, почему ты вдруг решила
учиться играть именно на арфе?

Надя рассказала о себе, о том, как она услышала по радио чудес-
ную мелодию, как играла ее на гитаре, все — до той секунды, когда ус-
лышала в коридоре звуки арфы.

Старуха прикурила, села, разглядывая Надю.

— Ты кто? — прищурилась она. — Ну там, у вас в колхозе, кем
ты работаешь?

— Я доярка.

— Гм, доярка, доярка, доярка... Сядь, сыграй, что ты умеешь, —
приказала старуха.

Надя развязала тесемку, вытащила из клеенчатого футляра ги-
тару, села на стул и стала играть ту вещь, которая, как она узнала
только что, называлась «Баркаролой».

— Дальше я не запомнила, — сказала Надя, начав путаться, и за-
играла какой-то вальс.

Старуху передернуло.

— Что-нибудь другое. Это не надо.

Надя вспомнила еще одну мелодию.

— Моцарт, — пробурчала старуха. — Ты это тоже по радио слы-
шала?

— Ага.

Старуха долго сидела задумавшись.

— Ты где остановилась? — спросила она Надю.

— Нигде еще. Я прямо с поезда.

— Забирай свою гитару и поедешь ко мне. Вещи у тебя есть?

— В камере хранения.

— Хорошо. Пойдем.

Старуха нахлобучила на голову большую черную шляпу, взяла с
рояля замшевую сумочку и, кивнув головой Наде, вышла в коридор.

— Меня зовут Нина Владимировна. Фамилия моя Нуцубидзе, —
сказала она.

— Вы учительница? — спросила Надя.

— Да, девочка, я профессор.

Когда они вышли из консерватории, Нуцубидзе остановилась на
углу и махнула сумочкой проезжавшей мимо автомашине.

— Садись, — скомандовала она Наде, но села первая, и, когда де-
вушка уселась с ней рядом, сказала шоферу: — На вокзал.

По дороге на вокзал старуха задавала Наде вопрос за вопросом,

и, когда они, взяв из камеры хранения чемодан, доехали до дома, в котором жила Нуцубидзе, Надя успела рассказать о себе все.

Старуха жила на втором этаже старого красивого дома. Отперев двери, она прошла вперед, сказав Наде:

— Дверь закрой, чемодан поставь и располагайся. Без разрешения ничего не трогай.

И куда-то исчезла.

Надя поставила чемодан под вешалкой, положила на него гитару и вошла в комнату. Первое, что бросилось ей в глаза, — около окна стояли рояль и арфа. Чуть подальше тахта — низкая, покрытая ковром, который начинался под потолком и спускался до полу. У противоположной стены стоял маленький письменный стол. Третью стену закрывали полки с книгами. На стенах висело множество фотографий, многие с надписями. «Милой Ниночке от М. Дальского», — прочитала Надя. «Талантливой арфистке — ее неизменный поклонник Г. Нейгауз», «Нине Владимировне с уважением и любовью от Захария Палиашвили».

Надя задержалась у фотографии, на которой увидела красивую черноглазую девушку, игравшую на арфе. В лице девушки было сходство с Ниной Владимировной.

— Любуешься? — спросила Нуцубидзе, остановившись в дверях. Она переоделась — на ней был блестящий халат с красными цветами на черном фоне.

— Это ваша дочка? — простодушно спросила Надя.

— Это я в восемнадцать лет, — с гордостью произнесла Нина Владимировна. — Иди в ванную, разденься и вымойся хорошенько. Я затопила колонку, вода скоро согреется. Иди за мной, покажу тебе. А потом будем обедать.

— Вы одна живете? — поинтересовалась Надя.

— Одна. Дочь — певица. Она живет в Ленинграде.

После обеда Нина Владимировна убрала со стола, помыла с помощью Нади на маленькой чистенькой кухне посуду, села за рояль и сказала:

— Пой.

— Я... — растерялась Надя.

— Пой. Вот эту ноту, — старуха нажала клавишу. — Теперь эту. Так. Еще... Отвернись.

Она легко ударила по какой-то клавише и предложила Наде:

— Найди ее.

Надя провела рукой по клавиатуре рояля и задержалась пальцем на одной из клавиш.

— Эта.

— Так. Еще.

Надя безошибочно находила все клавиши, которые ей предлагала показать Нуцубидзе.

— Отвернись. Теперь укажи вот эту. Слушай внимательно.

Надя уловила разницу в звуке, попробовала несколько клавиш и показала на черную — до сих пор все клавиши, которые ей приходилось отыскивать, оказывались белыми.

— Та-ак... — довольно проговорила Нуцубидзе. — Дай-ка мне сумочку.

Она достала из сумочки карандаш, постучала им по крышке рояля.

— Слышала? Возьми карандаш и повтори.

Это походило на детскую игру, и Надя улыбнулась. Старуха тотчас

насторожилась и, когда девушка ни разу не ошиблась, выстукивая как-то рандашом различные ритмы, спросила:

— А ты не обманываешь меня? Может быть, с тобой кто-нибудь занимался?

— Честное слово! — искренне сказала Надя.

— Впрочем, это не имеет значения, — пробормотала старуха, закурила папиросу и вся окуталась клубами дыма. Она долго молчала, о чем-то думая.

Надя стояла у рояля, ожидая, когда Нуцубидзе заговорит с ней.

— Сядь! — услышала девушка резкий голос. — Вот здесь, напротив меня.

Надя села на краешек стула.

— Слушай меня внимательно. У тебя абсолютный слух. Ты знаешь, девочка, что такое абсолютный слух? Природа подарила тебе самый совершенный аппарат, какой только может быть у человека. Но ты опоздала. Из тебя мог получиться кто угодно — арфистка, пианистка, скрипачка, но для этого с тобой должны были заниматься с детства... А сейчас уже поздно. Поняла?

— А если я буду очень стараться?

— У тебя уже окостенела рука. Тебе придется много мучиться. Нет, нет, это невозможно. В истории еще не было такого случая — в шестнадцать лет заниматься арфой поздно.

— Я не боюсь работы, я буду заниматься с утра до вечера, — настойчиво сказала Надя.

— Ты не представляешь, что это будет за мучение. Тебе надо учиться не менее четырех лет. И если ты потом попадешь в консерваторию, то будешь учиться еще пять лет. Итого — девять.

— Пусть будет девять, — твердила Надя. В ней закипала упрямая кровь отца. Наверное, старуха пугает ее, проверяет, хочет быть уверенной в том, что Надя не сдастся, не бросит учебы.

— Ты все же хочешь стать арфисткой? — снова спросила Нуцубидзе. — Гм... поразительное упрямство.

Она встала и, чуть прихрамывая, стала ходить по комнате. Надя поворачивала голову влево и вправо, следя за старухой.

— Меня поднимут на смех, — Нуцубидзе говорила сама с собой, — скажут, с ума спятила... Впрочем, кто будет знать, что я?.. А потом она не выдержит и сбежит. Тогда я сама буду смеяться над старой душой, поверившей в невозможное.

Нуцубидзе остановилась перед Надей, взяла ее за подбородок, как днем в консерватории, и посмотрела в глаза.

— Ты знаешь, что такое музыка, девочка, что значит стать арфисткой в твоем возрасте, — заговорила она, все повышая голос. — Представь себе, что ты взвалишь на плечи невероятную тяжесть и не сможешь освободиться от нее много лет. Представь себе, что завтра и послезавтра, месяц и год, и еще много лет у тебя будут болеть пальцы, и ты не сможешь спать ночами... Ты любишь музыку? Четыре года ты не будешь знать, что такое музыка. Ты будешь играть только упражнения, упражнения, упражнения... И от этих упражнений ты не освободишься всю свою жизнь. Когда ты овладеешь инструментом, когда ты захочешь передать на нем чувства, волновавшие композитора, слушатель не поймет тебя. Он будет оставаться холодным до тех пор, пока ты не начнешь оставлять на струнах куски своего сердца, своей души. И тогда слушатель будет тебе аплодировать, дарить тебе корзины с цветами. Ты сумеешь вести его за собой по таинственному, чарующему миру му-

зыки, ты будешь владеть чувствами людей... Но... но придет время, когда пальцы перестанут подчиняться, и тебе останутся только воспоминания, пожелтевшие ленты от старых венков и такие фотографии, — старуха показала рукой на стены. Глаза ее горели, она стояла выпрямившись, в черном с красными цветами халате.

— Но если вы научите меня играть так, как играли вы, — смело сказала Надя, — у вас останется еще кое-что. А я научу другую...

Глаза Нуцубидзе потеплели.

— Ах ты, юный мудрец, так ты поняла смысл жизни, — рассмеялась она. — Ну что ж, если я не смогла разубедить тебя, начнем с тобой заниматься. Но знай — с этой минуты ты принадлежишь мне. Я прогоню тебя, едва только замечу, что ты ленишься. Поедешь тогда к своим коровам. Лучше быть хорошей дояркой, чем плохим музыкантом.

Нуцубидзе прилегла на тахту, снова закурила и спросила — не то себя, не то Надю:

— А как же мне тебя устроить?

Надя уже осмотрела всю квартиру — рядом была столовая, в которой они обедали, за ней спальня.

— Я могу спать здесь, — неуверенно предложила она.

Нуцубидзе снова рассмеялась.

— Тебе нравится у меня?

— Да, у вас красиво. Лучше я останусь у вас. Буду убирать, готовить обед. А свою долю буду вносить — у меня есть деньги.

— Правда? — улыбнулась старуха, ее очень забавляла непосредственность девушки. — Откуда у тебя деньги?

— Заработала. Две тысячи есть, — а еще мне перешлют. Сейчас я достану, они у меня в чемодане.

— Не надо. Возмешь их завтра. Мы пойдем с тобой по магазинам, купим тебе на платье...

Они долго разговаривали, пока Надя, привыкшая ложиться рано, не зевнула, вежливо прикрыв рот ладонью. Нина Владимировна усмехнулась.

Надя и не подозревала, как ей повезло: Нуцубидзе тосковала без дочери и уже собиралась предложить какой-либо из своих учениц переселиться из общежития к ней.

Утром Надя встала рано, направились на кухню, прибрала ее, переставила посуду в шкафах по-своему. Нина Владимировна поднялась с постели поздно, долго умывалась в ванной, долго причесывалась. Она слышала, как хозяйничает Надя, но не мешала девушке — старухе нравилась ее степенность и спокойная уверенность в себе. Но это свойство Надиного характера и смущало Нуцубидзе. «Очень уж не артистическая натура», — подумала она, но тут же успокоила себя тем, что природные способности у девушки необычайные.

— Заниматься с тобой мы будем по утрам, — сказала Нина Владимировна, — начнем сегодня. Вечером будешь заниматься сама. Ты школу кончила?

— Нет.

— Пойдешь в вечернюю, это мы устроим. Убирай со стола, мой руки и иди к арфе.

Когда Надя села на стул возле арфы, Нуцубидзе снова заходила по комнате. Черные глаза ее заблестели, и Надя подумала о том, что эта резкая, угловатая старуха, наверное, больше всего на свете любит музыку — она совершенно преображается, когда говорит о ней.

— Посмотри на арфу! — скомандовала Нина Владимировна. —

И забудь про все! Арфа с этой минуты должна стать для тебя ^{всем} твоей болью и твоей радостью. Знаешь, что это за инструмент? Древнее его в мире нет—так, во всяком случае, говорят историки. Арфу создал народ, на ней играли древние египтяне, ее знали в древней Иудее, греки называли арфу олицетворением всего прекрасного и поэтического. На арфе аккомпанировали своему пению народные певцы—галльские, шотландские и немецкие, ее струны знали пальцы скандинавских скальдов... Я непонятно говорю? Ты потом считаешь об этом—музыкант должен быть образованным.

Надя вспомнила, как Гриша объяснял ей, конюху Артему, Сене и Любочке нотную грамоту. Что делает сейчас Гриша?..

— О чем ты думаешь? Я же сказала—забудь про все!—послышался голос Нуцубидзе. — В восемнадцатом веке на арфе стали играть во дворцах и замках, из инструмента народного она стала забавой для благородных девиц. Они играли на ней такое вот...

Нина Владимировна села, наклонила арфу к плечу, и пальцы ее медленно заскользили по струнам.

— Как будто куклы танцуют, — сказала Надя.

— Молодец! — воскликнула старуха, поставила арфу, встала и снова заходила по комнате.—Сейчас арфа — один из инструментов симфонического оркестра. Солисток-арфисток у нас почти нет. Мы знаем только волшебницу Веру Дулову, Эрдели и еще кое-кого. Ты их услышишь. Все они учились играть с детских лет, выросли в семьях музыкантов. Тебе, деревенской девушке, придется тяжело, ты должна начать приобретать в шестнадцать лет то, что они впитали с молоком матери. Но ты не должна бояться, должна быть уверена в том, что будешь играть так, как они, и лучше! Только так, а не иначе! Искусство посредственности не терпит! Ты должна отдаться арфе целиком, вся, всей душой, всем сердцем. Искусство требует полной отдачи. Любовь к нему нельзя делить ни с кем...

Нуцубидзе бросила испытующий взгляд на Надю и приказала:

— Садись к арфе!

И этот голос стал звучать так же повелительно каждое утро.

Сперва занятия продолжались час, потом два. Когда Нина Владимировна уходила в консерваторию, Надя шла на базар, возвращалась, готовила обед и садилась за арфу уже одна. Вечерами она стала посещать вечернюю школу. После школы принималась за уроки. Другая не выдержала бы такой нагрузки, но Надя все преодолевала. Ей только трудно было бороться со сном, она часто засыпала, положив голову на тетради, потом вскакивала, шатаясь, шла в ванную, умывалась и снова садилась за стол.

Зимой Нина Владимировна повела Надю в оперный театр на «Даиси».

Они сняли пальто в кабинете администратора.

— Выйди, посмотри на себя в зеркало, поправь волосы, — подсказала Нуцубидзе и заговорила о чем-то с администратором, веселым толстым человеком, почтительно называвшим Нину Владимировну «профессором».

Надя прошла по фойе, разглядывая публику, остановилась у большого зеркала — и с трудом узнала себя. Здоровый деревенский румянец уже сошел со щек и большие темные глаза выделялись на бледном лице. Она выглядела совсем тоненькой в черном платье с глубоким узким вырезом на груди. Материал на несколько платьев, пальто, черные лакированные туфли на низком каблуке, босоножки, зимние ботинки на меху,

чулки — все было куплено Ниной Владимировной на деньги Нади — те, что она привезла с собой, и другие, которые ей прислали из колхоза. Заплатив портнихе, Надя увидела, что у нее совсем не осталось денег и, поразмыслив, сказала Нуцубидзе:

— Я должна найти себе работу.

— Что? Какую работу? — не поняла Нина Владимировна.

— Я не могу жить на ваши деньги, — пояснила Надя.

Старуха кивнула головой.

— Ты права. Я об этом подумала, — серьезно сказала она. — Но учиться в школе, учиться играть на арфе и работать ты не сумеешь. Поэтому сделаем так: моего заработка на нас двоих хватит. Я буду записывать все расходы. Когда ты закончишь консерваторию и будешь зарабатывать, ты вернешь мне долг. Хорошо?

— Можно я вас поцелую? — спросила Надя.

— Нет, нет, я не люблю нежностей, — замахала руками Нина Владимировна, но, увидев огорченное лицо девушки, смиростивилась и подставила щеку...

Надя зашла за Нуцубидзе, и администратор проводил их в боковую служебную ложу.

Нуцубидзе велела Наде сесть впереди, сама устроилась в глубине ложи и стала наблюдать за лицом девушки. Хотя Надя всегда бывала невозмутимо спокойной, но острые глаза старухи уже научились по теням, скользившим по ее лицу, угадывать, о чем она думает. И сейчас Нуцубидзе было приятно заметить, как внимательно ее воспитанница осматривает зал, как изучает лица людей и прислушивается к звукам настраиваемых инструментов. Глядя на Надю, старуха вспоминала свое первое посещение оперы и молодела сама.

Появился дирижер — среднего роста смуглый мужчина во фраке. Окинув взглядом оркестр, дирижер взмахнул палочкой — послышалась свирель пастуха. Пастух играл в сумерках, после заката солнца. Розовый отблеск последних лучей солнца еще брезжил на светлых облаках, сгрудившихся над горами. Скрипки и виолончели запели о любви, о близком счастье. Вдруг, сперва тихо, потом все громче и громче зазвучала песня, полная горя и печали... Надя почему-то вспомнила мать. В этой музыке и песнях, которые пела ей мать, было что-то общее...

Нуцубидзе увидела, как побледнела Надя, и догадалась почему. Вдруг брови девушки сдвинулись, ямочка на подбородке стала заметнее, и глаза забегали по оркестру.

— Что ты ищешь? — шепнула старуха на ухо Наде.

— Вон та труба фальшивит, — ответила она.

— Труба? Тебе кажется.

— Нет, нет. Фальшивит.

Когда закончился первый акт, Нуцубидзе поднялась и кивнула головой Наде. Они вышли из ложи, прошли узким коридорчиком и спустились по лестнице к оркестру.

— Попросите Гордели! — обратилась к кому-то из оркестрантов Нуцубидзе.

К ним подошел улыбающийся дирижер, поцеловал руку у Нины Владимировны и поклонился Наде.

— Всегда рад видеть вас, дорогая Нина Владимировна, — весело сказал Гордели.

Надя рассматривала его энергичное, дышащее умом и волей лицо, — дирижер понравился ей.

Нина Владимировна сказала Наде, чтобы она подождала ее, взяла Гордели под руку и скрылась в дверях, ведущих в оркестр. Через пять минут они вернулись. По лицу старухи было видно, что она чем-то довольна, дирижер с изумлением уставился на Надю — она смутилась, сама не зная от чего.

— Ты оказалась права, девочка, труба была настроена на четверть тона выше, — сказала Нуцубидзе, положив руку на плечо девушки.

До самого конца спектакля Надя все время чувствовала на себе взгляд Нины Владимировны и, оборачиваясь, видела, что черные глаза ее ласково щурятся.

— Что тебе больше всего понравилось? — спросила Нуцубидзе, когда они возвращались домой.

— Все! — не раздумывая, ответила Надя. — Музыка чудесна. Плач Маро особенно. В «Даиси» все — каждая ария, каждая нотка, все связано с нашей землей, нашими горами, нашими реками, нашими песнями... Я неверно говорю?

— Умница, — похвалила Нина Владимировна. — Вот подожди, ты еще услышишь «Снегурочку», «Бориса Годунова», «Абесалому и Этери» — эту оперу я люблю больше, чем «Даиси», «Князя Игоря»...

— Ария Киазо тоже прекрасна, — продолжала вспоминать Надя, — он любит и стремится к Маро. В его... в его...

— ... Теме, — подсказала Нина Владимировна.

— В его теме все время переплетаются любовь и ревность.

— Посмотрите на эту девочку, — пробормотала себе под нос Нуцубидзе, — как она рассуждает... А что ты знаешь о любви и ревности?

Они прошли площадь Ленина и поднимались по улице Кирова. Прохожих встречалось мало — лишь изредка слышались чьи-нибудь торопливые шаги да проезжала мимо автомашина со светящимся зеленым огоньком под стеклом.

— Я люблю, — ответила Надя, — и поэтому говорю.

Нина Владимировна остановилась, как вкопанная, ошеломленно посмотрела на девушку и зашагала дальше. За всю дорогу она не проронила ни слова. Надя тоже молчала, она не подозревала, какую бурю вызвали в душе старухи ее слова.

Нуцубидзе в последнем письме к дочери писала: «Ты спрашиваешь о моей воспитаннице? У нее выдающиеся способности. Не улыбайся — на этот раз я не ошибаюсь, и не хочу скрывать — мне кажется, я нашла в ней, в чужом мне человеке, то, чего была лишена в тебе. Не ревнуй — я люблю тебя по-прежнему, свое детище всегда ближе. Тут дело в другом — ты стала хорошей певицей, но я только подготовила тебя к будущему, а создала из тебя певицу Нежданова. Надя же будет целиком мое произведение — я сотворю из нее такую арфистку, что все ахнут».

Когда они пришли домой, Нина Владимировна села на тахту рядом с Надей и потребовала:

— Расскажи мне все. Кто он и где ты ухитрилась с ним познакомиться?

— Не здесь, — покачала головой Надя, — это еще в Головневке... И она рассказала о Грише.

Старуха улыбнулась.

— Ты из-за него решила стать образованной? Гм, выходит, что за свою ученицу я должна благодарить твоего Григория? Так... Значит, ты кончишь консерваторию, станешь образованной, поедешь в свою Головневку и....

— Выйду замуж за Гришу, — dokonчила Надя.

Нина Владимировна рассмеялась и потрепала Надю по голове.
— Давай ляжем спать, — решила она, встала и ушла в свою комнату.

Надя долго не могла заснуть. В ушах ее звучала полная страсти ария Малхаза, плач Маро над любимым... Она поворачивалась с боку на бок, откинула одеяло — показалось, что жарко.

С той ночи бессонница часто мучила Надю. Под глазами у нее появились синяки, она стала страдать головными болями и в конце зимы заболела.

Нина Владимировна перепугалась. Старый врач, приглашенный ею, давний знакомый Нуцубидзе, внимательно выслушал больную, спросил ее о том, как она проводит день, и сказал Нине Владимировне:

— Общее переутомление. У нее, очевидно, была перегрузка. Знаете, много занятий, много новых впечатлений, школа, арфа... А в общем, ничего страшного. Летом отправите ее в деревню, на море.

Надя скоро поправилась.

Снова пошли загруженные до предела дни. Правда, теперь Нуцубидзе освободила Надю от большей части хлопот по дому. Стало чуть легче. Но занятия с Ниной Владимировной продолжались. Во всем, что касается музыки, старуха была требовательна до беспощадности.

Исполнилось все то, о чем Нуцубидзе предупреждала Надю, — пальцы мучительно болели. Да что пальцы! У нее болели кисти рук, плечи. И, действительно, не было никакой музыки: одни лишь упражнения.

Хотя Нина Владимировна вне занятий была с ней ласкова, но в ушах Нади все время звенел ее резкий голос:

— Рука! Как ты держишь руку?!

— Так. Нет, плохо! Еще раз!

— Не стреляй! Мягче, мягче!

— По нотам надо играть, по нотам, а не фантазировать!

— Начали! До-ре-ми!..

Минуты занятий стали казаться часами. За ними был мгновенно пролетающий перерыв — и надо было снова садиться за арфу — играть самой. Потом опять перерыв, школа, уроки, и снова:

— Нет, нет, это ползвук!

— Соль, соль, а ты!

— Рука, рука!

Надя начинала тихо ненавидеть этот резкий повелительный голос, начинала ненавидеть арфу, себя, комнату, в которой она сидела, улицу, по которой ходила, город, в котором жила... Перед глазами появилась тихая улочка в Головневке, пение птиц в степи, плескание волн на озере — та музыка, которая не мучила, а была ласковой.

Гриша неожиданно прислал письмо, ответ на открытку, которую она отправила давно, еще в первые дни после приезда в Тбилиси, и на которую долго ждала ответа.

Письмо было ласковым и сердечным.

Гриша писал, что поссорился с Сапрыкиной и что вспоминает Надю. «Жаль мне теперь до боли, что я с тобой так обошелся. Встретилась мне ласточка, да я ее упустил. А теперь уже и мечтать нечего — ты уехала на долго, свидимся ли еще, кто знает. Тбилиси город большой — там тысяча таких, как я, найдется».

Надя послала длинное сумбурное письмо. В нем писала, что нет для нее на свете никого умнее и красивее, чем Гриша, и ни на кого она его не променяет. А приедет она скоро, как только наступит лето.

— Опять задумалась! — прервал мысли девушки голос Нины Владимировны. — Не пойму я, о чем ты думаешь!

Надя с досадой и злостью смотрела на старуху, та отвечала таким же сердитым взглядом и кричала:

— Начали! До-ре-ми...

Но по воскресеньям, когда они возвращались с концерта, Надя шла, нежно подхватив Нину Владимировну под руку, и могла слушать ее — не наслушаться. Девушка находилась под впечатлением музыки Чайковского, или Шумана, или Грига, а Нуцубидзе объясняла ей непонятное, уверенной и опытной рукой вела ее по миру музыки. И тогда Надя забывала о боли в пальцах, о том, что завтра утром она снова будет ненавидеть старуху, арфу, музыку, станет думать о том дне, когда она, наконец, окажется в Головневке, увидит Гришу, возьмет его за руку и пойдет с ним по улице, мимо ее старой хаты, мимо огородов, в широкую, пахнущую сеном и цветами степь...

Тоска по Грише, по милой Головневке, по родной степи все сильнее охватывала Надю. По утрам она выходила на балкон — дом, в котором жила Нуцубидзе, находился почти на склоне горы — и любовалась зарей, занимавшейся над городом. Из прозрачной дымки выплывали огромный белый цирк, стоящий на высоком холме, широкие мосты через еще недавно бурную, а теперь спокойную и медленную Куру... Тбилиси очаровал Надю. И тем сильнее она стремилась в Головневку. Ей казалось, что еще немного — и она будет захвачена этим городом, музыкой, всем, что она узнала и что ей предстоит узнать.

В июне Надя сдала экзамены в школе.

— Мы поедем с тобой на море, в Сочи. Ты должна отдохнуть, — сказала Нина Владимировна, — арфу на месяц оставим в покое, но теорией заниматься будем. Немного, по часу в день. Ты, милая моя девочка, сделала за десять месяцев больше, чем другие могли бы сделать за два года. Я довольна.

— Я не хочу в Сочи, — покачала головой Надя, — я должна поехать в Головневку.

— Не городи ерунды! — нервно заговорила Нина Владимировна. — Хорошо. Не хочешь в Сочи, мы поедем в Крым, в Ялту, до Батуми поездом, а потом на теплоходе. Ты ведь не была на море?

— Я не хочу моря. Я поеду к себе, в свою деревню.

Старуха сверкнула глазами, хлопнула рукой по роялю и заходила по комнате. Надя следила за ней, прикусив губу.

— Сдалась? Струсилась? — спросила Нуцубидзе, остановившись перед Надей.

— Нет. Мне нужно, поймите меня, мне очень нужно поехать в Головневку, — тоскливо сказала девушка.

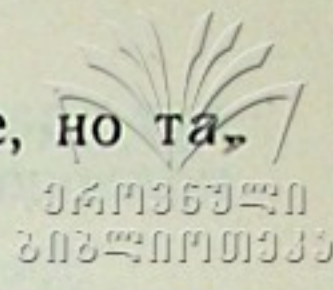
Старуха отошла к окну, долго молчала, глядя на город.

— На сколько ты едешь? Когда мне ждать тебя? — не поворачиваясь, спросила она.

— Не знаю, — честно ответила Надя.

Нина Владимировна подошла к ней, посмотрела в глаза:

— Сегодня первое? Двадцатого июля я буду ждать тебя. И знай, девочка, никаких глупостей. Помни все, что я тебе говорила... и помни ее, — Нуцубидзе показала рукой на арфу. — А теперь марш на вокзал за билетом! Деньги на серванте.

— Спасибо, — Надя хотела подойти к Нине Владимировне, но так, как всегда, отмахнулась:

— Без этого, без этого, знаешь, что не люблю.

Поезд уходил вечером. В последнюю минуту старуха вдруг решила проводить Надю, проворно переоделась, вызвала по телефону такси.

До вокзала они ехали молча. Надю охватило нетерпение. Всеми своими мыслями девушка была уже в Головневке. Нуцубидзе хмурилась, думая о чем-то своем.

Когда Надя устроилась в вагоне и, поручив свой новенький кожаный чемодан одному из пассажиров, вышла на перрон, Нина Владимировна не выдержала. Она схватила Надю руками за плечи и спросила:

— Ведь ты вернешься, моя девочка?

Надя кивнула головой, не в силах говорить от внезапного волнения, и подставила щеку, чтобы Нина Владимировна поцеловала ее. Но старуха не поняла движения Нади и тоже повернула голову для поцелуя. Они неловко прикоснулись друг к другу щеками.

Загудел электровоз.

Надя вскочила на подножку и скрылась в вагоне.

Нуцубидзе медленно шла к выходу в город. Она не торопилась вернуться домой, зная что сегодня ее никто не ждет...

* * *

Мимо окна мелькали столбы. Надя глядела в окно, читая названия станций: Мцхета, Ксани, Гори, Хашури... В купе все спали, а она то сидела у окна, то выходила в коридор и прохаживалась по вагону.

Когда, наконец, забрезжил рассвет, и поезд остановился у станции Вале, откуда ходил в Богдановку автобус, Надя первая выбежала из вагона: боялась — вдруг не достанет билета. Но автобус отошел почти без пассажиров.

Через несколько часов впереди показались остроконечные горы. У Нади забилося сердце, и она забыла обо всем, с радостью и трепетом узнавая знакомые места. Казалось, она и не уезжала отсюда, казалось, не было в ее жизни Нуцубидзе, тяжелой и трудной зимы, ежедневных занятий на арфе, вечерней школы — все вдруг ушло куда-то назад, как сон, после которого пробуждаешься свежей и словно выросшей.

Это неожиданно возникшее чувство ненужности ее поездки в Тбилиси и облегчения от того, что все испытания уже позади, что она снова возвращается к тому простому, родному делу, которым она и должна была заниматься, уже не покидало Надю. С ним она ехала в автобусе и потом в кабине попутного грузовика, с этим радостным чувством облегчения Надя вбежала в дом председателя колхоза и обняла завизжавшую от восторга Любочку, а потом пошла к себе.

— Григорий уехал с нашим кружком в Богдановку — шефский концерт у них. Вечером вернутся, — сказала Любочка. Она несла чемодан Нади, и ни за что не хотела отдавать его, и засыпала подругу градом вопросов.

Надя улыбалась счастливой улыбкой и приговаривала:

— Потом, потом.

Любка стала рассказывать, что, поссорившись в Валькой Сапрыкиной, Григорий уже ни на кого, вот ни столечки даже, не обращал больше внимания. Он с ума сойдет, когда увидит Надю, она стала такая интересная, просто не узнать! А Лида дала согласие Артему. Свадьбу бу-

дуют праздновать осенью. Хотят им комсомольскую свадьбу сыграть, всем колхозом, как в «Комсомольской правде» описывают.

— Ты на сколько приехала, Надек?—спросила Люба.

— Ой, Любочка, не знаю. Ничего я не знаю, — вздохнула Надя.

Они шли больше часу: то из одного, то из другого дома выбегали женщины, обнимали Надю, целовали ее, принимались расспрашивать.

— Чего это все сегодня дома?—спросила Надя.

— Да воскресенье же, Надек.

— Забыла я.

Надя остановилась у калитки своего старого дома, сердце у нее заби-лось. Люба поставила чемодан на землю.

— Сейчас я молоток принесу.

Она побежала к соседке.

Надя вошла во двор—он уже зарос молодой травкой. Дверь в сви-нарник была полуоткрыта—Надя вспомнила, как она увидела мать, ле-жащую здесь, и застыла на месте...

Воинственно размахивая молотком, прибежала Любочка, но, увидев лицо подруги, тихо прошла мимо и остановилась на крыльце.

Надя подошла к свинарнику, прикрыла дверцу и, повернувшись к Любочке, сказала:

— Отбивай.

Громко застучал молоток. Любочка оторвала доску, которой была забита дверь, Надя отомкнула заржавевший замок, достала из сундука свое старое платье и переоделась — платье оказалось чуть коротким и широким. Подруги прибрали комнату, затопили камин — так захотела Надя. В селе ни у кого больше не было камина — его когда-то сложил для Тамары отец Нади.

— Ты вечером сиди дома,—сказала Любочка,—а я встречу Григо-рия и скажу ему, что ты приехала.

— Выдумщица ты,—скупой улыбнулась Надя.—Я сама его встречу.

— Нет, нет. Я ему скажу. Пусть он к тебе придет, так лучше. Ты выросла и похудела,—оглядела подругу Любочка,—а платье это тебе уже больше не подходит. Ты стала какой-то другой...

Надя задумалась. То легкое и радостное чувство, которое владело ею с утра, вдруг прошло. «Что со мной такое? — спросила себя Надя. — Раньше я всегда знала, чего хочу, а сейчас...»

— А где твоя гитара?—спросила Любочка.

— Гитара,—растерянно посмотрела на нее Надя.—Я забыла гита-ру... там, в Тбилиси.

Снова безотчетное чувство тревоги и неудовлетворенности овладе-ло ею.

Надя заперла дверь, пошла к Любочке, пообедала у нее, поговорила с Иванычем, рассказала ему, как она жила в Тбилиси, и собралась идти домой.

— Жди, я пойду к клубу, — шепнула ей Любочка. — Ты только будь в новом.

Надя открыла дверь, вошла в комнату, хотела было снять старое платье, но раздумала и вышла на крыльцо.

— Пусть все будет, как раньше, — сказала она сама себе вслух.

В селе было непривычно тихо. Надя услышала шум грузовика, и вскоре на улице раздались быстрые шаги. У калитки выросла мужская фигура.

— Гриша?—громко прошептала Надя.

— Надя!—услышала она.

Григорий быстро прошел двор и взбежал по ступенькам. Они стояли друг против друга, не двигаясь.

Надя взяла Григория за рукав и потянула его за собой во двор.

— Надя, — снова сказал он.

— Не надо. Не говори ничего.

Надя вывела Григория на улицу, и они вышли за село.

И все было так, как мечталось ей, — они шли по ночной степи, держась за руки. Степь пахла полынью и цветами, из-под ног вылетали, шумя крыльями, ночные птицы, вдали чуть слышно плескалось озеро. А над головами ярко пылали синие огни громадных звезд.

Григорий попытался при их отблеске рассмотреть лицо Нади. Она тихо засмеялась.

— Боишься, что подурнела?

— Дай хоть посмотреть на тебя, — попросил он.

— На, смотри, — Надя подняла голову, приблизив смутно чернеющие глаза к самому лицу Григория. Он хотел поцеловать ее, но не решился. Она поняла, что он оробел, вздохнула и снова потянула его дальше.

— Куда мы? — спросил Григорий.

— Куда глаза глядят. Вот на эту гору заберемся. Хочешь?

— Хочу, — сказал он.

Все, что в прошлом году казалось в Наде странным, все это нравилось сейчас Григорию.

Когда они, запыхавшись немного, вскарабкались на вершину горы, Надя села на камень рядом с Григорием. Он что-то говорил, она что-то отвечала, но ни один, ни другая не смогли бы потом вспомнить, о чем они проговорили весь вечер.

Подул прохладный ветерок.

Надя поежилась, встала.

И тогда Григорий, наконец, задал вопрос, который мучил его еще с вечера:

— Ты надолго, Надя?

— Не знаю, посмотрим, — ответила Надя и побежала вниз, прыгая с камня на камень.

На другой день Надя пошла на ферму.

Был час дойки коров. Девушка подкралась к тете Мане, которая сидела на скамеечке, массируя корове вымя, и закрыла ей глаза руками.

— Знаю уже, Наденька, что ты приехала, — ласково произнесла доярка, — нечего мне глаза закрывать.

Надя расцеловала морщинистые щеки старушки.

— Вернулась, значит, — обрадованно говорила тетя Маня. — Что, трудно пришлось? Или провалилась?

— Да нет, не потому совсем, тетя Маня, соскучилась я без тебя, без...

— Ну уж, без меня, — прищурилась доярка. — Мне Любка сказала, что ты совсем по другому случаю приехала.

— Наговорила уже, — с досадой произнесла Надя.

— Да что уж, это дело такое — все равно не скроешь. Замуж, значит, собираешься?

— Нет, тетя Маня, пока нет, — ответила девушка.

— Тебе лет-то сколько?

— Семнадцать.

— Ну и не торопись, не надо спешить с замужеством. А делать что будешь? — спросила тетя Маня. — Опять сюда?

Вопрос застал Надю врасплох.

— Н-наверно.

— Тогда возьми в дежурке халат и иди помогать,— сказала доярка, — погляжу, не разучилась ли ты.

Когда Надя с подошником в руке подошла к белолобой корове и погладила ее по шее, корова замычала, вытянув морду.

— Узнала, узнала меня Звездочка, — обрадовалась Надя.

С этого дня пошло все по-старому. Утром Надя приходила на ферму, вечером шла с Григорием в степь, в клуб—если было кино, а то сидела на своем крылечке, слушая, как бьется сердце Гриши, и ни о чем не думая.

Любочка относилась к счастью подруги, словно любящая мать или старшая сестра.

Не спрашивая Надю, она поговорила с отцом, тот распорядился выписать Наде продукты со склада. Любочка сама получила на складе все, что полагалось, и принесла продукты Наде домой.

Заведующий фермой был в степи, когда приехала Надя. Он с радостным удивлением поглядел на председателя, услышав его слова:

— Ветрова вернулась. Она с Марьей пока работает. Ты ей ничего не говори, а трудодни начисляй.

— Она если совсем, Иваныч... — начал Сергей, но председатель постучал по его лбу пальцем и спросил:

— Доярка она хорошая?—и сам ответил:—Золотая. А вот с головой у нее не все ладно, не знаешь, что ли? Любка мне что-то объясняла, так я не понял. Пушай работает, а ты ее ни о чем не спрашивай. Выйдет за Григория, закрепится—тогда поручишь коров. Ну, чего уставился?

— Иваныч, она за Гришку идет? — пробормотал, мигая глазами, Сергей.

— Тьфу, — плюнул председатель, — и ты туда же? Опоздал, милочка.

Несмотря на предупреждение Иваныча, Сергей не удержался, чтобы не сказать Наде при первой встрече:

—С приездом, Наденька. Ты, говорят, замуж собираешься? Поздравить можно?

Надя рассерженно посмотрела на него—почти три недели она была в Головневке, и уже чуть ли не все село говорило о том, что она выходит замуж за Григория.

— Когда на свадьбу позову, тогда и будешь поздравлять,— сказала она и отвернулась.

На душе у нее опять было тревожно и неудобно. Вчера пришла телеграмма из Тбилиси. В ней было всего четыре слова: «Жду нетерпением, целую. Нуцубидзе». И эти четыре слова внесли смуту в уже определившуюся, ясную жизнь Нади. Она смяла телеграмму и спрятала ее в кармашек юбки. Весь день телеграмма шуршала в кармане, напоминая о себе.

Вечером Надя сказала Григорию:

— Прочти. — И протянула телеграмму.

Пробежав телеграмму, Григорий резко спросил:

— Это кто? Кто он такой?

— Не он, а она,—чуть улыбнулась Надя.—Моя учительница.

Они сидели на крыльце. Ярko светила полная луна, и Надя, словно днем, различала каждую черточку его лица—оно снова стало спокойным и уверенным.

— Да-а, учительница,—медленно протянула Надя. Она почти ничего не говорила ему о Нине Владимировне, и сейчас ей захотелось рассказать все.—Она, Гриша, не просто учительница, она...

Григорий внимательно слушал.

— Ну, что же,—сказал он, когда Надя умолкла,—ты напиши ей: так, мол, и так, спасибо за внимание, а я остаюсь здесь. Сколько она на тебя потратила? Деньги ей пошлем, у меня есть рублей семьсот, потом соберем еще...

Надя прикусила губу—Григорий не понял ее.

— Порви ты эту телеграмму,—весело заговорил Григорий,—дай-ка ее мне.—Он разорвал голубой листочек бумаги пополам и выбросил его. — Вот так. Слушай, я давно хочу сказать тебе... Еще когда ты уехала...

Из репродуктора торжествующе и победно загремела музыка. Звук рояля лился каскадом, со все нарастающей силой.

— Подожди, Гриша, давай лучше послушаем,—попросила Надя, Музыка умолкла.

— О чем задумалась?—спросил Григорий.

Надя посмотрела на него, будто не узнавая, выпрямилась и стала заплетать распустившуюся косу.

— Надо спать,—сказала она.—Иди, Гриша, домой.

— Да рано еще, Надюша.

— Мне хочется побыть одной.

Он вздохнул, спустился с крыльца, остановился на последней ступеньке и обернулся.

— Надюша, а как же?.. Мы так и не поговорили...

— Потом, Гриша, потом, милый. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,—еле слышно ответил он и ушел.

Надя стояла, слушая радио. Мужской голос пел:

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...

— ...И любовь,—повторило эхо.

Луна покрылась быстро плывущими по небу облаками. Неровные полосы света бежали по земле, догоняли вдали одна другую, сливаясь в туманную голубоватую ленту, окаймляющую нагорье.

— Чайковский. «Сентиментальный вальс». Исполняет на арфе Вера Дулова, — объявил диктор.

Надя сбежала во двор и остановилась у калитки, чтобы лучше слышать. Вера Дулова! Сколько рассказывала о ней Нина Владимировна...

Слушая, как поют под руками арфистки струны, Надя вспомнила рассказ Нуцубидзе об эоловой арфе, созданной древними греками. Струны этой афры дрожали от дуновения ветерка, и звучание было необыкновенно красивым. И сейчас Наде казалось, что она слышит эолову арфу, ей не верилось, что рука человека способна заставить звучать арфу так нежно и мелодично. Перезвон струн плыл над улицей, домами и садами, уносился далеко в степь, залитую волнами лунного сияния. Чудилось, что это лунный свет колеблет траву и полевые цветы, и они поют тихую ночную песню...

Песня стихла вдали. Надя стояла, не двигаясь.

— Сальцедо. «Вихрь». — сказал диктор.

Загудели струны, сперва тихо, потом все громче и громче, в них слышался шум ветра, закружившего все вокруг. Надя чуть не вскрикнула от удивления и восторга—невозможно было поверить, что это звуки того инструмента, который только что звенел нежными полевыми колокольчиками... «Мы знаем только волшебницу Веру Дулову...—услышала она

слова Нины Владимировны, — ты будешь играть так, как она, — и лучше! Но ты должна отдаться арфе целиком, вся, всей душой, всем сердцем!..»

Вихрь умчался вдаль...

С дерева слетел сухой лист и, закружившись, упал на руку Наде. Она отдернула руку, словно прикосновение листика обожгло ее, и осмотрелась, все еще не понимая, действительно ли шумел ветер или это было наваждение, навеянное чудесной игрой музыканта.

Снова диктор что-то сказал, снова полились над деревней звуки арфы.

Надя вышла за калитку и побрела по улице.

— Ты к нам? — услышала она мужской голос. — Любки нету дома.

Надя вздрогнула, повернулась и увидела Иваныча — отца Любы, он сидел на крыльце, курил.

Надя подошла к крыльцу, села на ступеньку.

Долго сидели молча.

Музыка прекратилась.

— Ишь ты, — пыхнул папиросой Иваныч, — важно играли как, а? Всю душу расшевелило...

— Это на арфе, — тихо сказала Надя. — Я на ней играть училась, в Тбилиси.

Иваныч заглянул в лицо Наде, поскреб пальцами подбородок и о чем-то снова задумался.

— А что за инструмент такой — арфа? — спросил он.

— Вроде гитары, только очень большой, — ответила Надя. — Ты, Иваныч, рояль внутри видел? Если из рояля раму со струнами достать — будет арфа. Это знаешь, какой инструмент? Народный, на нем в древности играли... — торопливо и взволнованно она рассказала все, что узнала об арфе от Нины Владимировны.

— Да-а, — протянул Иваныч, потушил папиросу, выбросил окурок и покачал головой. — А чего ты все же вернулась-то, Надежда? Моя Любка приехала — это одно дело, а ты почему сдалась, ума не приложу. И талант у тебя есть, говорят, и характер крепкий, а на тебе! — он развел руками. — Играть так вот, — Иваныч кивнул в сторону репродуктора, — я предполагаю немногие смогут... Ты вот с собой шутики шутишь, а того не думаешь, что и мы свою гордость имеем, хотим, чтобы по радио Надежда Ветрова выступила — известная музыкантша, и чтобы сказали: «Она родилась и выросла в селе Головневка Богдановского района, в бывшем темном духоборском селе». Эх, был бы твой отец жив, он бы тебя наставил на правильный путь. Федор был человек нового склада, первый у нас с обычаями духоборскими покончил. Если бы не он да не другие его товарищи, вы бы и сегодня не знали, что такое радио да клуб...

Иваныч закашлялся, умолк. Потом добавил:

— Я тебя не гоню, конечно; даже рад, что ты дома, и что работаешь хорошо — тоже рад, а все же обидно... Ну, ладно, я спать пошел. Ты Любку будешь ждать — или?..

— Пойду, — сказала Надя. — До свиданья.

Она направилась к своей хате, миновала ее, пошла той дорогой, которой не раз ходила с Григорием, — мимо огородов, степью, к поблескивающему вдали озеру. Постояла, задумавшись, у воды, потом поднялась на гору, посидела, глядя на озаренное лунным светом нагорье, и, в конце концов, расплакалась. Она прощалась со своей первой любовью, с молчаливой ночной степью и погруженной в сон деревней... Надя не знала,

что пройдут годы—и любовь снова придет к ней, не знала, что она унесет с собой в Тбилиси и голоса нагорья, и шум ветра, и пение птиц, не догадывалась, что все это будет жить в ней, в музыке...

* * *

Поздно вечером Нуцубидзе услышала звонок и пошла открывать двери, недоумевая, кто может придти к ней в такой час.

— Кто там? — спросила она.

— Телеграмма, — ответили из-за двери.

Нина Владимировна расписалась, вошла в комнату, одела очки и прочла:

«Приезжаю двадцатого навсегда. Целую, ваша Надежда».

Грузинским БРАТЬЯМ

Перевод с азербайджанского В. Сикорского

Кура разлилась широко,
 блестит она меж кустами.
Ивы к воде склонились,
 брызги летят на кору.
Волны, которые ночью
 приветствуют юность Рустави,
В Мингечаурском море
 тихо звенят поутру.
Соседствуют земли Грузии
 и земли Азербайджана.
Наша святая дружба,
 словно родник, чиста.
Истоки ее в столетях.
 Мы дети одной державы.
О дружбе великой песня
 из уст переходит в уста.
Что б ни было, но друг друга
 мы никогда не оставим.
Народ говорит: «С друзьями
 и счастье и горе дели!»
Дружба у нас закалилась,
 как сталь на заводах Рустави.
Она светла, как грядущее
 Мингечаурской земли!

●

Новые СТИХИ

СЛЕДЫ

*Памяти Паоло Яшвили, Михаила Джавახишвили,
Тициана Табидзе.*

Я не успел застать живыми вас.
В провидческом каком-то упованье
Я, поднимаясь в горы,
каждый раз
Искал следы, оставленные вами.
Здесь вы ходили с облаками вровень,
и подпевали эти птицы вам.
И горы эти
вам родня по крови,
Паоло, Михаил и Тициан.
Но нет, —
неправда правду не обманет
ни действием,
ни сутолокой фраз.
Он понимал, что все на место встанет,
лишь виду не показывал —
Кавказ.
С его травой пахучей на ботинках
здесь вы прошли у каменной гряды,
и снова проступают на тропинках
дождем враждебным смытые следы.

Ты вечером с гор взгляни!
Как на форели крапинки,
зелененькие и красненькие
горят разноцветно огни.
Над крышами
и оградами
сгущаются мгла и тишь.
Усталым большим виноградарем
ты,
милая Грузия,
спишь.

И в снах твоих медленных,
Грузия,
Сплошной вереницей даров
плывут виноградные гроздья,
как связки воздушных шаров...

В ГРУЗИНСКОМ СЕЛЕНИИ

Я столько за год пережил!
Но снова в знакомом селении
грузинские травы целебные
я к ранам своим приложил.

Я в женщине той обманулся,
с которой судьбу я связал,
и друг от меня отвернулся
за то, что я правду сказал.

Но вот у кувшинов пузатых
с друзьями своими стою,
грызу кукурузный початок
и крупною солью солю.

Свободный от уз и клевет
я запахом трав отуманен,
и брат мой —
грузинский крестьянин,
и брат мой —
грузинский поэт.

О свежесть початков душистых!
О промельк форели в волне!
И прежняя жадность до жизни
опять загудела во мне.

Крутило меня и ломало,
кружило в восторгах людских,
но мне —

мне и радостей мало,
и горестей мало моих!

Мне мало всех щедростей мира.
Мне мало и ночи и дня.
Меня ненасытность вскормила
и жажда вспоила меня!

Мне надо снегов крупчатых,
мне надо и слез и забав...
Весь мир —
кукурузный початок,
похрустывающий
на зубах!

ფიალა

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Л. Тугулевой

Комиссия горсовета принимала новый дом.

Члены комиссии обошли все квартиры большого, растянувшегося на целый квартал нового четырехэтажного здания. Десять пар опытных глаз долго и внимательно осматривали отделку комнат, паркетный настил, устройство кухонь и ванных.

Проверяли долго, но не нашли ничего такого, к чему можно было бы придраться.

— Ну, что ж! Пойдемте теперь во двор, — сказал председатель городского Совета, человек средних лет с легкой сединой на висках.

Все последовали за ним.

— А это что, Дмитрий? — обратился председатель к главному инженеру, указывая на стоящее среди двора деревянное строение.

Многим, наверное, приходилось видеть такие хибарки. Везде, где собираются воздвигать дома, прежде всего появляется такой барак. Он служит как бы штабом строителей. Но как только дом готов — барак исчезает.

А здесь он еще стоял и был такой чистенький и нарядный, что где-нибудь на окраине города украсил бы маленький двор. Тут же, рядом с только что выстроенным огромным домом он казался лишним и даже смешным. Вдобавок, труба, выходящая через окошко сарая, вызывающе дымила в лицо блестящим на солнце окнам нового дома-гиганта.

— Почему до сих пор не убрали этот сарай? — спросил председатель.

— Я уже доложил вам вчера вечером, на заседании комиссии, когда распределяли квартиры, — ответил инженер. — Наверное, помните заявление гражданина Торотадзе.

— Что-то не припоминаю...

— И не удивительно. Мы тогда так все устали! — вставил кто-то.

— Отказали? — спросил секретарь горкома партии, один из членов комиссии.

— Нет, вопрос пока остался нерешенным.

— По какой причине?
— Их очередь пока не дошла. И вообще, они не так долго живут в нашем городе.

— Кто они такие?

— Муж — столяр, жена — каменщица. Здесь познакомились, поженились. Они работали на этой стройке и попросили разрешения временно остаться жить в этой хибарке. Мы разрешили. Все сделали, что могли... Даже покрасили...

— Пойдем-ка, поглядим, — сказал секретарь горкома.

Члены комиссии подошли к бараку. Инженер постучал в дверь. Выглянула крепкая, смуглая молодая женщина:

— Пожалуйста, войдите!

Председатель еле протиснулся в узкую дверь и остановился за порогом, так как больше некуда было идти. Напротив, около стены, стоял стол; налево — железная, аккуратно застеленная кровать; направо, возле окна — маленькая печурка-временка. В комнате было тесно, поэтому хозяйка очутилась лицом к лицу с гостем.

— Вы Торотадзе?

Вдруг, как будто в ответ, раздался плач ребенка. Присутствующие невольно улыбнулись. Хозяйка, не успев ответить, начала качать люльку.

Ребенок не успокаивался.

Тогда мать раздвинула полог над колыбелью и нагнулась к ребенку. Председатель увидел через плечо матери просиявшее, как солнышко, личико. Он оглянулся на членов комиссии. Потом снова повернулся к хозяйке:

— Как звать малыша?

— Ия!¹

— Хорошее имя! Подходящее.

Председатель с улыбкой глядел на малышку, которая уже не плакала и хваталась за платье матери маленькими ручонками, освобожденными от пеленок.

«Ия! Ия!» — мысленно повторял председатель и невольно вспомнил нежную, голубоглазую фиалку, вспомнил опушку весеннего леса. Раньше всех там начинает цвести фиалка, первая вестница весны... С ветвей на неуспевший растаять снег падают капли воды. А под деревом, из-под побуревшего покрова снега, поднимается этот цветок, улыбаясь своими ясными глазами первым лучам весеннего солнца...

Малышка, лепетавшая в люльке, походила на фиалку. Конечно, отсюда — из прокуренного, заваленного бумагами кабинета ее трудно было увидеть.

Председатель молча поклонился хозяйке, еще раз улыбнулся ребенку и вышел.

Рабочий день кончился, но по предложению секретаря горкома комиссия снова направилась в горсовет.

И вот на схеме второго этажа нового дома, в квадратике, обозначающем двухкомнатную квартиру, появилась надпись красным карандашом: «Квартира Торотадзе», а чуть ниже, написанное синим карандашом, еще слово: коротенькое, ласковое имя — «Ия».

¹ И я — фиалка (груз.).

ЧЕРНАЯ СКАЛА

Перевод с грузинского М. Максимова

Как будто бы обвал клубится,
Плывет туман издалека.
Крылом скалу заденет птица
Над тихой песней пастушка:

«Черный ворон с черной кручи
В бездну камнем кинется,
Как напьется свежей крови,—
В небо не поднимется...»

В отцовскую одетый чоху,
Поет мальчонка на скале.
Ту песнь от вздоха и до вздоха
В своем я выучил селе.

Напев ее, в сердцах согретый,
Мне с детства, сизмальства знаком.
Я узнаю в мальчонке этом
Себя — мохевским пастухом.

В протяжной песне, по соседству
С вороньей черною скалой
Мне слышится и голос детства,
И гром обвала удалой,

И серая волна отары,
Что водам Терека подстать,
И этот страх глухой и старый —
Добычей черной птицы стать.

Но пастушонка страх не тронет:
Уже поросшее травой,
Лежит пред ним гнездо воронье
И старый ворон неживой.

Да, жизнь сильнее! Ворон злючий
Лежит, не видя ничего,
А пастушонок смотрит с кручи
Орлиным взглядом на него.

Татарстан Республикасы
Җомартлыҡ һәм мәдәният министрлыгы

Амазонка

Перевод с грузинского М. Максимова

Говорили мне: в горах над речкой
королева амазонок скачет.
Обманули детское сердечко,
До сих пор в нем эта сказка плачет.

Между скал, как только ищут дети,
След копыт искал я без опаски,
Я мечтал запутаться, как в сети,
В косы этой женщины из сказки.

По ночам в ущелье ждал я снова.
Явится она, и отразится
На губах ее рассвет пунцовый,
А в глазах — взлетевшая орлица.

Черное ущелье, след упрямый,
Треск летучей мыши, вой шакалий..
Синие глаза усталой мамы,
Что же вы неправду мне сказали?

Но сегодня в том ущелье все же
На заре я встретился с судьбою.
На меня, на прежнего похожий
Шел какой-то мальчик за арбою.

И внезапно, словно гром обвала,
С грохотом ударили копыта.
Девушка-пастушка подскакала,
Осадив буланого сердито.

Шел мальчишка за арбою следом
И не понял моего смятенья;
На губах ее — лучи рассвета,
А в глазах — орлицы отраженье.

Спешилась со мною по соседству.
— Подержи поводья! — голос звонок.
...Я держу в поводьях сказку детства...
— Здравствуй, королева амазонок!

Отия Иоселиани

ბაღი НА КОСОГОРЕ

Перевод с грузинского Б. Г а с с а

Мы жили совсем близко от железной дороги, около станции. Само собой понятно, что сызмальства во сне и наяву мной владела мечта стать машинистом. И вот не успело мне стукнуть семнадцать лет, как я уже забрался в паровозную будку. Впрочем, было это так или иначе, неважно, главное — я вскоре стал помощником машиниста, а паровоз — моим вторым домом. Стою у окошка и, кажется, что это я впряжен в вагоны, это я мчусь во весь дух. Сейчас мне все нипочем: взвалю на плечи станцию, вон ту гору, поверну вспять течение реки, умещу на ладони все небо...

А паровоз грохочет в горах, дробно стучит на мостах, мчится вперед. Мелькают деревни, реки, виноградники, поля, люди. Машу рукой, шапкой, вылезаю по пояс в окошко:

— Здравствуйте, мосты!

— Здравствуйте, туннели!

— Горы!

— Люди!

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!

— Привет и тебе, ветхий домик на косогоре, я тебя издали приметил, даже узкую лесенку без перил разглядел. Но что это красное мелькает в окне? Вздумалось же этой горе встать между нами! Исчезли домик, комната, окно...

— Здравствуй, ежевика!

Гора отступила, и вновь возник домик с открытым окном, а на подоконнике сидит девушка в красном платье.

— Здравствуй, девушка!

Она улыбается, высовывается в окно, машет книжкой.

Поезд торопится, девушка вот-вот скроется из глаз, но нет, она вы-
бегаёт на балкон, обвивает одной рукой столбик, а другой — машет
мне, машет.

— До свидания, девушка!

Уходят назад двор, косогор. Я становлюсь на цыпочки, хочу еще
хоть разок увидеть девушку, а поезд продолжает бег, пыхтит, свистит.
И вновь — дома, реки, мосты, виноградники...

Вечером на обратном пути меня что-то манит вперед, кто-то подго-
няет — не знаю что, не знаю кто, но мне хочется ехать быстрее, быстрее:
боюсь, как бы темень, укрывшаяся под мостом, не разлилась по всей
округе. Но время тянется так медленно! Наконец, показался и косо-
гор, нарядней как-то он выглядит, краше. Сколько на нем, оказывается,
полевых цветов! Вот и двор в зеленой одежде — сейчас он особенно
привлекателен. Окно домика открыто, но девушки не видно. Я не теряю
надежды и усиленно машу рукой в ту сторону. Вот и она. Держит охап-
ку зеленых листьев — кормит теленка. Увидев меня, замахала руками,
и листья посыпались к ее ногам. А поезд идет, пыхтит, свистит.

Поездка закончена. Я захожу в дежурку и вижу в зеркале черно-
го, покрытого сажей парня... неужели это я? Сколько раз заходил я сю-
да после работы и никогда не замечал, что весь в копоти и лишь зубы
сверкают белизной. Неужели я всегда в такой замусоленной рубашке?
Неужели всегда я такой черный? Неужели таким знает меня та девуш-
ка? Эти думы всю ночь не давали мне покоя. Спозаранку выйдя на ра-
боту, я битых два часа слонялся без дела. Время шло медленно, стрел-
ки больших часов, казалось, застыли на циферблате. Но вот появился
машинист — и меня так обрадовал его приход.

Медленно двигался паровоз по рельсам, потом застучал, запыхтел
и стал набирать скорость.

Бежит, мчится состав и вновь — станции, дома, мосты, виноград-
ники.

Я смотрю вперед, только вперед. Я знаю: еще далеко до косогора,
до домика, до того окна, но вот сейчас мы минуем эту гору, оставим
позади лес, завернем, и я увижу... Миновали лес, обогнули гору, но
опять гора, излом дороги, лес... А вот и косогор, и дом, и окно, и крас-
ное платье. Девушка машет белым платком, приветствует меня. Улы-
баюсь в ответ и чувствую — лишь мои белые зубы видны ей. Поезд
идет, вагоны грохочут, девушка выбегает на балкон, обвивает одной
рукой столбик, другой — машет, машет.

— До свидания, девушка!

День идет за днем, месяц — за месяцем. Листья желтеют, опадают.
Хрупкие снежинки вначале робко ложатся на землю, потом, превра-
тившись в хлопья, окрашивают в белый цвет косогор, домик, окно. А
девушка по-прежнему выходит на балкон, обвивает одной рукой стол-
бик, другой — машет, машет.

— До свидания, девушка!

Отсюда не видно ее лица, но я уверен: у нее лучистые глаза, длин-
ные ресницы, а когда она смеется, на щеках появляются маленькие
ямочки. Я уже знаю — зовут ее Майя.

И вот — отпуск. На мне — новый костюм, шляпа, галстук и туфли
со скрипом, в руках — билет в пассажирский вагон.

Выхожу на соседней станции, пробираюсь тропинкой, собираю бу-
кет цветов и, полный ожидания, подхожу к знакомой калитке. Девуш-
ка удивленно смотрит на меня, приглашает войти.

— Здравствуйте, Майя!

- Откуда вы меня знаете?
- Не узнаете?
- Нет, кто вы?
- Я... я... будьте любезны, стакан воды.
- Пожалуйста... Сейчас... Одну минутку.

Она входит в комнату, выносит кувшин, и тут доносится гудок паровоза. Девушка забывает и обо мне, и о воде, и о долге гостеприимства. Она срывает с себя платок, обвивает рукой столбик и ждет, ждет появления паровоза. Вот он показался на повороте, но тут же скрылся за горой. Там, наверное, рдеет ежевика — она так близко — рукой подать. Наконец, паровоз приближается. Девушка высоко поднимает платок, хочет взмахнуть им, но... рука застывает в воздухе. Машинист, задумавшись, сосредоточенно смотрит вперед. Кто знает, о чем думает он — ведь у всякого свои думы.

Платок выскальзывает из рук девушки, она вбегает в комнату, и я слышу глухие всхлипывания. Она плачет, наверное, зарывшись в подушку.

Я стремглав выбегаю на дорогу, сажусь в первую попутную машину, врываюсь к начальнику и отказываюсь от отпуска.

Сейчас я доподлинно знаю, что девушку зовут Майя, что глаза у нее лучистые, что, когда она смеется, на щеках появляются ямочки, и что она умеет ждать.

Обо мне же... Обо мне она думает: «Этот парень покрыт с головы до ног копотью, лишь зубы сверкают белизной. Когда-нибудь я увижу его вблизи—черного, покрытого копотью, с белыми, как снег, зубами..»

Родам Чачанидзе

ШКИПЕР голубого сейнера

Перевод с грузинского В. Михайлова

Разве можно было не заметить голубого двухмачтового сейнера, когда он, рассекая волны, входил в бухту. Разве можно было спутать с кем-нибудь его рябого боцмана, который на берегу говорил так громко, будто и здесь приходилось ему перекрывать рев моря.

И одноглазый шкипер навсегда оставался в памяти. Вот так—в рубке. Короткопалые руки вертят в руках бинокль. Черный, немного печальный глаз ощупывает морской простор.

Кто знает, о чем думал в эти минуты старый шкипер!

Наверное, многое вспоминалось старому шкиперу, когда он вел сейнер. Где-то вдали виднелся четко очерченный берег, приморский город,

утопающий в зелени, тихая улица, сад и выкрашенный любимой голубой краской дом.

Много лет назад он впервые спустился в кочегарку небольшого танкера, принадлежавшего нефтяной компании. Нелегкая это была работа: день и ночь в кочегарке — знай, подсыпай уголь, чтобы пар стоял на марке. Но еще тяжелее была тоска по берегу. Его иногда одолевало желание на одну минуту, только на одну минуту, подняться на палубу и снова взглянуть туда, где за горизонтом должна находиться земля. Какая-то невидимая нить соединяла его с сушей. Чем дальше уходил берег, тем сильнее натягивалась эта нить и усиливался страх, что она вот-вот совсем оборвется.

Танкер миновал Дарданеллы, Босфор, обогнул Европу и, наконец, бросил якорь в Осло. Но для кочегара мир оставался маленьким и тесным — он был ограничен днищем, бортами и покачивающейся палубой.

Через год, при переходе экватора его выкупали в морской воде — «крестили». Он, как должное, принял это посвящение в моряки, спокойно вступил на длинную и крутую лестницу жизни...

Медленно разрушался маленький тесный мирок кочегара, беспредельные морские горизонты открывались перед его взглядом. Суша делалась все меньше и меньше, а море росло, превращалось в необозримый океан, заполняющий собою вселенную.

Не знал молодой моряк, где окончатся для него ступени этой лестницы, только твердо уверовал, что рожден он для моря. А раз так — пусть бросает его море на юг, запад, север, восток — все равно.

И он плавал... Мадагаскар и Огненная Земля, Сингапур и Гавайские острова появлялись из-за горизонта, приближались и вновь таяли за кормой. Груз сменялся новым грузом. В трюмах парохода, на котором он теперь служил, побывали какао из Конго, алжирский янтарь, аргентинский каучук, чукотские чернобурки, цейлонский чай, датское сливочное масло...

В мире происходили великие перемены, менялась жизнь. После революции он стал учиться, получил диплом штурмана, но неизменным было одно — он, как и раньше, плавал по морям, узнавал новые города, новые порты и снова покидал их.

Но все это было давно... Однажды он заметил, что лестница жизни уже ведет его не вверх, а вниз. Его перевели на малый каботаж, а потом и речником захотели сделать. Река казалась ему тесной, здесь ему трудно было дышать — ведь вокруг была суша. И он попросил снова перевести его на море, пустить в дальние плавания. Сначала ему отказали, потом — что уж было делать с беспокойным стариком — послали на голубой рыбацкий сейнер.

И вот шкиперу стукнуло семьдесят пять.

В тот день солнце пекло особенно сильно. По случаю дня рождения шкипера нарушили правила — на баке поставили стол, покрыли его белой скатертью. Сейнер покачивался на волнах. Стаканы с вином пятились, словно крабы. Моряки говорили короткие тосты и пили.

Вдруг, словно кто-то окликнул старого шкипера: «Эй, одноглазый! Не пора ли тебе на берег, старина, возиться в огорожке?»

И тотчас послышался другой голос: «Нет, шкипер, не время еще. Посмотрим, что будет дальше...»

Ничто не захватывало шкипера сильнее, чем ощущение близости моря, близости маленького голубого сейнера. И походка его становилась увереннее, когда ноги упирались в скользкую, как спина тюленя, палубу.

Все радости и печали его были связаны с морем. Здесь закалился он, здесь научился стискивать зубы так, что ни стон, ни жалоба не могли

вырваться наружу. Однажды в шторм громадная волна обрушилась на корабль, оторвала шкипера от поручней, бросила на корму. Георгий почувствовал резкую боль под левой бровью. Потемнело в глазах. Он успел только крепко схватиться за канат.

Когда вода схлынула, и Георгий пришел на мгновение в себя, он понял, что с глазами что-то стряслось...

Потом была больница и бред, бред — две недели в бреду. Иногда ему казалось, что он у себя на сейнере. В такие минуты приходило недолгое успокоение. Потом его выписали. Он поблагодарил судьбу за то, что хоть один глаз уцелел, и сразу же пошел в порт. Медленно поднялся на мостик по истертым железным ступеням и, когда его короткие пальцы дотронулись до штурвала, почувствовал такое облегчение, будто вернулся не из родного города, а откуда-то издалека.

Он взглянул за борт, в темную глубину, и ему показалось, что оттуда смотрят на него ушедшие годы.

Вздрогнул старый шкипер, почувствовал, что близко время, когда его ослабевшие, изъеденные солью руки не смогут удержать даже бинокля. Что тогда делать, старина? Выдержишь ли? Переживешь такое?

С той поры начал Георгий вести счет старым шкиперам. Каждый день вспоминал имена, каждый день пересчитывал их, загибая пальцы. Вначале помогал себе обеими руками, потом хватило и одной. Но вот больше считать не надо: сразу три старых шкипера списались на берег.

Теперь остались только он и Коста Данелия — тот, что из Поты. Да, остались двое, как две мачты сейнера.

Георгий видел Косту в последний раз в прошлом году. Потиец вел новенький, недавно сошедший со стапелей завода сейнер. С виду корабль мало чем отличался от других рыболовецких судов, но говорили, что аппаратура на нем новейшая.

Сейнеры обычно встречались в маленькой бухте за Гонию. Здесь по утрам собиралось много рыбы.

Едва в маленькой бухте показывался сейнер Данелия, Георгий командовал рулевому, голубой сейнер стремительно разворачивался и на всем ходу устремлялся навстречу другу. Сейнеры быстро сближались; казалось, еще минута — и они столкнутся.

Георгий поднимал руку в знак приветствия в то время, как Коста круто сворачивал влево. Сейнеры останавливались, покачиваясь на волнах.

— Озорничаешь все, старина?! Посмотрю я на тебя — старик, а все озорничаешь! — кричал Георгий.

Коста от всего сердца смеялся, потом сейнеры давали малый ход и расходились.

Георгий радовался этим встречам: Коста был для него вроде надежного мола, о который разбивались любые сомнения.

...И это утро началось обычно. Подняли якорь. Поставили сейнер у бочки. Тщательно проверили машину, привели в порядок палубу и, наконец, шкипер дал команду выходить в море.

Сейнер миновал Гонию. Георгий знал, что сегодня здесь улова не будет, но все же зашел в бухту, сделал два круга. Он уже повернул было в открытое море, но тут увидел, что справа подходил новенький сейнер Коста.словно лебедь, покачивался он на волнах. Георгий тотчас сменил курс и пошел на сближение.

Потийский сейнер шел полным ходом. Батумцы тоже не уступали. Но почему-то при встрече Коста Данелия повернул не влево, как обычно, а вправо. Мало того, когда сейнеры поравнялись, потийцы даже не сбавили хода...

— Коста! А-а, Коста! — крикнул Георгий, но тотчас осекся: не Коста стоял на мостике. Сейнер вел незнакомый светлоголовый парень.

Один из потийских крикнул:

— Коста теперь на берегу. На почте работает...

Георгий давно ждал этого, но все же почувствовал слабость. Он растерянно посмотрел на своих. Рыбаки опустили головы. Рябой боцман отвернулся и, кажется, первый раз в жизни выругался так тихо, что никто не услышал.

Чайки с криком садились на белые гребни волн.

...Георгий не думал о том, что это его последний рейс. Только чей-то усталый голос назойливо спрашивал: «Неужели пора? Неужели пора уходить?»

И никто уже не отвечал ему...

Григорий Луценко

Письмо

Было это еще в дни войны. Как-то возвращался я на своей машине с передовой, куда отвозил продовольствие для наших войск, сражавшихся в горах.

Дорога узкой лентой вилась над обрывом. Где-то внизу шумела в камнях речушка.

Проехал я километров пять и вдруг вижу: навстречу мне с автоматами на груди идут два солдата. Один из них поднял руку и, когда я затормозил, сказал:

— Поставьте машину в сторонке и пропустите колонну людей.

— Есть пропустить колонну, — ответил я и, выбрав место, где дорога была немного шире, остановился. Вскоре из-за горы появились запорошенные снегом солдаты. Они шли свободным строем. Все были в белых маскировочных халатах и с автоматами за спиной, а многие из них несли опорные плиты и стволы батальонных минометов.

— Э!.. Смотри, машина! И как ее сюда занесло? — проговорил один солдат.

— А ты, наверное, думал, что уже на край света попал. Да тут, за поворотом, ресторан должен быть с пивом и джаз-оркестром.

Все засмеялись.

Редко кто из солдат молча проходил мимо машины.

— Что, браток, загораешь? — спрашивал один.

— А куда ему, бедному, деваться? Видишь, матушка-пехота его мехчасть к скале прижала, — отвечал ему другой.

— Эй, друг, поторапливайся, пока снегом не завалило, а то замерзнешь! — советовал третий.

— А может, он уже замерз? Иди, браток, к нам, согреем!

И снова шутки, смех.

— Куда идет машина? — спросил меня какой-то офицер, остановившись около кабины.

— У меня теперь маршрут один — доеду до Берлина, а там уже домой, в Тбилиси.

— Да, большой круг тебе придется сделать, но так, пожалуй, вернее... А в Сухуми будешь?

— Я думаю, что часов через пять доеду, товарищ старший лейтенант.

— Тогда у меня к тебе просьба. Там у меня жена и дочь Галочка. Заскочи к ним и передай от меня привет и вот это! — Он достал из внутреннего кармана что-то завернутое в потертую газету. — Здесь ровно тысяча семьсот рублей, можешь не считать — расписки я не требую. Так вот — деньги передай жене, а дочку поцелуй за меня, да будешь целовать, смотри, с женой не перепутай. Эх, по закону им следовало бы послать гостинца, а тебя, брат, пивом угостить, но, извини, здесь магазины уже, кажется, закрыты.

«И этот шутит», — подумал я.

— Бумаги у тебя не найдется? Хочу написать несколько слов. Давно я уже своим не писал. Вначале не до писем было — пришлось с боями отступать с самой Украины. А после, как попал сюда, на перевал, тоже не писал, все надеялся, что, может быть, удастся самому заглянуть...

Бумаги у меня не было. Я протянул ему свой путевой лист и сказал:

— Пишите вот на путевке.

— А я ее не испорчу? Ведь документ... Ну, ничего, я здесь, на обороте напишу. И, наклонившись над крылом машины, он что-то торопливо написал, задумался и, махнув рукой, тут же зачеркнул.

Снегопад прекратился, и лучи заходящего солнца, пробившись между туч, осветили вершины гор. Кругом все заискрилось, посветлело, и тут только я вспомнил о той опасности, которой подвергались люди, идущие по дороге.

— Товарищ старший лейтенант, а вам известно, что дорога обстреливается?

— Да, знаю, но... Хорошо, что ты напомнил, — лейтенанта я, кажется, забыл предупредить, как бы они не проскочили место, где нужно спуститься в ущелье... Пожалуй, с письмом опять ничего не выйдет. В общем, ты жене скажи, что потом напишу. Подбодри ее, пусть она там духом не падает. Короче говоря, действуй, друг, в зависимости от обстановки. А ну, посмотри — разберешь мой почерк?

На обороте путевого листа крупным, красивым почерком были написаны адрес, фамилия, имя — и больше ничего, если не считать двух зачеркнутых слов.

— И это все? — спросил я. — Да вы хоть имя свое скажите.

— Тьфу, черт, совсем забыл! Давай напишу. А дом мой найти легко: до маяка доедешь, и сразу налево — там тебе любой покажет...

Вот так и получилось, что я в тот день стал почтальоном, да еще с особо важным поручением.

Часа через три я уже въезжал в Сухуми.

Поравнявшись с маяком, завернул в первую попавшуюся улицу. Только хотел вылезти из машины и постучаться в крайний дом, вижу — идет паренек лет четырнадцати. Я его окликнул:

— Эй, ты, орел, иди-ка сюда.

Подошел.

— Ты улицу Приморскую знаешь?

— Знаю, сам там живу, а вам кого нужно?

— Надежду Борщеву...

— Нет, такой я не знаю. А номер дома?

— Номер дома тридцать шесть.

— Так это же здесь, недалеко, за углом.

— Садись-ка ты ко мне в кабину и покажи.

— Нет, дяденька, не могу. На завод тороплюсь. И так уже боюсь, что опоздал.

— Ну тогда беги, сынок, я и один доеду.

И он ушел. «На завод тороплюсь». Ему по возрасту в школу бы ходить да в мяч с ребятами гонять в две смены.

Повернул я за угол и еду. Вот, кажется, и номер тридцать шесть. Небольшой домик за маленьким забором в глубине двора.

Я заглушил мотор, достал свой вещмешок. Вначале думал взять лишь шоколад и угостить им девочку, но потом решил — отдам-ка я им все, что у меня есть. И с мешком в руках пошел к дому. «А что же ей, — думаю, — сказать, чтобы вышло поскладнее?» И так решил: скажу ей, что муж у нее герой. Ну, а после можно будет добавить, что он сбил самолет. Их ведь каждый день сбивают. С этим решением подошел к окну и постучал. Молчат. Стучу сильнее.

— Кто там?..

— Борщева Надежда — вы?

— Я! А кто это?

— Откройте, у меня к вам дело.

— Какие могут быть дела ночью?

«Э, — думаю, — видно, строгая».

— Откройте. Меня к вам муж послал. Николай Павлович Борщев. Открыла она мне дверь, ввела в комнату.

— Садитесь. Да снимите сначала шинель.

Положил я свой мешок на край стола, разделся. Как она мою шинель взяла! Словно это была не солдатская шинель, а енотовая шуба. А сама так на меня смотрит, как будто хочет закричать: «Да не тани, рассказывай скорее!»

«Не торопись, — думаю, — успеешь, дай хоть осмотреться». Вижу — на кровати в беленькой длинной рубашонке стоит девочка лет трех, худенькая такая, с растрепавшимися косичками, и, не моргая, смотрит на меня своими черненькими глазенками. Подошел я к ней, говорю:

— Так вот ты, Галочка, какая!

И только я это сказал — как бросится она ко мне.

— Папа, папочка, я знала, ты придешь...

Обхватила меня ручонками за шею, целует и вся дрожит. И я не выдержал — заплакал. Расцеловал ее.

— Моя ты доченька, моя малышка!

— Папочка, а почему ты плачешь?

— Не буду, маленькая, не буду! — говорю, а у самого туман в глазах.

— А как ты долго воевал... И мама тоже плачет...

Смотрю, а мать стоит у стола, закрыла лицо руками, и, действительно, плачет.

— Не надо, — говорю, — успокойтесь. Мне приказали утешить вас, а я сам разревелся. Плохой я, видно, дипломат. Зачем вам плакать — радоваться надо, что муж живой.

— Да, радоваться, — говорит она, — до радости дожили — Галочка отца не помнит.

«Как же, — думаю, — мне тебя подбодрить?» Подошел я к столу, вынул из мешка шоколад:

— На, доченька, держи.

— Спасибо. А он правдашний и его можно кушать?

— Можно, детка, кушай. А это, хозяйюшка, вам — консервы, хлеб, а вот еще и деньги. Тысяча семьсот рублей, считайте.

Взяла она деньги. Положила их на стол и смотрит на меня. «Чего же, — думаю, — ей еще надо?» На всякий случай пошарил по карманам и говорю:

— Пустой, все!

— Как все? А письмо?

— Письмо он потом напишет.

— Потом?

— Мамочка, смотри, коровка, и тут тоже коровка...

— Подожди, Галя, не мешай! Так, может, он уже без рук?

— Да нет же, с руками, с ногами и совсем здоров!

— Тогда я чего-то не пойму. Говорите все прямо. Все, что знаете.

— Папочка, возьми меня на ручки!

— На ручки я тебя, Галочка, возьму, но только я не...

Дернула меня хозяйка за рукав и тихонько говорит:

— Не надо ее огорчать. Пускай хоть один денек порадует папе. Я ей после сама скажу.

Взял я девочку на руки, завернул в одеяло и думаю: «Эх, будь что будет, скажу, как есть». И говорю:

— Времени у него нет.

— Как? Жене два слова написать времени нет?

И тут я вспомнил про путевку.

— Два слова-то он написал. Вот здесь, возьмите.

Ух, как она посмотрела на меня! А путевку — не взяла, а вырвала из моих рук.

— Улица, номер дома... так... Надежда Борщева, так... Николай Павлович Борщев... Почерк его, а здесь что он зачеркнул? Ага — люблю, це-лую... Люблю, целую — и зачеркнул. Это почему же?

— Да не успел он написать — дел у него много.

И я рассказал все, что знал о ее муже.

Достала она школьную тетрадь, ручку и пузырек чернил.

— Какой номер его полевой почты? — спрашивает.

Я растерялся:

— Забыл спросить. И он не написал. Ну да ладно, пишите, увижу ведь я его. Только учтите — тороплюсь, у меня машина на дворе и срочное задание.

— Что же делать? Мне большое письмо нужно написать.

— Тогда мы сделаем так: вы тут пишите, а я потом заеду.

— Только не забудьте!

— Обязательно заеду!

Приехал в штаб. Оформили мою путевку. Надо было торопиться в часть, да — делать нечего — поехал за письмом. Подъезжаю, смотрю — она меня уже на крылечке ждет.

Заходим в комнату. Ребенок спит, стол накрыт чистой скатертью, а на столе хлеб, селедочка, лучок, десяток мандаринов в вазе. В углу на керосинке чайник шумит.

— Вы меня простите, что выпить ничего не достала.

— Да что вы! Я не пью. И это вы все напрасно приготовили. Разве я в гости к вам пришел?

— О нет, вы для нас дороже гостя. Садитесь.

Закусил я, выпил чашку чаю.

И вот вручает она мне письмо.

— Смотрите, не потеряйте... А это вам на дорогу.

Дает мне половину моего же хлеба и консервов да пару мандаринов насильно в карман засунула, но я их тихонько вытащил и оставил.

Простился я с ней, поцеловал девочку и укатил.

Утром завернул письмо в бумагу и спрятал в кабине. Может, думаю, снова попаду на перевал или где в дороге встречу адресата.

Много после этого я изъездил дорог, пока оказался в освобожденном от противника Краснодаре.

Поставил я свою полуторку и, получив разрешение у командира, пошел на город посмотреть. Иду, смотрю — ничего не узнаю — все кругом разрушено. Больницы, школы, дома взорваны.

Сел я на камень около разрушенного театра, закурил.

Вижу, подходит какой-то офицер, остановился и тоже на взорванное здание смотрит. Потом спрашивает меня:

— Ты что, друг, тут на морозе сидишь?

— Да так, товарищ капитан, пришел знакомые места проведать.

— Что — бывал здесь раньше?

— Маляром работал. Вон видите, на той стене роспись? Моя работа.

— Тогда, выходит, что мы с тобой земляки. А я тут один раз на сцене в спектакле кружка самодеятельности выступал. Даже смешно теперь и вспоминать. Мечтал когда-то стать артистом.

Присмотрелся я к нему: знакомое лицо.

— Простите, товарищ капитан, вы не Борщев?

— Точно!

— А вы меня не узнали? Я тот шофер, которому вы поручили же не деньги передать.

— Не может быть?!

— У меня, товарищ капитан, для вас письмо от нее есть — почти два месяца вожу.

— Так давай же!

— В машине оно.

По дороге он меня вопросами прямо засыпал:

— Да как они там? Как Галочка? Подросла?..

Вытащил я письмо из-за брезента, отдал ему.

Взял он его в руки и стоит, не раскрывает. Потом, гляжу, распечатал. Вынул фотографию. Долго-долго на нее смотрел, начал было читать письмо да вдруг склонился на капот и закрыл лицо руками.

А я сел на подножку машины, сижу и рассуждаю сам с собой: «Странно устроен человек! Там в горах, когда шел в бой, и, может, он не надеялся живым вернуться, тогда смеялся и шутил. Теперь получил письмо, кажется, можно было бы и порадоваться, а он плачет».

Потом он повел меня с собой.

До самого дома, где остановился капитан, мы шли молча и только когда входили, он сказал:

— Сейчас я познакомлю тебя со своими друзьями и заставлю одного из них перед тобою извиниться.

В чистой и просторной комнате стоял буфет, стол, стулья, диван, на котором сидели два офицера. В углу у пылающей плиты хозяйка чистила картошку.

— Вот тот шофер, — сказал Борщев, когда мы вошли в комнату.

— Ага, дружок, попался! — воскликнул один из офицеров.

— Попался, говоришь? Да он для меня теперь дороже брата. —

Капитан положил на стол фотографию: — Смотрите на мою семью, любуйтесь, и послушайте, что я прочту. — Потом он с улыбкой обернулся ко мне: — Тут меня кое-кто наивным назвал за то, что я деньги незнакомому человеку доверил... Да и ты под подозрение попал. Теперь пускай прощения просят.

— Да ладно, извиниться мы еще успеем, извиниться надо, правильно. Но ты читай сначала, что пишут.

— Слушайте, — и начал он читать: — «Коленька, родной! Сегодня у меня такая радость, что, кажется, счастливее, чем я, человека на свете нет. Спасибо, дорогой, что ты прислал шофера. Только почему не написал? Когда шофер твой Галочку по имени назвал, она как вскрикнет: «Папочка!» и бросилась к нему. Коленька, дорогой! Я думала с ума сойду, когда на них смотрела. И как он ее только не называл: «Доченька, родная», а сколько было слез и поцелуев. Видно, что радость у нас у всех одна и горе тоже общее, одно. Ты знаешь, милый, Галочка все помнит, а вот тебя, отца, в лицо уже не помнит, раз назвала шофера отцом. Хотя и дня не проходило, чтобы она не вспомнила и не спросила о тебе. Как нам не хватает тебя — сколько думаю о тебе, сколько я теперь перенесла и слез и горя. Но я все переживу и потерплю еще. Мы будем ждать тебя с победой. Деньги — тысячу семьсот рублей, буханку хлеба, консервы и дочке шоколад, что ты прислал, я все получила. Шофер обещал заехать. Сейчас сижу и жду его. Дочурка спит — он сам ее и убаюкал. Письма пиши мне по адресу сестры, в деревню, я завтра еду к ней; для Галочки там будет лучше: есть там и молоко, да и бомбежки не опасны. А я пойду работать в МТС. Мы с Олей уже в письмах сговорились. Шлю тебе фото. Пиши, родной, не забывай нас. Я так ждала тебя и буду ждать всегда. Целую крепко, Надя».

— Понятно теперь, почему они мои письма не получали? — спросил Борщев товарищей. — Надя-то в деревню уехала. А номера моей полевой почты она не знает... Сегодня же отправлю ей письмо...

Верный друг грузинской поэзии

(Памяти Николая Заболоцкого)

Скончался верный друг грузинской поэзии, замечательный мастер русского стиха, известный советский поэт — Николай Заболоцкий. Неожиданно оборвалась жизнь, полная творческих замыслов и напряженного поэтического труда. Тяжелую утрату понесла русская и грузинская советская поэзия.

Будто вдруг в сердцах друзей безвременно погибшего поэта возникла ничем не заполнимая пустота, и сама неожиданность этой боли мешает нам сегодня сказать свое прощальное слово. Ведь кажется, лишь вчера обсуждали мы недавнюю его статью о «Витязе в тигровой шкуре», лишь вчера читали телеграмму от горячо любимого друга, беседовали с ним по телефону, приглашали его на юбилейные торжества в Тбилиси...

Скорбь вошла в гостеприимный дом поэта на окраине Москвы; онемела, притихла его рабочая комна-

та, где так недавно, как пчелы в улье, роились жужжащие строки. Издали простился он с нами и навеки ушел от нас, оставив своим близким чарующую память о себе, завещав нам неистребимую любовь к красоте бытия, всей своей жизнью явив нам пример бескорыстного творческого труда.

Николай Заболоцкий был упорным и трудолюбивым, благородным и взыскательным, закаленным в постоянной борьбе с поэтическим словом мастером. Он воспевал красочность земли, он умел находить непривычную красоту в каждом уголке нашей жизни и славил величие духа человека в полную меру своего животворного, самобытного таланта. Он был соратником грузинских поэтов и не только бережным ценителем, но и по существу своеобразным деятелем грузинской культуры.

Известная разность наших поэти-

ческих натур не мешала нам, однако, быть близкими друзьями, не мешала поверять друг другу свои заветные мысли и чувства, на протяжении годов совместно обсуждать — как он сам писал в одной своей статье — вопросы переводов грузинской поэзии, и быть мне первым дегустатором его творений в этой области.

Я познакомился с Николаем Заболоцким ровно 23 года назад в Ленинградском клубе писателей на вечере грузинской поэзии. К тому времени уже были известны его первый нашумевший поэтический сборник «Столбцы» и поэма «Торжество земледелия». Вокруг поэмы в тогдашней литературной критике поднялась целая буря. Почти все статьи резко критиковали молодого поэта, упрекали его в отходе от позиций истинного реализма. Действительно, творчество Н. Заболоцкого носило какой-то нарочито наивный и в то же время вызывающий бунтарский характер. Может быть, поэтому я представлял себе автора «Столбцов» человеком с подчеркнуто-поэтической внешностью и ярким, даже властным характером. Каково же было наше удивление — мое и Тициана Табидзе, — когда один наш старый знакомый представил нам молодого, полного блондина, среднего роста, в очках, со спокойным и серьезным выражением лица и сказал: «Познакомьтесь, поэт Николай Заболоцкий». Я, изумленный, глядел на него, и мне казалось, что его внешности недостает поэтической убедительности. Он больше напоминал степенного ученого. Но сам Заболоцкий неожиданно опроверг наше заранее сложившееся представление о нем. Он вежливо приветствовал нас и любезно произнес: «Я большой поклонник грузинской поэзии. Правда, я лишь недавно начал изучать ее, но уже успел полюбить некоторых из грузинских поэтов».

Эту коротенькую речь он произнес с многозначительными паузами, сопровождая каждое слово движением указательного пальца. Тон бе-

седы был сдержанный, почти официальный, но внутренний смысл его слов — дружеский и даже предвещающий восторг. Говорил он спокойно, без излишнего красноречия и казалось, что даже самые незначительные слова были заранее им подобраны, обдуманы и взвешены. Подобное несоответствие между его внешностью и творческой натурой заинтересовало меня, и я тут же попытался снять с моего нового знакомого этот панцирь кажущейся недостижимости. Оказалось, что это было не таким уж трудным делом. Н. Заболоцкий в то время переводил «Заздравный тост» Гр. Орбелиани. Стоило мне затронуть эту тему, как лед мгновенно тронулся, а вскоре и совсем растаял. Мне сразу открылась его тонкая, чуткая, благородная душа, и между нами завязалась непринужденная дружеская беседа...

Взгляды его на поэзию, на искусство отличались научной точностью и четкостью, и вместе с тем, в душе его гнездились удивительные образы, поэзия проникла в его плоть и кровь, вдохновение навсегда завладело его твердым и по-своему упрямым характером.

Тот вечер в Ленинграде положил начало нашей близости, а год спустя в Минске, где мы встретились на пленуме правления Союза писателей, посвященном вопросам поэзии, наша дружба окончательно окрепла. Мой новый друг пригласил к себе в гостиницу Миколу Бажана, меня и нескольких московских товарищей. Он читал нам свои новые стихи — «Север», «Лодейников», «Осень», «Начало зимы», которые всех нас привели в восхищение.

Поэт как бы рисовал самостоятельную, дотоле непознанную жизнь природы, он как бы постигал душевный лад мироздания и делал зримыми невидимые до сих пор картины. Природа была для него не только объектом проникновенного видения, но и предметом своеобразного поэтического анализа, и по-

этому все в его поэзии казалось вновь открытым и научно удостоверенным. Будто нетронутая первобытная краса вдруг воплотилась в тщательно отделанные образы, вызывая у слушателей невольное чувство восхищения, смешанное с удивлением. Сильнейшее впечатление произвели на меня нарисованные в стихах пластические образы природы и подлинное чувство величия внутреннего строя этих образов. И хотя поэт рисовал картины бескрайних северных просторов, я понял, что он может постичь и образы природы, воссозданные в грузинской поэзии. И я попросил его познакомиться с творчеством Важа Пшавела и попытаться перевести его поэмы. «Обязательно постараюсь, — ответил мне Николай Заболоцкий. — Я уже знаком с подстрочным переводом «Гостя и хозяина», он привел меня в восторг и смятение, но теперь я спешу закончить перевод стихов Григола Орбелиани». И он прочитал нам свой замечательный, теперь уже хорошо известный, перевод «Заздравного тоста».

Начиная с этого дня между нами завязались самые тесные — дружеские и деловые — отношения. И мне кажется, что на протяжении этих двадцати двух лет его творческая и домашняя жизнь прошла у меня на глазах и что завязавшаяся между нами дружеская беседа так и не прерывалась до конца его жизни. Казалось, его рабочий стол стоял где-то неподалеку от моего окна и я мог воочию наблюдать за вдохновенным трудом любимого друга, видеть, как переводит он лучшие творения грузинской классики и как проверяет на свой острый слух музыкальность взлетающих с этого стола звучных строк. Он был вдумчивым и взыскательным мастером. Он не сразу открывал нам свое сердце и не был склонен поддаваться поверхностным поэтическим впечатлениям и страстям. У него был вид уверенного, делового человека и если уж он за что-нибудь брался, то

всегда выполнял работу к намеченному сроку. Обязательность и принципиальность всегда были отличительными чертами его характера. Человек исключительной организованности, дома он оказывался на редкость добрым и по-детски мягким.

По своей натуре он был настоящим русским человеком, бесконечно влюбленным в свою родину. С детства пленили его картины северной природы, нескончаемая снежная русская зима и резко обозначенное рождение северной весны. В этой неоглядной шири зародились его первые поэтические видения, и глаз его привык к необозримости русских просторов. Но, несмотря на такой, вполне определенный, склад души, он, благодаря своим друзьям, до конца понял и полюбил нравы и обычаи грузинского народа, великолепие грузинской природы и своеобразный, народный, благородный артистизм грузинского гостеприимства; он сам у себя дома с открытой душой и распростертыми объятиями встречал своих тбилисских друзей, с радостью затевал пир и строго придерживался правил грузинского стола. Застольные бдения у Заболоцкого были и впрямь похожи на платоновские пиры, и вместе с заздравными чашами из рук в руки передавалось там драгоценное поэтическое слово. В Тбилиси ли, расцвеченном осенними красками, у журчащего ли родника в Сагурамо, в просторах ли, обзриваемых с квишхетских балконов, в желтеющем ли октябрьском гомборском лесу, виноградной ли порой в Кахетии и Картли, или в живописном Чаргальском ущелье, — всюду постигал он Грузию, жизнь ее народа и воссозданные в грузинской поэзии картины величественной грузинской природы. Николай Заболоцкий переводил лучшие образцы грузинской поэзии и тем самым прививал русскому читателю любовь к Грузии.

Заболоцкий не говорил по-гру-

зински, но умел читать и отлично чувствовал музыкальное звучание грузинского стиха. Он знал наизусть — на грузинском языке — целые строфы из Руставели, а также некоторые строки из «Давитиани» Гурамишвили. «Дидеба шенда, дидеба, сахит мзета мзео!». («Слава тебе, слава, солнцеликая!») — любил он повторять эти строки Гурамишвили и тут же замечал, что в переводе невозможно сохранить величавую простоту и музыкальность этого стиха. Прямую передачу музыкальной природы грузинского стиха в русском переводе Заболоцкий считал невозможной, но он находил обязательным для переводчика знание музыкальной стороны переводимого материала. Н. Заболоцкий был человеком неисчерпаемой поэтической энергии. Около пятнадцати лет работали мы вместе, и я ни разу не замечал у него хоть малейшего поэтического спада или оскудения необыкновенной его фантазии. Последние пятнадцать лет своей жизни он посвятил переводу на русский язык лучших образцов грузинской поэзии и создал в этой области творчества немало несравненных шедевров.

Как известно, Н. Заболоцкому принадлежат переводы сборника стихов Григола Орбелиани, поэм И. Чавчавадзе «Отшельник», «Видение», «Мать и сын», «Дмитрий-Самопожертвователь» и нескольких его лирических стихотворений, переводы поэм Важа Пшавела «Гоготур и Апшина», «Охотник», «Алуда Кетелаури», «Копала», «Раненый барс», «Этери», «Бахтриони», «Гость и хозяин», «Оленья лопатка», «Кровная месть», «Змееед», «Дзаглика Химикаури», «Гила и Квириа» и до двадцати его лирических стихотворений, «Давитиани» Давида Гурамишвили и нескольких лирических жемчужин Акакия Церетели, а также целого ряда образцов грузинской народной поэзии. Год назад он завершил перевод бессмертной поэмы Ш. Руставели «Витязь в

тигровой шкуре». Всю эту колоссальную работу, требующую не только большого таланта и вдохновения, но и большой жизненной энергии, физической силы, Заболоцкий проделал с присущим ему мастерством и обогатил русскую поэзию самобытными и яркими переводами.

Н. Заболоцкий совершил своего рода поэтический подвиг, сделал очень важное для потомства дело и еще более укрепил святую духовную дружбу между нашими народами. Однажды в дружеской беседе он сказал мне: «Моя мечта — познакомить миллионы с грузинской поэзией». И действительно, он не жалел сил для выполнения этой благородной задачи. Имя его навеки связано с грузинской поэзией.

Немыслимо, чтобы один поэт (каким бы широким творческим диапазоном он ни обладал) с одинаковым проникновением и мастерством перевел таких разнохарактерных поэтов, как перечисленные выше грузинские классики. Тут необходим своего рода избирательный подход к материалу, надо найти хотя бы отдаленное родство между собой и природой переводимого поэта. Николай Заболоцкий из грузинских поэтов особенно любил Давида Гурамишвили и Важа Пшавела. Не все из названных выше поэтов могли быть ему одинаково близки, но нужно тем не менее подчеркнуть, что буквально каждый перевод Заболоцкого отмечен печатью подлинно вдохновенного творческого труда и тонкого поэтического вкуса. Заболоцкий любил грузинскую поэзию в ее цельности, единстве; яркая живописность ее образов вызывала у него восхищение, возбуждала и вдохновляла его. Замечательный мастер слова, он с исключительным чувством ответственности относился к своему труду. Из-под его пера не могла появиться неотточенная, необструганная строка или вялая поэтическая фраза. От его слуха не могла ускользнуть глухая или не-

вие» с подлинным блеском изображены пленительные пейзажи различных уголков Грузии, вместе с тем в них полностью сказалась склонность Заболоцкого к поэтической монументальности.

Такая тяга к монументальности и раньше была заметна в поэзии Заболоцкого. Его сравнительно ранние стихи—«Север», «Лодейников», «Начало зимы», «Седов»—характеризовались своеобразной духовной гармоничностью и монументальностью внешней поэтической формы. Но особенно резко выявилось это чувство монументальности в стихах Заболоцкого, посвященных темам социалистического строительства. В этих произведениях поэт нашел соответствующие краски для воплощения темы социалистического труда и с помощью своеобразной торжественной интонации смог передать героическую патетику жизни строителей социализма, показать утверждение новой жизни в глухой тайге и безлюдных пустынях.

Поэт сумел ярко и живо изобразить строительство дальних дорог, величие уральских пятилеток и социалистическое преобразование сибирских просторов. В его стихах «Город в степи», «Урал», «В тайге», «Творцы дорог» и других создан совершенно особый монументальный мир. Это — гимн социалистическому труду. В звонких, словно из бронзы отлитых, строках воспевается рожденная на безлюдных просторах жизнь и ее неувядаемая чарующая краса.

Этими стихами Заболоцкий открыл новые пути в русской советской поэзии.

Николай Заболоцкий, как вскользь было замечено выше, прошел сложный и противоречивый путь. В пору своей поэтической юности он находился под некоторым влиянием В. Хлебникова, но автора «Севера» не могли прельстить его заумные стихи, «заумь» всегда была

чужда поэтической натуре Н. Заболоцкого. Напротив, в поэзии он всегда искал и добивался точности слова и поэтической мысли. Заболоцкого тогда увлекало лишь хлебниковское отношение к природе, его стилизованная античность и любовь к древнему русскому фольклору. Он сам стремился художественно воссоздать современность с первозданной поэтической непосредственностью. В стихотворениях этого периода эксцентрическое восприятие мира сливается с поэтической манерой культивизированного русского лубка, а своеобразная «наивность» и «удивление» составляют основу его поэтического видения, и служат своеобразному остраниению поэтической интонации. Все это родственно тому восприятию действительности, которое вносили в художественное мышление французский художник Анри Руссо и отчасти, как самородок, Нико Пиросманишвили. Н. Заболоцкого тоже, вероятно, пленяли народные зрелища, бродячие паяцы, различные виды народного цирка. Но Н. Заболоцкий недолго оставался в сфере влияния поэзии В. Хлебникова и живописи Анри Руссо. Вскоре он все свое внимание перенес на классическую русскую поэзию XVIII и XIX веков. Постепенно он склоняется к поэтическому мышлению классической русской поэзии и окончательно избирает путь реалистического творчества. Его любимые поэты—Е. Баратынский и Ф. Тютчев. Их влияние сказалось на интонационном звучании некоторых стихов Н. Заболоцкого. Своеобразной данью этому увлечению был и заметный налет архаизма в стихах того периода. Замечательное стихотворение Заболоцкого «Завещание», обращенное к будущему поколению, не может не напомнить строки Баратынского:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок

В моих стихах. Как знать? Душа моя
Окажется с душой его в сношение.
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

Эти стихи Баратынского и стихотворение Н. Заболоцкого «Завещание» как бы перекликаются друг с другом. Здесь, конечно, исключено прямое заимствование, это пример сознательного усвоения старых поэтических традиций и их творческого развития. Воскрешение некоторых забытых поэтических приемов приобретает в творчестве Заболоцкого характер новаторства. Советский поэт, обращаясь к будущему поколению, словно продолжает начатую Баратынским лирическую беседу. Но в «Завещании» воссозданы образы новой жизни, найдены новые краски, создан самобытный поэтический мир:

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь ты, дальний
 мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

Характерно и то, что Баратынский ищет в будущем читателя, т. е. понимание, а Заболоцкий — продолжателя своего дела, и будущее поколение он считает соучастником своей работы.

В последние годы жизни не только тембром своего поэтического голоса, но и характером своего восприятия природы Заболоцкий все более сближался с русской классической поэзией. Он очень любил стихотворение Е. Баратынского «Запустение» и прекрасно его читал, стараясь донести до слуха друзей всю глубину этого произведения. С такой же любовью читал он мне «На смерть Гёте» Баратынского, очень радовался тому, что в свое время это произведение нравилось Важа Пшавела. Поднимая вверх указательный палец, он многозначительно произносил: «Это — не случайно!». Это стихотворение как бы приобщало его к творчеству Гёте, помогало ему постичь высокий поэтический строй души автора «Фа-

Глубокие поэтические переживания нарушили внешнее спокойствие поэта и обогатили его душу новыми впечатлениями современной жизни. В его спокойную интонацию вторгся сильно драматизированный голос, изменивший весь строй его души. Главным, определяющим качеством поэтических замыслов Заболоцкого стал гуманизм нашего времени, рожденный со-

ветской действительностью. Наряду с лирическим постижением красоты природы он увлеченно стал ваять образы людей. Причем, человеческие образы он стал воспринимать так же, как и картины природы: в человеке, как и в природе, он видел яркое отражение своей души. Поэта увлекли беспейзажные картины быстротекущей современности и образы людей с необычной биографией. Примерно год назад он сказал мне: «Раньше я был увлечен образами природы, а теперь я постарел и видимо поэтому больше люблюсь людьми и присматриваюсь к ним». Как результат этого благородного увлечения появились на свет блистательные, отмеченные большой лирической экспрессией реалистические стихотворения: «Старая актриса», «В кино», «Некрасивая девочка», «Последняя любовь», «Слепой» и другие. В этих произведениях Заболоцкий выступает как тонкий знаток человеческой души, певец богатых характеров и благородных устремлений. Художник с изысканным вкусом и замечательный мастер слова, он, кажется, и впрямь пользуется кистью Рокотова, создавая портреты старой актрисы, некрасивой девочки, или своей «незнакомки», встреченной им в кино.

Н. Заболоцкий в совершенстве владел богатым русским языком и как настоящий художник искусно отшлифовывал и отчеканивал каждую фразу. Но он не был виртуозом стиха и по своей поэтической природе был даже противником виртуозности и чрезмерной изощренности в поэзии. Он обращал особое внимание на поэтическую речь, стремился сохранить верность классическим образцам и донести до читателя свои сокровенные помыслы. Каждая его строка была мастерски отделана. И каждое слово в строке сверкало червонным золотом. Та-

ким безошибочным вкусом и высокой поэтической культурой характеризуется его перевод древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве».

Н. Заболоцкий был передовым поэтом-гуманистом. С большим вниманием относился он ко всем передовым научным воззрениям, открытиям, и от поэзии требовал научной точности. С восторгом беседовал он со мной о запуске искусственного спутника Земли и собирался писать об этом замечательном событии. Однажды в разговоре Заболоцкий неожиданно обратился ко мне: «Знаешь, кто оказал на меня самое сильное влияние?» И сам же ответил на этот вопрос: «Диалектика природы» Фридриха Энгельса и труды Константина Циолковского». Он показал мне книги Циолковского, и на одной из них я увидел дарственную надпись автора. Сам автор подарил ее Н. Заболоцкому. Оказывается, поэта и ученого связывала большая дружба. Циолковский посылал из Калуги в Ленинград каждую книгу своему молодому другу. Эти увлечения не были для Заболоцкого случайными — они теснейшим образом были связаны со всем его мировоззрением и составляли основу его поэтического мировосприятия.

Поэтический талант Н. Заболоцкого с каждым днем становился все богаче и ярче. Наша действительность обогащала поэта новыми и новыми впечатлениями. Сколько новых желаний, сколько новых замыслов пускали корни в душе поэта, чтобы дать богатые всходы новых образов! В каждый наш приезд в Москву, при каждой нашей новой встрече он был полон поэзией и жизнь его была похожа на весеннее пробуждение природы.

Но смерть, нелепая, безбожная, своим холодным дыханием коснулась его и остановила щедрое сердце и животворящую руку поэта.

М. Ворошиловский,
Н. Зорин

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Письмо из Сумгаита

Октябрь 1957 года. В яркий праздничный наряд одет древний Баку. Людские потоки разлились по широким улицам и площадям, заполнили сады и скверы. Оживленно и на проспекте имени Кирова. Люди с большим интересом рассматривают экспонаты, установленные на фронтоне здания Совнархоза.

— И это тоже из нефти? — спрашивает отца любознательный подросток, указывая на сбегаящую с верхнего этажа здания вниз плотную коричневую ленту с надписью — «Азербайджанский каучук».

Не только подростку, но и людям с большим жизненным опытом трудно представить себе, что вот эта каучуковая лента совсем еще недавно была... нефтяным газом. Но это действительно так. Смелую мечту человека — синтезировать спирт и каучук из непищевого сырья — советские люди превратили в явь.

«СЛЕЗЫ ДЕРЕВА»

В 1492 году Христофор Колумб отправился на разведку западного морского пути в Индию. Много интересного увидели европейцы в далеких таинственных землях. Особенно удивили их игры туземцев с шарами, которые отскакивали при ударе о твердые предметы.

Оказалось, что шары сделаны из сока могучих тридцатиметровых деревьев — бразильской гевеи. Этот сок индийцы называли «каучук» — слезами дерева.

Так европейцы познакомились с новым материалом, которому суждено было прочно войти в быт человека. Но произошло это не сразу. Каучук оказался не стойким к изменениям температуры — на морозе он становился слишком твердым и хрупким, а разогретый солнечными лучами — делался липким. Нужно было изменить свойства «слез дерева».

Но только в сороковых годах XIX столетия счастливый случай помог открыть процесс вулканизации. Нагретый вместе с серой каучук превратился в резину, стойкую к изменениям температуры.

В заморские страны кинулись европейские охотники за каучуком. Обманным путем вывезя из Бразилии 70.000 штук семян гевеи, англичане создали первые искусственные каучуковые плантации в своих колониях — Малайе и Восточной Азии.

Люди научились делать из резины множество вещей. Увеличивались плантации, усиливалась эксплуатация рабочих (негры Конго с ужасом говорили: «Каучук — это смерть»), но нехватка каучука ощущалась острее и острее.

... Шли годы, и все более неотложной задачей становилось исследование состава и свойств нового материала. Каплю «слезы дерева» (латекс) ученые изучали под микроскопом. Она состояла из множества частиц — глобул, находящихся в беспрестанном движении. Но стоило к латексу прибавить небольшое количество кислоты, как глобулы стремительно объединялись в сгусток, а затем выпадали хлопья каучука, напоминающие творог. В чем секрет такого превращения? На этот вопрос ученые ответили: чтобы соединились частицы каучука, их нужно лишить электрических зарядов. Процесс этот был назван коагуляцией.

Потом ученые сумели раскрыть и химический состав каучука, подвергая его сухой перегонке. Они выяснили, что основной фракцией каучука является углеводород изопрен, состоящий из пяти атомов углерода и восьми атомов водорода. Химики стали думать над тем, как из изопрена получить каучук. И они двинулись по трудному пути исканий, на каждом шагу преодолевая горечь неудач и поражений.

Многие в те времена считали, что искусственно получать органиче-

ские вещества невозможно, что все попытки решить эту проблему обречены на провал. Но жизнь опрокидывала убеждения маловеров. Работы русских химиков и естествоиспытателей Н. Н. Зинина, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева вдохновляли ученых на новые эксперименты. Как боевой девиз, звучали слова Бутлерова: «Можно ручаться за возможность синтетического получения каждого органического вещества».

СОПЕРНИК БРАЗИЛЬСКОЙ ГЕВЕИ

Это было сорок лет назад. Молодая республика Советов отбивала натиск интервентов, вела борьбу с внутренней контрреволюцией. В стране царили разруха и голод. Но уже тогда В. И. Ленин указывал на необходимость создания сырьевой базы для зарождающейся социалистической индустрии.

Лучшие представители отечественной науки приступили к практическому решению поставленной партией задачи. Известные ученые Н. Д. Зелинский, А. Е. Фаворский, С. В. Лебедев, большая группа ботаников и агрономов-мичуринцев взялись за смелые эксперименты.

В 1926 году телеграф разнес по всему миру сенсационное известие: Советское правительство объявило конкурс на лучший способ промышленного получения синтетического каучука. В конкурсе имели возможность участвовать химики всех стран. Они должны были к 1 января 1928 года представить описание способа, схему получения из доступного сырья каучука в заводских условиях и два килограмма продукта, полученного искусственным путем.

Реакция зарубежных ученых на это сообщение была своеобразной. Они заявили на страницах газет и журналов:

— Русские бросают нам дерзкий вызов. Это очередная утопия. Что

можно сделать за два года, когда над синтезом каучука люди науки бьются вот уже полвека, но безуспешно!

Однако ученые нашей страны были полны решимости во что бы то ни стало выполнить задание Коммунистической партии. Вместе со своими учениками к новым исследованиям приступил и Сергей Васильевич Лебедев.

...Сложное сплетение стеклянных трубок, реторты, заполненные жидкостями... Да, срок конкурса слишком жесткий. Лебедев начинает очередной опыт. Сколько он их проделал за свою жизнь! А все началось со стремления заменить дорогой изопрен другим — более дешевым и доступным углеводородом. Он сумел полимеризировать шестнадцать углеводородов и получить лабораторным путем искусственный каучук из дивинила. Но одно дело лаборатория, а другое — завод.

...Срок конкурса истекал. Снег запорошил улицы Ленинграда. Из ворот здания, в котором находилась лаборатория, вышел человек с пакетом в руках.

Лебедев смотрел вслед своему молодому помощнику. В пакете, который он держит, лежит полупрозрачная, упругая, напоминающая студень масса. Неужели победа? И в такой короткий срок? Даже самому трудно поверить!

Но это было именно так. Из многих десятков предложений, присланных из различных стран мира, конкурсная комиссия приняла и отметила Государственной премией лишь одно — принадлежащее коллективу, возглавляемому профессором Лебедевым. Он предложил способ получения каучука из весьма доступного сырья ... винного спирта.

Приступили к созданию опытного завода в Ленинграде. Сергей Миронович Киров лично наблюдал за работами, он прибыл на завод и в день его пуска. Когда все собрались, Лебедев приказал открыть

дно аппарата. На нем лежал первый блок синтетического каучука. Его разрезали на части, и каждый взял кусочек драгоценного материала на память. Кусочек этого каучука — грозного соперника бразильской гевеи и сегодня хранится в Музее Революции.

В стране началось строительство первых заводов синтетического каучука. Ошеломленные представители деловых кругов капиталистических стран, иностранные специалисты попытались объявить свершившийся факт небылицей.

— Не верю! — говорил известный немецкий химик Готлиб. — Я сам зря потратил годы на эту пустую затею.

— Не верю, что Советскому Союзу удалось получить синтетический каучук. Это сплошной вымысел, — вторил ему знаменитый американский изобретатель Эдисон. — Мой собственный опыт и опыт других показывают, что вряд ли процесс синтеза вообще когда-нибудь увенчается успехом.

Но действительность была сильнее всяких слов. Советский Союз завоевал первенство в промышленном производстве синтетического каучука. В Германии он появился в 1938 году, а в США только в 1942 году!

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Шли годы. Заводы СК бесперебойно выдавали каучук. Но все же себестоимость его была высокой. Да и расходовалось при этом огромное количество ценнейшего пищевого сырья. Так, если из 10—12 тонн картофеля можно получить всего одну тонну спирта, то еще дороже обходится спирт, вырабатываемый из зерна. Можно ли изыскать более дешевое сырье для получения искусственного спирта, а, следовательно, и каучука? Этот вопрос давно уже волновал советских ученых и инженеров. Еще во время конкурса 1928 года ленинградский

профессор Б. В. Бызов разработал перспективный способ получения каучука из... нефти. Вот этот способ и привлек внимание группы инженеров-новаторов Азербайджана.

На заре развития нефтепромысла, в годы первых примитивных нефтеперегонных заводиков, главным злом, тормозившим развитие и расширение нефтедобычи, считался... бензин. Заводчики, организовавшие широкий сбыт керосина, ставшего в ту пору основным осветительным материалом, не знали, что делать с бензином. Они либо сливали этот ценнейший нефтепродукт в ямы и сжигали на пустырях, либо выливали его в море.

Изобретение двигателей внутреннего сгорания, появление бензиновых моторов произвело коренной переворот и в нефтяной промышленности. Потребность в бензине резко возросла. Могучим средством повышения производства этого нефтепродукта явился изобретенный русским ученым В. Г. Шуховым крекинг-процесс. И вот тут-то и выяснилось, что при крекинговании нефти, повышающем производство бензина в два — три раза, выделяется значительное количество сложной смеси нефтяных газов, сильно насыщенных углеводородами.

Использовать эти газы для получения синтетического спирта, а затем и каучука решили азербайджанские химики во главе с академиками О. Мамедалиевым и М. Нагиевым. Приступая к исследованиям и экспериментам, они помнили пророческие слова Д. И. Менделеева: «... Сжигать нефть в топках — преступление, так как она — источник получения множества химических продуктов».

Надо сказать, что еще в 1935 году в Баку, на основе работ Азербайджанского научно-исследовательского института по нефтепереработке, член-корреспондент Академии наук СССР, доктор технических наук В. Гутыря и доктор технических наук М. Далин в лабора-

торных условиях получили спирт из этилена, содержащегося в отходах нефтепереработки. Затем они собрали более крупную установку и, наконец, на нефтеперерабатывающем заводе имени С. М. Буденного была создана полупроизводственная база. Бакинских энтузиастов вызвал тогда в Москву нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе.

— Центральный Комитет партии с интересом следит за вашей работой, товарищи, — сказал он. — Вы взялись за большое и важное дело. Давайте, обсудим все детали.

Стрелки часов, висевших в кабинете наркома, медленно кружили по старинному циферблату. Сопровождение затянулось. Товарищ Орджоникидзе давал советы, делал записи в блокноте. Потом разговор зашел о Баку. Серго вспомнил своих старых друзей по годам революционной борьбы.

— Верю, вам такая задача по плечу. Будет у нас каучук из нефти, обязательно будет, — сказал он бакинцам на прощанье.

Энтузиасты возвратились домой окрыленными и с новой энергией взялись за дело. Они упорно разрабатывали технологический процесс, добиваясь необходимых показателей для внедрения своего метода в промышленное производство. В 1937 году экспериментальный цех, называвшийся уже заводом АзСК, вошел в состав «Главкаучука»...

В. Гутыря и М. Далин для получения этилового спирта из отходов нефтепереработки избрали способ сернокислотной гидротации, предложенный в свое время А. М. Булеровым. Воздействуя на этилен серной кислотой, а затем обрабатывая полученный продукт водой, ученые синтезировали спирт. Этот метод при известных преимуществах имел и очевидные недостатки. При создании крупного предприятия требовалось большое количество специального металла, устойчивого к серной кислоте, необходимы были

и мощные антикоррозийные средства.

Одновременно с работами бакинцев пути получения каучука из нефтяных газов изыскивали ленинградские ученые А. Введенский, А. Ваншейдт и Г. Каганова. Их увлек способ прямой гидротации — непосредственного присоединения к этилену воды. Этот способ не требует применения больших количеств серной кислоты, но трудность была в том, что для него необходим специальный катализатор. Ленинградцам тогда решил помочь коллектив завода АзСК.

Новая идея особенно увлекла инженеров Н. Т. Манько, С. М. Маркевича, химика Р. И. Шендерову. Начались работы по проектированию нового цеха. Нужно было изготовить аппаратуру, способную выдерживать 60—80 атмосфер давления. Все эти работы были выполнены в рекордно короткий срок — за полтора года. И вот приступили к первым опытам. Результаты их оказались неутешительными — способ прямой гидротации пока не имел промышленных перспектив из-за плохого катализатора.

Неудача не обескуражила инженеров.

— Будем искать новый катализатор, — сказала Шендерова.

Ее друзья поддержали это решение. Предстоял кропотливый, упорный труд. В 1941 году новый катализатор был найден. Опыты теперь проходили успешно. Центральный Комитет партии, правительство уже решили вопрос о строительстве двух заводов. Но началась война...

СНОВА В СТРОЮ

1945 год. Советские войска все ближе и ближе подходили к Берлину. А на Советской земле полным ходом развернулись восстановительные работы. Встретились и те, кто некогда вместе трудился на экспериментальном заводе АзСК.

И снова маленький заводик заработал «на полную мощность». Решили реконструировать оборудование своими силами. Министерство химической промышленности СССР оказывало бакинцам повседневную помощь, снабжало необходимыми материалами. В 1950 году вступила в строй новая установка; к этому же времени был получен новый промышленный катализатор. Теперь можно было выходить на широкий оперативный простор, тем более, что разрабатывался уже проект большого завода.

В начале 1952 года в Баку пришла радостная весть: авторам промышленного способа производства синтетического спирта и каучука из нефтяных газов была присуждена Сталинская премия. Высокой награды удостоены инженеры М. Далин, Н. Манько, С. Маркевич, начальник ремонтно-строительного цеха И. Мигаловский, старший аппаратчик А. Серов, ленинградские экспериментаторы А. Введенский, А. Ваншейдт и Г. Каганова.

Заводы решено было строить в Сумгаите и Уфе. Причем, в основу проекта был положен способ сернокислотной гидротации. Это и понятно — сразу после войны нелегко было изготовить оборудование, способное выдерживать огромное давление.

...Первые строители прибыли в Сумгаит.

— Вот здесь будем завод подымать, — сказал один из авторов проекта.

Люди стояли молча посреди не приветливой степи. Ветер, словно поземку, гнал тучи песка. Не было еще производственной базы, жилья, столовых. А на стройку прибывала молодежь. Русские, украинцы, грузины, узбеки, армяне, казахи — представители многих братских республик страны приступали вместе с азербайджанцами к строительству нового предприятия.

Партия и правительство неустанно заботились о народной стройке.

По стальным магистралям Родины на некогда безвестную станцию Сумгаит спешили эшелоны, груженные материалами и оборудованием. На стройку начали поступать башенные краны, шахтоподъемники, компрессоры и средства малой механизации. В Сумгаит приезжали начальники пока еще не существующих цехов завода, его отделов, лабораторий, смен. Они сразу же включались в работу, изучая одновременно каждый узел, каждое звено будущего предприятия.

В степи вырастали корпуса цехов, поднимались гигантские колонны установок, ажурные переплетения «этажерок». На головокружительной высоте днем и ночью светились голубые огоньки электросварки. Рядом с каучукостроевцами отлично трудились бригады «Союзпроммонтажа», «Стальконструкции» и других организаций, которые своевременно и быстро производили монтаж оборудования. Один за другим цехи начали вступать в строй...

— Так вот он какой получился!

Заместитель главного инженера завода Семен Миронович Маркевич ходил со своими друзьями Долиным и Манько из цеха в цех. Все это рождалось по их замыслу, на их глазах, создавалось руками огромного коллектива.

...14 августа 1952 года. Сумгаитский завод СК выдал первый синтетический спирт.

Новое предприятие оправдало возложенные на него надежды. Израсходованные на сооружение его первой очереди 130 миллионов рублей были окуплены в течение первого года работы. Это не говоря уже об огромной экономии пищевых продуктов.

РЕЗЕРВЫ? ВОТ ОНИ!

В январе 1954 года завод уже удвоил выпуск этилового спирта. В том же году развернулись работы по увеличению производства этилена, по борьбе с коррозией, разраба-

тывались улучшенные технологические режимы. Все больше автоматизировалось производство.

В цехах предприятия широко развернулось соревнование за достойную встречу XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

1955 год оказался одним из важнейших в жизни коллектива. Уже в январе химики впервые взяли на себя сверхплановые обязательства. Правда, обязательства эти были еще скромные, но сам этот факт красноречиво свидетельствовал о трудовом порыве людей. После исторического июльского Пленума ЦК КПСС работники завода дали слово выполнить годовой план досрочно—к 5 декабря.

Соревнование разгоралось. В него включились работники всех цехов и вспомогательных участков. Переходящее Красное знамя завода оспаривали коллективы цехов, возглавляемые Сергеем Мелкумяном, Надеждой Клиниченко, Альбертом Геворкяном, Михаилом Розовым, Изотом Тарасовым и другими.

И вот он, итог самоотверженного труда: коллектив молодого завода завоевал первенство во Всесоюзном социалистическом соревновании. 10 августа 1955 года в торжественной обстановке сумгаитским химикам было вручено Переходящее Красное знамя ВЦСПС и Министерства химической промышленности СССР.

Решения исторического XX съезда КПСС вдохновили коллектив молодого предприятия на новые трудовые достижения. Партия поставила ответственную задачу: добиться, чтобы в ближайшие годы для нужд химической промышленности использовалось только непищевое сырье.

Началась настойчивая и упорная борьба за дальнейший технический прогресс, за высокую честь заводской марки. В 1956 году был разработан новый проект реконструкции ряда узлов и цехов спиртовой группы. Эти гигантские работы бы-

ли проделаны в 1957 году. По существу был построен новый цех, где значительно снизился расход сырья а выработка спирта увеличилась на 30 процентов. Усилиями целого ряда инженеров и передовиков производства—в первую очередь Владимира Кравцова, Анатолия Лядова, Ага-бабы Шейдаева, Берты Вольфсон, Елены Татевосян, Андрея Голякова — были созданы новые отпарные и нитролизационные колонны, которые оказались в три раза производительнее прежних. Технологические потери сократились в два с половиной раза. Значительно снизился выход побочных продуктов в цехе синтеза спирта.

Предложение технолога цеха Гардашхана Джавадова повысило извлечение эфира на 15 процентов. В совершенствовании производства неутомимыми новаторами показали себя Альберт Геворкян, Николай Ухалов, Роберт Галстян, Дадаш Халиков, Римма Баранова и многие другие.

Однако, несмотря на проделанную работу, резервы производства спирта на предприятии все еще огромны. Недавно разработан проект увеличения производства спирта на 60 процентов. При минимальных капитальных вложениях (почти в 10 раз меньше, чем обычно расходуется в таких случаях), реализация проекта позволит лучше использовать сырьевые ресурсы нефтеперерабатывающих заводов и даст стране годовую экономию в 120 миллионов рублей!

Интересные работы по реконструкции и усовершенствованию технологического процесса были проделаны на компрессорной станции, в цехе пиролиза и на других узлах завода. И не удивительно, что теперь по съему спирта и этилена с единицы рабочей площади показатели на Сумгайтском заводе СК выше, чем на таких же предприятиях США.

А тем временем строители широким фронтом вели работы и по со-

оружению цехов каучуковой группы. Вступали в строй объекты по производству этил-бензола, стирола, дивинила, некаля, латекса. 25 сентября 1957 года началась эксплуатация второй очереди завода СК. Страна получила первый азербайджанский каучук.

О размахе проделанных строителями работ свидетельствуют такие цифры: монтажники уложили на заводе более 166 километров трубопроводов, установили шестизональные сушилки, каждая из которых состоит из 114 тысяч деталей. Таких цифр можно было бы привести множество.

НА КАУЧУКОВОЙ ПЛАНТАЦИИ XX ВЕКА

В химии трудно обойтись без формул. Но одно дело формулы, а другое—живое представление, которое получаешь на заводе, следя за технологическими процессами, протекающими в огромных сложнейших установках, четко взаимодействующих между собой.

Далеко от Сумгаита находится компрессорная станция. Она подает на завод СК смеси нефтяных газов под давлением до 45 атмосфер. Сжатый газ удобен для транспортировки, подготовлен к дальнейшим преобразованиям.

Поступившие на завод газовые смеси подвергаются охлаждению до температуры -40° . Затем в специальных установках смесь углеводородов распадается на несколько групп. Водород и метан, превращающиеся при атмосферном давлении в жидкость лишь при температуре от 150° до 252° ниже нуля, остаются в газообразном состоянии. Очень хорошо горящие, они отделяются и используются как топливо в нагревательных печах.

Средняя этиленовая фракция, в которую входят этилен и—в качестве его инертного спутника—этан, тоже отбираются в газообразном ви-

де. По своему молекулярному весу они выше, чем водород и метан в несколько раз, и эта особенность позволяет их так же легко отделить и направить по другому каналу — в цех синтеза спирта.

Наконец, последняя фракция — пропилен и пропан, превратившиеся под влиянием давления и низкой температуры в жидкость, направляются в печи пиролиза, где происходит процесс термического расщепления жидкости с целью получения того же этилена. В цехе синтеза в результате химических реакций атомы углерода и водорода в частицах этилена группируются в ином порядке и образуют частицы винного спирта.

После этого спирт поступает в многочисленные вертикально стоящие аппараты, похожие на гигантские металлические сигары. В них при нагреве он проходит повторную очистку от примесей, имеющих разную с ним температуру кипения.

Теперь спирт поступает в новые цехи — каучуковую плантацию XX века. В длинном помещении выстроились в ряд огромные, похожие на заквасочные чаны, контактные печи. Работница нажимает на одну из кнопок, белеющих на металлическом щите управления. Стрелка указателя температуры осторожно ползет вправо — нагрев печи автоматически увеличивается. В печах спирт с помощью специального катализатора разлагается. От него отделяют воду и водород. Остаток, который образует жидкость, именуемую дивинилом, при помощи насосов откачивают в другой цех.

В дальнейшем дивинил смешивают со многими веществами, растворенными в воде. По широким трубам дивинил поступает в цех, где идет усложнение и утяжеление его частиц. В бочкообразных аппаратах вращаются лопасти мешалок. Идет процесс полимеризации. Подобно снежному кому, катящемуся с горы, дивинил наслаивает на себя дополнительные атомы водорода и угле-

рода, образуя белую молочнообразную жидкость — латекс. Как он напоминает «слезы дерева» — сок бразильской гевеи!

Цех, в который мы теперь попадаем, является последним звеном технологической цепочки преобразования прозрачного спирта в плотную ленту каучука. Вот по транспортеру непрерывно движется масса, напоминающая простоквашу. Поворот рукоятки, и она попадает в гигантское сито. Под воздействием специальных химикатов частицы каучука свертываются в хлопья. Творожистая масса каучука процеживается на сите и промывается водой. Затем сформировавшаяся лента движется к двум вращающимся навстречу друг другу валкам. Рифленную ленту каучука сушат, пудрят и свертывают в рулоны. Каучук готов к отправке!

Конечно, в новых цехах вначале не все шло гладко. Сказались «болезни» пускового периода, продукция получалась низкого качества, а зачастую и бракованная. Но сумгайтские химики сумели в короткий срок наладить бесперебойную работу цехов, улучшить качество выпускаемой продукции. Они с честью освоили и производство так называемого маслонаполненного каучука. Это каучук, в молекулах которого «запрятаны» субмикроскопические капельки минерального масла. В специальные аппараты-смесители подают «жидкий» каучук и автол. Масса тщательно перемешивается. Маслонаполненный каучук готов. Он хорошо обрабатывается, дает резиновые смеси более мягкие, пластичные, с гладкой поверхностью. Шины из такого каучука — очень прочные. Себестоимость нового вида сырья на 15—20 процентов ниже обычного каучука.

Чтобы наглядно представить себе огромную экономию, получаемую при производстве каучука из нефтяных газов, мы снова приведем несколько цифр. На производство одной тонны этилового спирта из кар-

тофеля надо затратить 280 человеко-часов, из зерна—160, из нефтяных газов—101. Для получения тонны натурального каучука один рабочий должен трудиться на плантациях... 5,5 лет! На сумгайтском заводе СК рабочий за это время выдает 350 тонн синтетического каучука!

ШКОЛА ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА

Кому довелось побывать в Москве на Всесоюзной промышленной выставке, тот, наверное, помнит экспонаты павильона «Геология, нефть, химия». Во всю стену зала висит огромная фотопанорама сумгайтского завода синтетического каучука. Рядом начертаны слова: «Советский Союз — родина синтетического каучука». В зале демонстрируется и любовно выполненный макет завода.

В один из обычных дней экскурсовод давал пояснения студентам Пекинского университета и химического техникума — людям, которые также создают подобные предприятия в своей великой стране.

— Мы много слышали о сумгайтском заводе СК,—говорили студенты,—наши товарищи проходили там преддипломную практику и стажировку. Скоро и мы побываем в Сумгаите.

Да, несмотря на свою молодость, сумгайтский завод СК стал школой передового опыта. Сюда приезжают учиться мастерству не только химики нашей страны, но и специалисты из-за рубежа. В цехах завода побывали албанцы, чехи, румыны, болгары, венгры, корейцы, поляки, большие группы китайских химиков. Чешский инженер Милослав Углик и его друзья изучали метод проектировки. Они получили в Сумгаите много полезных советов. Их румынские коллеги Эрвин Боднар и Юлиу Молдаван с благодарностью говорили о советских специалистах, оказавших им братскую помощь. Но особенно много побывало на за-

воде посланцев Китая. Они овладевали на новом предприятии необходимыми им навыками. Сейчас у себя на родине они уже работают самостоятельно.

Особенно большое впечатление на зарубежных гостей производит автоматика, которой так богат завод СК. В огромных цехах мало обслуживающего персонала. Точные приборы контролируют и регулируют технологические процессы, происходящие внутри гигантских установок. Радиоактивный кобальт отмечает уровень жидкостей и газов в аппаратах и т. д.

Коллектив сумгайтского научно-исследовательского проектного института «Нефтехимавтомат» занят сейчас созданием системы комплексной автоматизации предприятий. Сначала группы цехов, а затем и весь завод будут управляться с единого диспетчерского пункта. Тогда останется лишь давать «задания» электроносчетным машинам, а они уже безошибочно «пошлют» команды точнейшим приборам. На эти работы в ближайшее время израсходуют десять миллионов рублей.

ПАРТИЯ ЗОВЕТ!

Невиданный трудовой подъем царит сейчас в цехах завода. Воодушевленные грандиозной перспективой нового дальнейшего развития нашей страны, перспективой, намеченной тезисами доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, труженики Сумгаита берут на себя новые повышенные обязательства.

Неподалеку от действующих цехов полным ходом идет сооружение цехов бутановой группы. Стройка эта объявлена ударной комсомольской. Ее штаб обратился к заводам — поставщикам оборудования с просьбой выполнить заказы сумгаитцев досрочно. Со всех концов стра-

ны стали поступать ответные телеграммы:

«Заказам сумгаитской ударной стройки открыта зеленая улица!»

Люди различных национальностей дружно трудятся на сооружении новых цехов. Имена монтажников Аббаса Джавадова, Ивана Нешитова, руководителя комплексной бригады строителей Мамеда Мамедова, бригадиров Николая Ковальчука, Виктора Голонского известны теперь далеко за пределами Азербайджана. Добрая слава идет в Сумгаите о грузинских специалистах — наладчиках электроподстанции А. Джагарнава и А. Мелисцверидзе. Они трудятся с душой, творчески подходя к порученному делу.

— Мы всегда рады помочь сумгайтцам, — говорит Джагарнава, — еще совсем недавно я участвовал в наладке агрегатов на трубопрокатном заводе. С честью выполним и задания химиков.

Недавно в Сумгаит из Рустави прибыла эстафета дружбы. Химики Грузии вступили в соревнование со своими товарищами по профессии из Азербайджана, а где соревнование — там и новые производственные победы.

...Один за другим вступают в строй новые объекты завода СК. Сданы в эксплуатацию две электростанции. Недавно с лентоотливочной машины сошел первый рулон нитрильного каучука, отличающегося особой масло-бензо и морозостойкостью. Этот каучук имеет огромное значение для нашей промышленности.

Будущее завода СК грандиозно. Здесь скоро начнут вырабатывать ряд новых видов каучука, сырье для

производства пластических масс, искусственных тканей. В настоящее время на базе химической переработки углеводов нефти производится почти три тысячи различных химикалиев. Но это не предел. Уже доказано, что для производства искусственного спирта и каучука в республике есть еще более дешевое сырье — природный газ. Использовать его — это задача уже ближайшего будущего. И та тесная связь, которая существует между коллективом завода СК и видными азербайджанскими учеными О. Мамедалиевым, Н. Нагиевым, А. Кулиевым, М. Мовсум-заде, Ш. Мамедовым, М. Далиным, является порукой ее успешного решения. Можно не сомневаться, что сумгаитцы творческим трудом ответят на призыв партии создать мощную и всесторонне развитую промышленность синтетических материалов на основе использования попутных газов нефтедобычи и природных газов.

...По призыву ЦК ЛКСМ Азербайджана на стройку приходит новое пополнение строителей и эксплуатационников. Как зачарованные, смотрят юноши и девушки на взметнувшиеся в небо металлические конструкции.

Вот так много лет назад с восхищением смотрел на корпуса первого советского завода СК Алексей Максимович Горький. Смотрел и думал: «Какой умной, красивой становится жизнь. Какие отличные люди воспитываются у нас... Чувствуешь себя идущим в гору, откуда все шире и шире разворачивается историческая картина разнообразной работы миллионов, работы, которая изменяет лицо нашей страны!...»

Улицы и
гагена раду
ными новог

ПО ДОРОГАМ ИНДИИ

Очерк первый

Улицы и площади ночного Копенгагена радуют сердце ярко освещенными новогодними елками. Но утром деревья грустны. Уже декабрь месяц, а снега еще нет. И вот датчане усыпали ветки елок клочьями ваты. Декабрь на севере — и вата на деревьях!

Аэродром, зал транзитных пассажиров. Раннее утро. Мы сидим за низким столиком под огромной елкой и ждем минуту, с которой начнется полет в Индию. Незнакомый аэродром, на скорую руку симпровизированный завтрак, но Константин Симонов оживляет все это грузинской подливкой — она у него почти всегда с собой в дорожной сумке, эта маленькая бутылочка с ткемали.

Право произнести тост — пожелание счастливого пути — мы предоставили председателю Комитета солидарности стран Азии и Советского Союза Мирзо Турсун-заде. От Турсун-заде бокал переходит к поэту, редактору «Огонька» Анатолию Софронову, от него — к председателю Союза писателей Туркмении Кара Сейтлиеву, он — «аллаверды» к автору «Тегерана»

армянскому писателю Гарегину Севунцу, Севунц — к автору «Апшерона» азербайджанцу Мехти Гусейну, потом очередь доходит до представителя киргизских писателей Тугельбая Сыдыкбекова. Да, я забыл еще о себе. Я тоже выпил; впрочем нет, не выпил — если говорить торжественнее, автор этих строк тоже приобщился к дорожному тосту.

...Между прочим, дорогой читатель, я познакомил вас почти со всем составом нашей делегации. Остается назвать еще узбекскую поэтессу Зульфию, казахского писателя Муштафина — и список исчерпан.

Итак, делегация писателей Советского Союза едет в Индию, в город Дели для участия в Международной конференции писателей стран Азии. Огромный четырехмоторный самолет компании «SAS» — «Скандинавиен аэрлайнс систем» — летит над Европой и Азией, направляясь в столицу Японии Токио — конечный пункт своей трассы. Мы летим на нем до Пакистана. Отсюда наши пути разойдутся: самолет пойдет своим маршрутом, мы — тоже своим, уже на самолете

индийской или пакистанской компании.

В каждом путешествии — будь то путешествие в поезде или в самолете — я прежде всего осматриваю постель или кресло: уместюсь ли, — «вот в чем вопрос». Войдя в этот самолет-голиаф, я тоже прежде всего примеряюсь, как бы сесть поудобнее. Представьте себе, Анатолий Софронов — он с меня ростом, только вдвое плотнее — решает, оказывается, ту же проблему. К тому же судьба уготовила для нас два соседних кресла! Но счастье сопутствовало поэтам: мы оба довольно свободно устроились на своих местах. Нажимаем кнопку, наши кресла превращаются в кровати... Значит, все в порядке!

В самолете три отделения: первое, второе и третье — туристическое. Оборудованы все три великолепно, украшены живыми цветами, яркими занавесками. Возле нас хлопочет стюардесса. Не успели мы обжиться, а нам уже предлагают виски, испанские апельсины, нестле, сигареты.

Внизу квадратами раскроенная земля Западной Германии, дымы заводов, большие города, населенные пункты, красные черепичные крыши, леса, водоемы... Но тут мы очутились в густых облаках. Когда выбрались из них, внизу в торжественном закатном освещении уже заблестал Франкфурт-на-Майне.

Огромный франкфуртский аэродром выложен широкими цементными плитами, на летном поле — множество самолетов самых различных стран и марок. Между самолетами снуют маленькие автомобили с прицепами, похожими на дилижансы. Из этих прицепов — дилижансов любопытные граждане могут смотреть на прибывающих и улетающих пассажиров. Громкоговорители (их несколько) объявляют, часто одновременно, вылет и прибытие самолетов — и тогда в зале аэровокзала поднимается невообразимый гвалт. Обязательно обращаешь внимание на молодых немцев. Они ходят в одежде, очень похожей на прежнюю военную форму, будто после недавней войны прошло лет сто, и эта форма уже ни о чем не напоминает.

Как красив аэродром ночью! Вот в свете направленного вдоль взлетной дорожки прожекторного луча сколь-

знул и, как ястреб, поднялся огромный самолет. В темноте неба огоньки на его крыльях посверкивают, как светлячки, и — скрываются из виду. Зато из облаков на аэродром спускается другая машина, и лампочки на ее крыльях тоже, как светлячки.

Вскоре поднялись и мы.

Женева.

Здание женевского аэропорта сделано почти целиком из стекла. Оно такое легкое, что, кажется, вот-вот поднимется в воздух, словно самолет.

Еще два часа полета, и мы — на аэродроме Рима. Месяца два назад мы были здесь, в этом древнейшем городе. Форум... Колизей... Пантеон... Собор Святого Петра... Венецианский дворец... Будто во сне... Не сказка ли все это?

Конечно, сказка, конечно, сон — ведь уже ночь...

Аэродромы европейских городов расположены друг от друга на дистанции полета стрекозы. Только от Рима начинается настоящий полет. Рим — Абадан — это значит: вся ночь в воздухе, самолет приземляется после одиннадцатичасового полета.

Мы пролетели над ночными Афинами, пересекли Средиземное море и Анатолию, оставили позади Бейрут и Дамаск. Утром выглянули в окно и увидели черные барханы Междуречья.

А вот величавый Евфрат. Он мутный, как и большие реки Средней Азии, — сыр-Дарья, Аму-Дарья. В пустынях рождаются какие-то маленькие речушки и, только родившись, тут же на наших глазах умирают. У населенных пунктов возникают и сразу же теряются в песках пустыни тонкие нити дорог, — они даже на карте не обозначены. Евфрат — другое дело. Мы летим вдоль Евфрата. Его зеленые берега разделены на квадратики. Опять квадратики! Это опять, наверное, «privot», «частная собственность».

Вдруг начались болота — неоглядные, кажущиеся бесконечными даже отсюда, с борта самолета. То вереницами, то косяками движутся под нами стаи крупных белых птиц. Они садятся на маленькие островки — и островки исчезают. Вместо зеленого пятна вдруг появляется белое. Внизу там и сям разбросаны клочья облаков —

они выглядят так, будто от гнилой болотной воды поднимаются испарения. Мы опять всплываем в облака. Видно, на земле дождь. Немного погодя он, кажется, прекращается. Да, внизу, совсем под нами, распускается красивая семицветная радуга. Мы перепрыгнули радугу.

Кончились «опаленные» хребты. (Один из наших поэтов-классиков сказал: «Я смотрел за Евфратом на опаленные хребты»), кончились бескрайние болота, и вот на исходе утра мы достигли Персидского залива. Наконец-то долгожданный Абадан.

Вокруг Абадана раскинулись громаднейшие плантации финиковых пальм. Эти плантации пересечены мелiorативными каналами, в пальмовом лесу порхают какие-то птицы, но разглядеть их я не смог, хотя самолет чуть ли не задевал вершины деревьев. Впрочем, возможно потому именно и не смог.

Район Абадана — это одно из величайших на земле месторождений нефти. Здесь большие нефтеперегонные заводы. Все это богатство Ирана до 1952 года находилось полностью в руках англичан, а потом англичан изрядно потеснили американцы.

Воды Персидского залива у Абадана очень мутны. Здесь в залив впадают реки Тигр и Евфрат. Из Сирии и Междуречья они выносят в море много ила. Так что когда мы, после короткого отдыха в Абадане, полетели над Персидским заливом, этот мутный цвет довольно долго надоедал нам. Потом он постепенно растворился, и в конце-концов морская гладь стала совершенно чистой. Сверху гребни волн напоминали белых соколов.

Груженные нефтью корабли плывут в просторы Аравийского моря, а к Персидскому заливу, к Абадану устремляются пустые танкеры.

Бахрейнские острова... Ормузский пролив... Белуджистан... Самолет держит путь в Пакистан. Нашего голиафа не качает, в воздухе он чувствует себя как океанский пароход среди морских волн.

Вот они, берега Пакистана. У меня наконец-то всплывает что-то вроде стихотворной строки: «За этой беседой внизу показался Карачи».

Пакистан.

На аэродроме Карачи нас встретили работники посольства Советского

Союза в Пакистане во главе с послом. За границей с соотечественниками особо знакомиться не приходится, с первой же встречи вы становитесь друзьями. Мы по-братски обнимаемся и после завершения жесткой пакистанской паспортной процедуры направляемся в гостиницу.

Завтра вечером на самолете Индийской авиационной компании мы летим в Дели.

* * *

Гостиница в Карачи. Вокруг — высоченные пальмы. На высоких деревьях красные цветы. В номерах гостиницы — простые широкие деревянные кровати, стол, кресла. Вскоре приносят чай. Мы узнаем: слугу зовут Акбар — имя знаменитого повелителя, Великого Могола.¹ Стоит вам улыбнуться — Акбар тотчас кланяется, сгибаясь в три погибели; легко представить его удивление, когда ему дали понять, что мы к подобным вещам не привыкли и что с людьми из Советского Союза он может разговаривать, стоя прямо.

Мое сердце переполнялось радостью, когда я видел и чувствовал, с какой любовью, уважением и благоговением относятся простые люди к Советскому Союзу. Эта любовь, это уважение постепенно все глубже и шире пускает корни среди трудового населения Востока.

Карачи выглядит очень бедно. Даже в новой части города магазины и лавки неопрятные, словно полуразрушенные. Новые здания построены, по-моему, весьма безвкусно.

На каждом шагу открыты небольшие ларьки, оттуда тянет просто сногшибательным зловонием. Видно, здесь даже иностранные фирмы не заботятся о благовидности и благоустроенности своих магазинов.

По улицам Карачи стремительно несутся рикши с колясками на велосипедных колесах. Более состоятельные рикши впрягают в коляску мотоцикл. Такой экипаж берет пять пассажиров. Стоит выйти на улицу, как за вами начинают бегать, предлагая услуги, сразу несколько рикш. Они следуют за вами до тех пор,

¹ Великие Моголы — династия правителей Северной Индии (XVI—XIX вв.); основатель ее — Бабур.

пока вы не спасетесь в каком-нибудь магазине.

Ночью в середине города прямо на асфальте располагаются бездомные. Они спят в пыли, под шум машин, под шарканье ног прохожих. Лишь у некоторых есть что подстелить под себя. Кто они, несчастные? Люди труда, простые люди, которые встречают рассвет там же, где их накануне застигла ночь.

До полуночи мы бродили по улицам. Неустанно гнались за нами рикши. Полицейские, усиленно патрулировавшие по улицам, поигрывали дубинками. Медленно, по-господски лениво катились американские и английские автомашины. Своей автомобильной промышленности у Пакистана нет и, наверное, долго еще не будет.

Ночью меня одолела бессонница. До первых лучей рассвета переговаривались и переругивались на улицах прохожие, а с утра гул стал непрерывным: квакали лягушки, ревели ослы, каркали вороны, шумели тысячи птиц. Я выглянул в окно — на крышах домов, на подоконниках открытых окон, на телефонных столбах, на деревьях — везде бесконечное множество ворон. Они чистились, прихорашивались. Могучим криком встретили они нас, когда мы вышли из гостиницы. У нас вороны не подпустят к себе человека на ружейный выстрел, а здесь они мельтешат под ногами, заглядывают вам в руки в надежде, что вдруг что-нибудь перепадет. Соколов (их клекот выделялся в общем птичьем гаме) и ворон здесь называют «санитарами» — они очищают город от остатков пищи, от гнили.

Рядом с нашей гостиницей — резиденция президента. Двор в зелени, зеленую лужайку укрывает тень больших деревьев. Садовник поливает прекрасные пестрые цветы — они растут в горшках и на газонах.

Такое же, как и резиденция президента, роскошное зеленое строение — Фрир-Холл, бывший английский клуб. Сейчас здесь Национальный музей Пакистана.

Советский посол предоставил в наше распоряжение несколько автомашин советского производства и пригласил посетить его дачу на берегу Аравийского моря.

Стоит только немножко отъехать от Карачи, и вы тотчас же попадете в окружение пустынной, выжженной равнины.

Но вот и берег моря. Мы разделись, опасливо оглядываясь на горячее декабрьское солнце, и бросились в чистую прозрачную воду. Пока мы плавали, на берегу появились два мусульманина. Они привели с собой несколько обезьян и стали с ними забавляться. Потом показался человек, который привел верблюда. Он ударил верблюда ярмом по ногам. Тот, повинувшись, лег на песок. Человек снял с его горба два закрытых мешочка, развязал их, оттуда на солнышко выползли две огромные кобры и тотчас растянулись на горячем песке. Мусульманин заиграл на свирели, змеи подняли головы. Я еще немножко отплыл от берега. Я видел выступление этих артистов впервые — зрелище, скажу вам, не из приятных. Правда, потом оно настолько часто повторяется, что привыкаешь. Кстати — узнаете вы впоследствии, — эти музыкальные кобры вообще безопасны, у них уже нет яда, укус их не страшен.

На балконе дачи нашего посла накрыт стол. Здесь лук и салат, киндзи и лук-порей, толщиной в руку, свежие помидоры (по вкусу они похожи на первые помидоры у нас), свежая рыба и шашлыки.

Вина из разных стран, из которых, по правде говоря, ни одно не сравнится с кахетинским. Недавно вернувшийся из Австралии Анатолий Софронов рассказывает о впечатлениях от этой страны. Константин Симонов читает стихи, я, думая о чем-то неясном, тихо напеваю нашу грузинскую песню: «Странно устроен мир, куда только не гонишь ты нас...»

Лирика лирикой, но пот с нас лился в три ручья. Мы вздохнули свободнее лишь после полудня.

Прямо с побережья мы направились на аэродром; здесь нас ждал самолет какой-то авиационной компании Индии. Внедрившись в его душное нутро, мы под вечер полетели в Дели.

Внизу на сотни километров — бесплодная пустынная земля. Только изредка мелькнет полоска одетых зеленью берегов реки или пятно озе-

ра. И здесь — квадраты частных наделов. Однообразная геометрия! Приглядевшись, можно заметить в центре крупных квадратов и дворцы. Ага, там, наверное, живут магараджи. А вообще-то страна, растянувшаяся на этих обширных просторах, выглядит очень бедно.

Два с половиной часа полета — и мы приземляемся на аэродроме Нью-Дели...

* * *

Горячими аплодисментами, дружелюбными возгласами встретили нас на аэродроме известные индийские писатели, старые друзья Советского Союза: сдержанный, постоянно спокойный Кришан Чандр; неугомонный, вечно в движении, старик Гурбахш Сингх; такой же порывистый Мульк Радж Ананд, из более молодого поколения — Балвант Гарги и Навтедж Сингх; нас познакомили с прославленными поэтами Востока: Сардаром Джафри и Фаисом Ахмедом Фаисом; тут же были замечательные китайские писатели и общественные деятели: Мао Дунь, Лао Шэ и ветеран легендарной революционной Восьмой армии Эми Сяо. Рядом — корейцы Се Ман Ир и Хан Сер Я; уйгуры, бирманцы, непальцы. Нас обнимали; в знак приветствия каждому из нас вручили венок из живых цветов. Это была действительно встреча сердечных друзей! Многие из тех, кто встречал нас на аэродроме, бывали у нас на родине, мы познакомили их со своими семьями. Хочу прибавить, что во время конференции и нашего путешествия по Индии мы тоже испытали радость быть представленными семьям наших друзей — в Дели, Пенджабе, Бомбее. Но не будем забегать вперед...

Во время подготовки к конференции среди писателей Азии (я имею в виду писателей несоциалистических стран) развернулась серьезная борьба. В день открытия конференции, когда выбирали ее руководящие органы, проамерикански настроенная группа писателей, явно не без ведома посольства одной иностранной державы, проявила особое рвение, чтобы сорвать работу конференции. Но ко времени нашего приезда чаша весов явно склонилась в сторону про-

грессивных писателей. Большую роль на конференции играла китайская делегация. Это она своим авторитетным словом поддержала тех, кто выдвинул обширный и продуманный список приглашаемых из Европы и Америки гостей.

На конференции по очереди председательствовали представители различных стран Азии, в целом руководил конференцией Мульк Радж Ананд.

Утреннее заседание уже началось, когда перед нашей делегацией открылись двери зала нового дворца «Юнеско», где проходила конференция. Очередной председатель, представитель Цейлона, объявил: «На конференцию прибыла делегация советских писателей». Присутствующие шумными аплодисментами встретили посланцев советской литературы, посланцев, среди которых были и люди, уже хорошо им известные (и на конференции и во время нашего путешествия по Индии особым почетом пользовался автор «Индийских баллад» Мирзо Турсун-заде; знали в Индии и Константина Симонова).

Старый китайский писатель, известный беллетрист и общественный деятель Востока Лао Шэ встал со стула, с доброй улыбкой подошел к нашей ложе, отечески обнял каждого из нас и крепко пожал руки. Это вызвало в зале новый взрыв аплодисментов.

Мирзо Турсун-заде сразу же пригласили в президиум. Он познакомил конференцию с составом нашей делегации. Константин Симонов в коротком выступлении рассказал о современной литературной жизни Советского Союза.

На конференции писателей стран Азии присутствовали делегации Индии, Китая, Японии, Цейлона, Пакистана, Непала, Северной и Южной Кореи, Вьетнама, Бирмы, Ирана, Афганистана, Сирии, Турции, Египта.

Пестрые азиатские одежды, разного, иногда удивительного покроя, сотни образцов чалмы (до этого я считал, что чалма — это чалма, так сказать, только в одном варианте), масса других видов головных уборов и восточной обуви... На конференцию в качестве наблюдателей приехали гости из Европы, Америки, Африки, Австралии.

140353-20
518-11101333

Да, оказывается, в период подготовки конференции, во время обсуждения состава советской делегации, на заседании Оргкомитета возник вопрос о представителях Грузии. Было внесено предложение: раз Грузия не азиатская страна, грузинского представителя, входящего в состав делегации, считать, как и других европейских писателей, наблюдателем и гостем. Возникновение этого вопроса было для нас совершенной неожиданностью. Грузию, действительно, нельзя считать азиатской страной, хотя судьбы ее всегда были тесно связаны с судьбами многих стран Азии.

Неловкость состояла в том, что из двух докладов советской делегации один — «О состоянии литературы закавказских народов» должен был делать, как это мы решили в Москве, представитель именно Грузии, автор этих строк. Но вообще, должен сказать, на конференции дело пошло так, что как делегаты, так и гости пользовались почти одинаковыми правами.

Конференция обсуждала очень интересные вопросы: традиции Азии, писатель и свобода, международные культурные связи, писательское мастерство, положение в литературе народов Азии.

У некоторых из нас было сначала весьма смутное представление о том, что разумеется под традициями Азии, но в ходе конференции этот вопрос сделался, пожалуй, самым интересным, во всяком случае — первостепенная его важность стала очевидной.

Как известно, колониализм, господство иностранных завоевателей сотни лет тормозили развитие культуры, литературы и искусства народов Азии. Колониалисты стремились, в частности, к тому, чтобы исключить их духовное творчество из мировой культуры. Задерживалось развитие культурных традиций стран Азии, отрицалось их значение. И вот ныне, когда могучая Азия проснулась, когда она в огромной своей части уже освободилась, а в других ее частях продолжается борьба за освобождение, — сейчас делом первостепенного значения стало восстановление национальных традиций.

Вот почему на этой конференции

такое внимание было уделено этому вопросу.

Долгие-долгие десятилетия страны Азии были разобщены. Народы жили замкнуто, родина каждого народа была тюрьмой — и выйти из нее было некуда, рядом мучались другие в таких же тюрьмах. Устроители этих тюрем вывозили к себе, на Запад не только сырье и богатства азиатской земли, но и великие памятники искусства. Изумительные образцы зодчества, сокровищницы искусства стоят разграбленные, опустошенные, будто люди с выколотыми глазами, — наглядное доказательство позорных деяний колониализма.

Колонизаторы оторвали друг от друга не только исторически близкие, соседние страны Азии. Вот, скажем, Индия и Грузия. В сегодняшней Индии о Грузии знают очень мало. А до засилья империалистической Англии вряд ли было так. Наша страна, как это установили ученые, на протяжении веков сохранила обширные культурные и торговые связи с Индией. Я напому читателю хотя бы о путешествии Вахтанга Горгасала. А ведь он не мог бы поехать в страну, дорога в которую не была уже известна, он был царь, а не путешественник. Легко себе уяснить, что царь не был и туристом, тем более, что путешествие длилось годы. Наверняка в Индии его хорошо знали по делам государственным.

Взаимоотношения между Грузией и Индией!.. Пока они скрыты от нас толщей веков, как золото и драгоценные камни в багницких саркофагах. Но логично предположить, что в эпоху Руставели эти взаимоотношения были особенно развиты. Недаром русские издревле считали грузин знатоками и специалистами в делах Востока, и особенно Индии.

Специалисты-историки, наверное, смогут более убедительно и полно проследить очень интересную историю взаимоотношений нашей страны с Индией. Я же повторяю: трудно представить, что двести лет назад, до захвата Индии Англией, когда великая Индия со своей великой культурой не была еще насильственно изолирована от остального, бурно развивавшегося мира, — трудно представить, что индийский народ

в то время не имел достаточного представления о Грузии и грузинской культуре.

Крипалани и Прабакару Мачве из Индийской Академии литературы и искусства (почетным председателем этой академии является Джавахарлал Неру) я передал экземпляры «Витязя в тигровой шкуре» (в переводе на английский язык М. Уорд-роп, московское издание 1937 года). К сожалению, ни один из представителей передовой и весьма просвещенной индийской интеллигенции не знал ничего о бессмертном творении Руставели. Я попросил наших друзей как-нибудь выбрать время и прочесть книгу, а позднее, после конференции, если бы они сочли нужным, похлопотать о том, чтобы показать спустя восемьсот лет главному герою поэмы, индийскому витязю Тариэлу, его родину. Действительно, какое это прекрасное дело: перевести «Витязя в тигровой шкуре» на хинди или урду!

Прабакар Мачве взял поэму и скромно сказал мне: «Разве может издать такую большую книгу наша академия?»

Настоящий писатель живет в Индии зачастую в очень тяжелых условиях. Я знаю, например, что один писатель, автор четырнадцати больших романов, работает простым переписчиком в канцелярии какого-то чиновника — работает за «хлеб насущный».

Зависящие от частных издательств наши друзья — индийские литераторы — не раз жаловались на свою незавидную судьбу. В их числе и Кришан Чандр, человек, завоевавший мировое имя. Доход от книги? Писатель получает долю в десять — пятнадцать процентов.

Недаром, когда конференция обсуждала вопрос «Писатель и свобода», одна непальская писательница встала и заявила: «Что там говорить о свободе писателя, когда он, писатель, еле дышит в когтях жадных издателей». Немало слышали мы о произволе издателей, но, конечно, дело такой важности на конференции не урегулируешь.

Вот почему я, к тому времени уже кое-что услышавший и узнавший, не удивился, когда Прабакар Мачве сказал мне: «Из этой большой поэмы

нам, пожалуй, удастся издать отрывки, те, что рассказывают об Индии».

Руставели заставил Прабакара провести ночь без сна. Утром мы получили восторженное письмо. И вместе с ним переводы некоторых отрывков на язык урду — плод бессонной ночи. Письмо и перевод я привез с собой...

На наших глазах совершается дело мирового значения: позорная колониальная система рушится, пробуждаются, выходят на светлый путь независимости поработанные прежде народы Азии. На протяжении веков боролись они за свободу. Они тянутся сейчас к старым друзьям. Они стараются восстановить старые союзы и проверенные практикой взаимоотношения. В справедливой борьбе их вдохновляет великий пример — наша страна. Об этом очень часто заявляют прогрессивно мыслящие люди Азии. Джавахарлал Неру в своей книге «Открытие Индии» пишет: «Я никогда не сомневался, что советская революция далеко продвинула вперед человеческое общество и зажгла красное пламя, погасить которое невозможно. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой стремится все человечество».

Народы Азии хотят сегодня показать всему миру свои тысячелетние культурные завоевания, хотят развития на базе новой цивилизации, чтобы приумножить свой великий вклад в сокровищницу мировой культуры.

Чувство единства! Оно повергает колонизаторов в «негодование». Мне довелось познакомиться с одной небольшой статьей, появившейся в английском еженедельнике «Нью-стейтсмен энд нейшн» (органе, далеко не самом реакционном в Англии). Автор статьи «иронизирует» над делийской конференцией: «С чего бы это трем сотням индийских писателей (пишущим на шестнадцати индийских языках) и восьмидесяти азиатским писателям (пишущим на шестнадцати азиатских языках), вздумалось устраивать конференции? Как они могут говорить друг с другом? О чем могут говорить между собой эти делегаты, украшенные бородами, одетые в тюрбаны, саранги, фески, брюки или дхоти?»

О, господа, мы прекрасно нашли общий язык на этой конференции, и мы чудесно нашли, «о чем поговорить» — впрочем, вы ведь и сами это знаете, когда совершенно справедливо отмечаете, что «конференция вдохновлялась новым духом пробуждающейся Азии», когда ругаете конференцию за то, что она, мол, «побочный продукт Бандунга». Ах, вы иронизируете над мнимым «повторением общих мест», в которое вылилась, по вашему мнению, конференция? Что же это за общие места? Понятно, понятно — вы пытаетесь шутить над тем, что «каждый индийский писатель... говорил о том, что Индия страдала под английским владычеством и отмечал значительность индийской цивилизации», над тем, что «азиатские писатели говорили: колонизаторам не удастся больше разделить народы Азии», над тем, что «китайцы приводили цифры изданных книг и переводимых классиков». Поистине, как смешно... взгляните вы, господа, бывшие господа, пытающиеся сделать хорошую мину при плохой для колониализма в Азии игре!

В статье есть выпад и против нашей литературы. Главная проблема для советских писателей, оказывается, заключается в том, что чем больше и лучше они работают, тем «больше народ требует от них». Мы же считаем, что остается только пожалеть тех писателей, которые лишены этой радости — стараться все больше и лучше удовлетворять растущие запросы народа!

Но оставим бессильно раздражительных господ с Запада — лучше говорить о том чувстве единства азиатских народов, которое так ясно проявилось на конференции. Оно, например, продиктовало видному общественному деятелю Индии, депутату парламента, писателю Раджагопалачария такие слова: «За всю свою жизнь я ни разу не пересек границ Индии, но здесь, сейчас, я словно увидел всю Азию».

Однако теперь у единства и свободы народов Азии появился новый опасный враг. Прогрессивные люди Востока возмущены политикой новых колонизаторов — американских империалистов, которые хотят своими долларами перекупить и укрепить им-

периалистические позиции, теряемые старым «хозяином» Азии — Англией.

Прогрессивная общественность Азии не устает при каждом удобном случае выступать против этих планов. Конференция писателей не была в этом смысле исключением.

Мы вошли в зал конференции, когда на трибуне стоял японский писатель и общественный деятель Махара Хатанака, который с воодушевлением рассказывал о том, как прогрессивные писатели Японии борются за подлинно-национальное искусство своего народа. В японской литературе нет единого потока. Есть писатели, которые придерживаются подлинной народности, и есть писатели — приверженцы декаданса. Они равнодушны к чаяниям и надеждам народа Японии. Вот почему, заметил Хатанака, так важен исход спора этих литературных течений: за ними скрыты две различные, противоположные ориентации Японии, ее будущее.

Многие участники конференции с безграничным гневом поминали темные десятилетия господства английского империализма в Азии. Вот типичные в этом смысле слова (из речи представителя Бенгалии): «В литературе и философии мы всегда искали истину. Может быть, в этих поисках мы находили нечто иное, но во всяком случае — духовное спокойствие. Они отняли у нас все. Они не понимали нас. Они считали нас людьми низшего сорта, идолопоклонниками. Так они «трактовали» нашу религию и философию. Они ненавидели и презирали нас, и мы стали отвечать им тем же».

На конференции произошел такой случай: на третий день в прениях получил слово представитель Англии. Он поднялся на трибуну и начал горячо говорить о цивилизаторской миссии Британии и тому подобное. Но тут открылись двери, и в зал вошел Джавахарлал Неру, вернувшийся утром в Индию из США. Очередной председатель сразу же предоставил ему слово. Представитель Англии покинул трибуну. Зал разразился горячей овацией — не только самому Неру, человеку, очень популярному в Азии, но и этому символическому факту — смене ораторов,

многозначительно истолкованному аплодирующим залом. Речь Неру была посвящена долгу писателя перед обществом, в особенности — перед обществом, только что пробудившимся, только что ставшим на путь независимости.

Не обошлось на конференции и без витии западно-декадентского толка, который, брызжа слюной, защищал теорию «искусства для искусства». В сущности, против этой теории и выступил во время официального приема участников конференции президент Индии Прасад, а на самой конференции — Джавахарлал Неру. Неру заявил, что писатель не имеет права замыкаться в своей скорлупе, жить в стороне от народа, тем более, когда его народ кровью и потом, тяжким трудом создает будущее. «Мы не требуем от писателя голых политических трафаретов, — говорил Неру, — мы требуем от него истинно художественных образов наших борцов и людей труда. Вы обязаны участвовать в той жизни, о которой вы пишете». На конференции была разработана единая платформа для всех писателей Азии, против чего вместе с некоторыми гостями с Запада яростно выступали идеологи и декаденты из проамериканского клуба «Конгресс в защиту свободы культуры».

С большим интересом были выслушаны два доклада делегации советских писателей о положении литературы народов Средней Азии и Закавказья. Мы должны были рассказать не только о сегодняшнем положении наших народов, но дать, так сказать, краткую историческую справку о литературе каждого народа. Без этого нельзя было сравнить наш вчерашний и позавчерашний день с сегодняшним. Долгое время оторванные от культуры народов Советского Союза разными колонизаторскими «железными занавесами», участники конференции обо всем этом имели очень смутное представление. Говоря о «занавесах», я только повторяю Мульк Радж Ананда, который сказал: «Господство иностранцев на Востоке не дало нам возможности своевременно познакомиться с Пушкиным и Лермонтовым, Толстым и Горьким, да, собственно, для нас за английским занавесом остались скрыты даже Шелли и Байрон».

Здесь, в Дели, впервые лично познакомились многие писатели стран Азии и республик Советского Союза, здесь я особенно остро ощутил, насколько велика во всем мире тяга к советской литературе, к классическому наследию наших народов — тяга, о которой у нас в Союзе мы говорим, но говорим часто как-то привычно, бесстрастно, бестрепетно, без той вдохновляющей гордости, которая океанской волной охватывает тебя, гражданина Советского Союза, в таких вот случаях жизни, на таких вот встречах.

В торжественной обстановке, под восторженные рукоплескания было решено: вторую конференцию писателей стран Азии (вместе с писателями Африканского континента) созвать в СССР, в столице Советского Узбекистана — Ташкенте.

На конференции было очень много интересных выступлений. О всех не расскажешь, тем более в путевых записках. Некоторые запомнились особенно. Например, выступление старого иранского писателя Нафиси (кстати, нашего гостя на Втором съезде советских писателей в Москве). Судя по его словам, положение в сегодняшней иранской литературе сложное. За последние сто лет великая литература словно утратила силу своего влияния на читателя и прежнюю свою творческую энергию, подпав под влияние европейской декаденщины. Персидская поэзия — поэзия колоссально богатых традиций — в чужой, заимствованной одежде чувствует себя, мягко говоря, не очень ловко.

Помню, председатель пригласил на трибуну египетского писателя, но тот оказался жестоко простуженным и смог сказать лишь два-три приветственных слова. Но посланцу страны героического Порт-Саида были подарены продолжительные аплодисменты.

Сердечный и теплый прием был оказан делегатам конференции посольствами разных стран в Индии. Особенным гостеприимством блистали китайские товарищи. В долгу не остались и непальцы, и вьетнамцы, и пакистанцы, ну, и, конечно, советское посольство.

...Конференция закончилась. Мы начинаем поездку по дорогам Индии.

Грузинские встречи

Перевод со словацкого Е. Аронович

Молодая словацкая писательница Вера Гандзова посетила Грузию в составе группы киносценаристов летом 1958 г.

Свои впечатления о поездке в Грузию она выразила в очерке «Грузинские встречи», напечатанном в №№ 33—36 словацкой литературной газеты «Культурны живот».

Мы публикуем очерк В. Гандзовой с сокращениями.

I

Давно уже Грузия не была для меня незнакомой. Но что можно написать о грузинской природе после Пушкина и Лермонтова? Разве смогу я написать о любви между нашими народами после того, как в книге «Жизнь против смерти» в образах Кето и Ондreja Урбана она уже была олицетворена Марией Пуймановой? Как говорить о грузинских песнях и танцах, мелодии и ритм которых еще живы в нашей памяти после выступления грузинского ансамбля? Как рассказать о гостеприимстве грузин по отношению к посланцам Чехословакии, когда их поблагодарил уже первый гражданин на-

шей республики — товарищ Новотный?

Меня замучили эти вопросы.

Как соединить свежие впечатления в связный рассказ?

II

Каждый нормальный репортаж — как я привыкла считать — должен начинаться констатацией некоторых (общеизвестных) фактов: 1. Что путешествуя по той или иной стране не ехал туда при помощи того или иного средства передвижения, или же как обрадован и удивлен был автор репортажа, что наконец-то он едет, какие прививки ему сделали, что он взял с собой — или что забыл

взять и т. д. 2. Что за границей он делал то-то и то-то, слышал, видел, пережил (или хотел слышать, видеть, пережить, сделать) и — 3. Что автор очерка вернулся, и ему было грустно, радостно, странно, необычно и т. д.

Ну, хорошо, только...

Я не хочу писать репортаж. Грузия давно уже перестала быть для меня чужим и неизвестным краем. Тем, что я ехала в Грузию, я была скорее восхищена, чем удивлена, прививок мне никаких не делали — против чего бы? — а содержание моих чемоданов никого, даже работников таможни, не занимало. То, что я начала делать там, еще не завершено, а при возвращении у меня не было времени думать о впечатлениях, я больше думала о глиняном цветочном горшке, который был у меня с собой.

В нем — грузинская земля, и в ней посажена маленькая агава.

Это не обычная земля с обычной агавой...

III

Кто-то назвал историю сказками для взрослых.

Возможно, это несколько упрощено. А, возможно, здесь есть правда... Может быть, поэтому я и люблю учебники истории и любую историческую литературу...

Но вернемся к грузинской истории. Давней и недавней. Они похожи. Героизмом.

Пусть это кажется патетичным, но еще когда московский писатель в машине рассказывал мне разные предания о Грузии, я собственными глазами увидела и сердцем почувствовала, как мимо меня идет столетняя и тысячелетняя история. Это было особенное чувство. Торжественное и страшное своим величием. Мне казалось, что каждый километр — это другое столетие. Причем, не в хронологической последовательности шло это изменение веков. Из пятого века со скоростью 80 км. в

час мы перешли в третий век до нашей эры, потом в бронзовый век, оттуда в XX век гидроэлектростанций, и опять во времена римского полководца Помпея...

В пятом веке мы сделали остановку. В Мцхета. Собственными руками касались мы пятого века.

Он представлен миниатюрной церковью, над которой поднимается огромный храм «Светицховели» — в переводе — «Столп Животворящий». Маленькая церковь была первым христианским храмом Грузии.

Теперь от нее остались только стены и несколько деталей живописи. В огромном нефе «Светицховели» эта церковь выглядит, как часовенка, или, скорее, как исповедальня. И как в исповедальню пускают только посвященных, так и к стенам маленькой церкви могут подходить только посвященные в сан — историки.

Фрески имеются и на стенах большого храма «Светицховели».

Когда в X веке строили собор, в его стены были замурованы огромные пустые глиняные кувшины. Строитель достиг этим отличного резонанса, но прекрасные, недавно реставрированные фрески на его стенах именно поэтому не могли быть исповедниками, как их коллега в часовенке. Каждое, даже произнесенное шепотом, слово разносится по всему «Светицховели».

Это, конечно, не только из-за глиняных кувшинов.

Специалист остановился бы подробнее на архитектуре, определил бы, какой из фасадов, которая из арок и балюстрад выполнена в каком стиле, что и в каком веке пристроили и перестроили при беспрестанных реконструкциях, где проявляются различные влияния...

Я знаю только одно. Пусть эта ниша в готическом стиле, другая — в стиле барокко, а иные напоминают о мавританском стиле, пусть купол один, а башня совсем иная, — но ни одна линия здесь не повторяется. Каждый орнамент совершенно ори-

гинален. Внутри и снаружи храма все—неповторимо.

Каким же мастером был зодчий Арсакидзе! Абсолютная дисгармония деталей претворилась в полную гармонию целого...

Зодчий Арсакидзе!

На одной из каменных плит храма высечена его подпись. А над амбразурой самого высокого окна символ — правая рука. После завершения строительства зодчему Арсакидзе отсекли руку. Чтобы никогда в жизни не смог он построить другое подобное сооружение... При взгляде на эту каменную десницу в памяти возникают десятки преданий о славных строителях. Того ослепили, другому отрубили руку, а кому и обе, а кого и замуровали...

В «Светицховели» с нами говорило не только пятое столетие.

И здесь мы переходим из одного века в другой, ступая с одной мраморной плиты на другую. Вот под этой растресканной, прикрытой стеклом плитой лежит царь Вахтанг Горгаслан... Полторы тысячи лет назад он перенес столицу Грузии из Мцхета в Тбилиси. Но похоронить себя завещал в том месте, откуда не раз водил полки против неприятеля. Когда потом выстроили великий храм, его проб перенесли на самое почетное место.

В Мцхета похоронено много царей. Ираклий II, который лежит рядом с Вахтангом Горгасланом, подписал с русской царицей договор о присоединении Грузии к России...

История Грузии — история боев. А бои бывали и братоубийственные. Мцхетские надгробья семьи Багратионов говорят о боях против врагов иноземных и против внутренних. Когда идешь вдоль этих могильных камней, кажется, что идешь сквозь столетия.

Героические — и поучительные.

IV

Грузинская история во многом подобна нашей, а наша — близка грузинской...

Это уже, однако, не сказки для взрослых...

Вот параллель — Либуша, основательница Праги, и царица Тамара.

Или. Тбилиси и Карловы Вары.

Правда, Тбилиси отмечает полуторатысячную годовщину, Карловы Вары, которым исполнилось в прошлом году всего 600 лет, — дитя против Тбилиси. Интересно, что юбилей городов почти совпадают — Карловы Вары отмечали свой юбилей в прошлом году, Тбилиси — осенью этого года; еще интереснее предание о возникновении обоих городов — они совпадают слово в слово. Даже и названия городов означают примерно одно и то же. «Вары» — горячие источники по-чешски. «Тбили» — по-грузински — теплый, а «Тбилиси» — в вольном переводе — город горячих источников.

V

Написать, что Тбилиси очаровал меня, было бы легко и просто. Но мало. Этот город, прежде всего, — сумма всех грузинских встреч, результат всех впечатлений — исторических и современных.

В Тбилиси все удивительно напоминает мне родину.

Узкими улицами старого района города ходишь, как по Братиславскому Еврейскому кварталу; фруктовый и овощной рынок похож на пражский и быстрицкий; мемориальные доски, напоминающие о революционных боях...

Таких досок в Тбилиси много, но они говорят не обо всех боях. Эти бои начались уже в половине прошлого века. Тбилиси был в то время центром промышленного, скорее — мануфактурного производства. Со времени основания города в горячих серных источниках обрабатывали кожи, возникли обувные мастерские, мыловарни, текстильные фабрики, табачные и винные заводы... В начале прошлого века в Грузии начали плавить сталь.

Как эта сталь, закалились и серд-

ца рабочих - грузин. Я не буду говорить обо всех боях и подвигах грузинского пролетариата, приведших его к установлению Советской власти. О сотнях и тысячах людей, убитых во время господства меньшевиков...

Но это не мое дело—слагать эпические песни о героях... И, собственно, никто от меня этого не требует. Я хочу написать о Тбилиси — обо всех впечатлениях, исторических и современных. Я не видела, как представители грузинского народа воевали и умирали в Революции. Но я видела воплощение мыслей и идей, за которые проливалась кровь.

Видела Земо-Авчальскую гидроэлектростанцию имени В. И. Ленина, первую в Грузии. Это была вторая электростанция в Советском Союзе, построенная по плану ГОЭЛРО.

Видела сказочные парки и сады, которые с первых месяцев Советской власти начали высаживать жители города на славных субботах. Прекраснейший среди них — парк имени И. В. Сталина, поднимающийся над городом на Мтацминда — горе Давида. Туда ведет фуникулер, как на Гребенок у нас, только на горе Давида подъем круче, за 8 минут покрывается высота в 300 метров...

Я не жалею, что поборолла страх перед головокружением и посмотрела вечером сверху на город...

Это даже описать невозможно: прямо под ногами огни города, чуть подальше — широкий серебристый пояс Куры, которая с такой высоты кажется спокойной... Огни, отражающиеся в речной глади, разливаются на ее другом берегу в море света — и конца ему не видно. Если присмотреться внимательнее, можно различить более яркий свет — рефлекторы, направленные на красное знамя над Домом правительства, а немного дальше прожектора возле памятника Ленина на главной площади города — площади Ленина.

Даже с такой высоты можно различить его простертую вперед руку. Отсюда, с Мтацминда, кажется, что

Ильич хочет обнять и горячо прижать к сердцу всю эту красоту.

VI

Вечером вид с Мтацминда сказочный, но днем все яснее, ближе.

Из-за зеленого заслона садов, парков и аллей, украшающих улицы, вырисовываются белые и золотистые строения различных учреждений, школ, театров, музеев, больниц, современных жилых домов...

И над всем этим — стальные руки кранов. Тбилиси — гигантская новостройка, пригороды становятся городом.

Таков квартал Ваке. Или Грма-Геле — в двадцатые годы здесь был пустырь; такова Авчала, таков...

Да, ведь я не хотела перечислять. Ведь старый город, ставший новым, — это не только Тбилиси, таких много в Грузии, а во всем Советском Союзе — еще больше. В последние годы вырос Рустави, который начал строиться в конце 1944 года.

Сначала 600 человек приступили к строительству металлургического завода.

Сегодня в Рустави — несколько заводов и около 100.000 жителей...

Это очень значительно. Но еще более символическим проявлением осуществленной мечты, за которую воевали грузинские революционеры, было для меня Тбилисское море...

Вот это и есть современная история.

В годы, когда только началась нелегальная кружковая революционная работа, в Тбилиси, недалеко от города, в долине Соленых озер, собирались революционеры. Здесь отмечали и 1 Мая.

Это кажется преданием? Это история. А современность?

Сначала возник план Самгорской оросительной системы. Потом отвели воды реки Иори в длинный канал. привели их к тому месту, где потом возникло Тбилисское море.

Пустынное место начало оживать. Животворная вода прибывала. Другие каналы разнесли ее далеко;

возникли гидроэлектростанции. Почва после сотен лет начала родить. Сначала орошено было три тысячи гектаров, потом шестнадцать тысяч, а скоро орошаемая площадь будет равна 40 тысячам гектаров.

Вода Тбилисского моря поднялась над уровнем Соленых озер. Говорят, что у нее вкус морской воды.

В этой местности расцвели идеи, посеянные здесь много лет назад.

Это самая символическая мемориальная доска, которую я видела.

Это не только история и современность. Это историческая современность.

Когда я начинаю говорить об истории, тут же мне на ум приходит и современность и будущее.

Но что же делать, если в Грузии это во всем?

Героическое прошлое чувствуется здесь на каждом шагу в славном настоящем, и это дает чувство уверенности в великом будущем.

VII

Приступая к запискам, я хотела начать с XI века, с экономического и политического положения страны при Давиде IV Строителе, большой абзац хотела посвятить Шота Руставели и его поэме; потом я намечала писать об А. Чавчавадзе и его зяте Грибоедове, потом о Пушкине, Лермонтове, Толстом в Грузии, потом о том, что в Грузии родился Маяковский, потом о том, что здесь жил Горький.

Все это я уже обдумала — нужно упомянуть об изобразительном искусстве, о театре, опере, кино, балете, современных писателях, деятелях искусства...

Но ведь это был один из тех очерков, которые я осуждала, принимаясь за эти записки. Ведь не обзор же культурной жизни Грузии за десять веков решила я писать. Я назвала эти записки «Грузинскими встречами» потому, что собиралась писать только о том, что я встретила здесь.

И что же — мне теперь списывать

сведения о Шота Руставели из предисловия к «Витязю в тигровой шкуре»? Я лучше вот о чем расскажу.

Одна из красивейших улиц в Тбилиси называется проспектом Руставели. И самый красивый театр города носит это же имя. Одно из самых замечательных сооружений Тбилиси — станция фуникулера на Мтацминда — расписано фресками на темы «Витязя в тигровой шкуре». В Тбилиси живет работник местной пожарной охраны В. Асланишвили, который с большой любовью к великому поэту и его творчеству долгие годы собирает грузинские издания — и переводы на иностранные языки — «Витязя в тигровой шкуре». Книга издана 76 раз. У Асланишвили имеется 70 изданий... Сколько раз говорили о поэзии, столько раз я слышала чтение стихов Руставели. Самое большое впечатление оставило чтение одного инженера-металлурга. А у постаментов памятника великому поэту всегда лежат живые цветы.

VIII

О Лермонтове и Пушкине я много думала перед дорогой, а еще больше — в самолете, по дороге в Тбилиси.

Под нами были облака, среди которых, как в театре, вздымался заснеженный Кавказ. С высоты в 10.000 м. это походило на рельефную карту. Где-то в долинах серебрились потоки, некоторые горные хребты казались пестрыми, так как не все скалы были покрыты снегом... Когда среди этого великолепия ослепительно засияла белая шапка Казбека, когда самолет начал снижаться, когда я, забывая о том, что ТУ-104 делает 900 км в час, подумала о том, что хорошо бы выглянуть в окно самолета и, зачерпнув рукой снег, охладить лицо, я вспомнила слова из «Демона»:

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал...

И я подумала: как написал бы Лермонтов, если бы тогда была возможность, поднявшись в такую высь, сразу увидеть всю эту красоту? Как тогда с изгнанием из рая? А Пушкин? Не написал бы он не о неукротимой природе, а об ее укрощении?

В Грузии я часто встречалась и с Пушкиным и с Лермонтовым. Не только на гранитных постаментах. Сколько раз мы вместе с нашими грузинскими друзьями вспоминали «Бородино», соревновались, кто больше знает наизусть из «Евгения Онегина»!

О пантеоне на Мтацминда, где похоронен Грибоедов и многие деятели грузинского искусства, говорят:

«Там на грузинскую землю упали чистые слезы Пушкина...»

А развалины старого монастыря недалеко от Тбилиси зовутся «Мцыри»...

С первых дней моего пребывания в Грузии я много слышала о Пиромании. Меня заинтересовала его бродяжья жизнь, чем-то напоминающая жизнь Вийона. Рассказывали, что он писал портреты купцов, трактирщиков, торговцев на стенах трактиров, на оберточной бумаге, на головных платках писал свои красно-бело-черные пейзажи... Я еще больше возненавидела царскую действительность, окружавшую художника, за то, что он жил в бедности, впроголодь, что он так трагически умер...

Мне хотелось бы позже написать о нем. В гостях у писателя К. Лордкипанидзе, против его письменного стола я увидела картину. На ней изображен был солдат. Это была особенная картина — странная и очень простая; солдат был изображен почти детскими мазками. Правая нога была забинтована, кровь проступала на бинтах. Только морщинка, пересекающая его лоб, и складки у рта говорят о том, сколько нужно было сил этому раненому человеку, чтобы удержаться на ногах.

Я долго не могла оторваться от картины, странным образом притягивающей меня, — больше мне не

чего написать: великое искусство не опишешь просто.

Когда мы приехали в Тбилиси, принял нас Первый секретарь ЦК КП Грузии товарищ Мжаванадзе.

Товарищ Мжаванадзе сказал нам:

— Я бывал в вашей стране несколько раз. Первый раз — в сорок пятом году.

Эти слова мы слышали много раз. Их повторял редактор, шофер, рабочий-литейщик, незнакомец, услышавший на улице нашу речь, отдыхающий на Зеленом Мысу, инвалид на пляже...

Они были у нас в 1945 году.

Товарищ Мжаванадзе вспомнил Братиславу и лесника в Малых Карпатах, который подарил ему собаку. Шофер говорил о Кошицах, литейщик — о Новых Замках, незнакомец — об Острове, отдыхающий проходил во время наступления в марте сорок пятого года в нескольких километрах от нашей деревни... Инвалид с пляжа оставил где-то около Брно правую руку, а тбилисская девочка, которая никогда не видела отца, не расстается с фотографией одного из тысяч советских бойцов, что пали по пути к Праге...

Мы не забыли, товарищи!

Где-нибудь в Кошицах, в Новых Замках, Быстрице, Братиславе или в Острове живут люди, которые, может быть, не жили бы без вас. И берегут больше тринадцати лет фотографии и память сердца. И хотят встретиться с вами, поблагодарить.

Я, как и они, надеюсь встретиться здесь с боевыми товарищами, освобождавшими Словакию.

Мы рассказывали тбилиским друзьям о нашей родине, о Братиславе, о новых фабриках в Кошицах, о чехословацком Рустави возле Острavy, о Праге, о Татрах. Мы говорили им о Славине, об Ольшанах, о цветах, которые кладут наши дети на могилы их отцов, братьев, которые и нам отцы и братья. Мы говорили, что не напрасно пролили они за нас кровь...

Товарищу Мжаванадзе мы крепко

пожали руку. И редактору, шоферу, литейщику, незнакомцу на улице, отдыхающему на Зеленом Мысу. А инвалида, потерявшего правую руку у Брно, я обняла от всей души.

За всех.

Не только те грузины, которые были у нас в сорок пятом или позже, интересуются Чехословакией.

Все спрашивали нас о Чехословакии. И знают о ней много. Знают Готвальда и Запотоцкого. О нашей промышленности, сельском хозяйстве и культуре. О спортсменах и Эмиле Затопеке.

Но этого мало. В Советском Союзе слово «чех» или «словак» открывает все сердца и двери.

Это особенно ярко проявилось при визите в Советский Союз Чехословацкой правительственной делегации с президентом Новотным во главе. В то утро, когда наша правительственная делегация должна была прибыть в Тбилиси, мы возвращались из Батуми, где провели три недели. Уже прошел месяц, как мы уехали из дому, и мы знали истинную цену родине — ведь человек легче всего узнает ее в разлуке.

Никогда не казался мне столь прекрасным наш чехословацкий флаг, как в то утро. Весь город был украшен чехословацкими и советскими флагами. Никогда слова «Да здравствует Чехословацкая Республика!» не западали мне так глубоко в сердце, как в тот день, когда я прочла их по-чешски в Тбилиси. Никогда так не нравилась мне наша музыка — и песни, и симфонические произведения, и даже песенки, которые я дома никогда не слушаю, — в Тбилиси я слушала все это с таким удовольствием!

Но не об этом я хочу сказать — я хочу сказать о жителях города и деревень, которые проехали и прошли немало километров, чтобы приветствовать нашу делегацию на своей земле. Они стояли на солнцепеке и ждали, пока пройдут машины с гостями. Я хочу написать о цветах, о гирляндах, которыми пионеры за-

сыпали всю сцену театра, людей, улицы. О цветах, которые и сегодня цветут в Тбилиси в честь товарища Новотного.

XI

Я хочу рассказать о Вахтанге Модебадзе. Вахтанг Модебадзе — это тип грузина и советского человека, как я его себе представляла.

Но, кажется, нужно еще сказать о грузинском характере.

В предании о возникновении грузинской земли немаловажное место занимает песня, в которой грузин просил у бога о земле, о любой земле; грузин обещал почитать ее, как жену, любить, как дитя, холить, как скакуна, и беречь, как кинжал от ржавчины.

Конечно, любить, уважать свою родину — это так естественно — об этом не говорят, это доказывают делами. Так и было в Грузии; за землю сражались, не покидали ее в горе и в голоде, и теперь застраивают и холят ее. Они гордятся ею. А разве нечем гордиться?

В Грузии уважают женщин и очень любят детей. Мне очень понравились грузинские дети; все хорошие люди любят детей во всех странах — советские люди видят в своих детях строителей коммунизма...

...В Цинандали мы отправились, чтобы осмотреть музей Александра Чавчавадзе и места, связанные с памятью Грибоедова. Мы проехали двести километров по местности, напоминающей Словакию. Если бы в Кахетии не было кипарисов, можно было бы подумать, что мы где-то между Брезном и Маргецанами.

Деревни, которые мы проезжали, — Мукузани, Гурджаани — напоминали нам названия вин, с которыми мы к тому времени уже познакомились. Я знала, что Цинандали — не только название деревни, мне нравилось, что родовое имя великого грузинского писателя связано с названием лучшего грузин-

ского вина—ведь поэт и чистое вино—что может быть естественнее? Я не знала только, что хранитель музея и «хозяин» вина — Вахтанг Модебадзе.

Он ходил с нами по музею, рассказывал о жизни Чавчавадзе, о его творчестве, как ученый экскурсовод, которому близко и дорого все, что связано с классиком, он с гордостью показал нам военные трофеи Чавчавадзе времен 1812 года, перечислил все переводы Чавчавадзе с французского и немецкого языка, говорил о его дочери Нине, жене Грибоедова, показал клавесин — первый в Грузии — дар Грибоедова Нине. Он привел нас в собор, где происходило венчание Нины и Грибоедова, — река в бурном разливе снесла половину церкви вместе с фруктовым садом (в этом наш экскурсовод увидел глубокий символический смысл — так и жизнь Нины была разрушена и сметена преждевременной смертью Грибоедова).

Но когда нам потом представили Вахтанга Модебадзе как директора виноградарского совхоза — я широко раскрыла глаза. Ведь я приняла его за литературоведа!

А потом он водил нас по своему «царству»! Вино в Кахетии обычно не разливают по бочонкам. Виноградари Кахетии зарывают в землю большие глиняные кувшины и в них наливают вино. Но для вина Цинандали не хватило бы и батареи этих кувшинов — ведь погреба, где сложены бочонки, занимают три этажа огромного пространства — 12 кв. км. Да, двенадцать.

Наши грузинские друзья, которые перед этим были в Чехословакии, рассказали Вахтангу о наших виноградарских хозяйствах возле Братиславы. Вахтанг знал об этом, ему было интересно, какие именно сорта винограда выращивают в Чехословакии, и в Словакии в частности, сколько гектаров занято этой культурой, часто ли бывает град; он говорил, как защитить от него гроздь.

С Модебадзе можно говорить о чем угодно. Он знает грузинскую и

советскую культуру. Ему знаком не только Фучик, но и Коменский, Иракс...

XII

Потом мы сели за стол. Вахтанг произнес множество прекрасных тостов. Говорил о дружбе — могучем дереве, которое пустило корни глубоко в сердцах наших народов; о дружбе, чистой и прекрасной, как цветок камелии. О дружбе — кубке чистого вина.

От такого вина не мутится разум.

Рабочие совхоза, которые сидели с нами вместе за столом, принесли с собой грузинские балалайки — чонгури, волшебные бубны, пели и играли. Какие это были песни? О войне, о любви — гордые и нежные.

Послушаешь их — видишь перед собой миллионы людей; ничего на свете не боятся эти люди. С такими не пропадешь!

Они всегда помогут — люди Грузии, люди Советского Союза!

XIII

Я привезла домой горсть грузинской земли.

Но земля эта не только в горшочке, в который посажена маленькая агава.

Земля эта наделена волшебной силой. Она не выходит из сердца. Она в нем навсегда.

А моя агава?

Она растет. Ее скоро надо пересаживать. В большой горшок, в котором будет и словацкая земля. Это будет славная агава. Она вырастет в необычайной земле. Ее будет питать почва, о которой говорил Вахтанг Модебадзе в своем поэтическом тосте про дерево дружбы, пустившее корни в сердцах народов.

Говорят, агава цветет раз в столет. Я не увижу ее цветов. Но, во всяком случае, до тех пор ее нужно будет не раз пересаживать. Ее корни потребуют еще много земли.

Возможно, это будет земля всех континентов нашей планеты. А возможно, это будет почва неизвестных доселе миров.

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Ю. Суровцев

БЛИЗОСТЬ К ЖИЗНИ И ГЛУБИНА ПОЭЗИИ

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

Лирическому поэту необходимо уметь видеть характерные жизненные случаи и детали, находить и показывать нам такие стороны в них, которые по ассоциации, по особой, я бы сказал «лирической» (тоже строгой) логике, могут быть настолько «привязаны» к той или иной мысли и чувству, что, выражая и углубляя их, они поднимаются до символической обобщенности. Здесь поэту важно проявить то качество, которое можно бы назвать **интуицией разборчивости** (что «подойдет», что — нет), но эта интуиция захватывает не только психологию поэта, но и его общественную мысль, его идеологию. В стихотворении «Крылья нашего поколения» Нази Киласония тему, изложенную в названии, воплотила в такой образ-символ: молодой лыжник в Бакуриани стремительно несется вниз:

Звнящий ветер, высота,
Снега все ближе, ближе,
И — окрыленная мечта:
Стремительные лыжи!..
Я с ним в мечтах с горы лечу
И в радостном волненье
Прославить песнями хочу
Я крылья поколенья!

Перевод Е. Николаевской.

Образ этот — не штамп, но, увы, тему выражает он все равно мелко, поверхностно. Как ни верти, а стремительный спуск на лыжах не очень ассоциируется с качествами нашего поколения: слишком однолинеен образ. Здесь поэтесса не справилась, как говорят в критике, со взятой темой — огромной темой; здесь не «сработала» интуиция разборчивости, выбора «соответст-

вующего» образа — и не «сработала» потому, что с точки зрения своего общественного содержания тема мыслилась неясно.

Передо мной сборник Михаила Квливидзе — «Стихотворения», изданный «Советским писателем» в прошлом году. У Квливидзе негромкий голос, он поэт не леонидзевского склада. Но его «грузинскость», его национальное своеобразие чувствуется в каждой строчке. Мысль свою он выражает «не прямо», а всегда стараясь найти ей образно-обобщенное, эмоционально — приподнятое выражение. Дать образ-символ, часто «пейзажный» — эту задачу, мне думается, он всегда «держит в уме», когда работает над лирикой. Это сильная сторона его лирики. Там же, где поэт вдруг «откровенно», прямо, монологически начинает высказываться, там он оказывается неоригинален и слаб — в таких случаях мысль и чувство у поэта словно не отстоялись, это «личное», но не «общее».

Например:

Мне снилось,
Что ты возвратилась ко мне.
От счастья
Я даже заплакал во сне.
Но тотчас меня разбудил телефон:
Твой голос недобрый узнал я сквозь сон.
Он чем-то грозил
И о чем-то просил,
Плохими словами меня поносил.
Со всем я согласен —
И ныне и впредь!..
Мне б только прилечь,
Чтобы сон досмотреть....

Перевод Е. Николаевской.

В шахматах говорят: «Изобретательно, но не спасает». Так и здесь. Концовка придумана довольно изящная, но ведь она не «спасает»: чувство не обобщено, стихотворение лишено, так сказать, всеобщей интересности.

Здесь же я приведу два небольших стихотворения Квливидзе с символами-обобщениями, — не комментируя, ибо, полагаю: читателю будет ясно, насколько отличны они от вышеприведенных пустеньких, хотя и миловидных строк. Вот стихотворение «Ели»:

В миг сбежали с горы.
Отдыхались.
На воинов стали похожи.
По команде застыли.
Стволов подравняли ряды.
Пыль над ними до неба
взметнулась
и пала к подножью.
Приближался рассвет.
Плыл туман из-за горной гряды.
Перед войском —
вперед —
В поле вырвалась ель молодая.
Встала,
как полководец,
Сраженье замысливший тут.
Молчаливо стояла,
Зарницу зари ожидая,
Как в преддверье атаки
Ракету сигнальную ждут.

Перевод А. Межирова.

Оригинально? Не только оригинально. Поэт, действительно, неожиданно переосмыслил, «перевоеобразил» пейзаж. Но главное — что толкнуло его к ассоциации такого рода, — вот эта причина и есть внутреннее содержание стихотворения. И эта причина, это содержание — несмотря на кажущуюся абстрактность — современно и значительно. Кто мог так «подумать» о елях? Только человек современности, только тот, кто знает, «как в преддверье атаки ракету сигнальную ждут», кто знает цену смелости, человеческой инициативности, кто знает (может быть, потому, что уже сам выходит из жизненной поры молодости), ее благородное правило — идти впереди. Ведь вот на какие мысли «наталкивает» этот пейзаж! Впрочем, я решил не комментировать. Всякий комментарий, всякое «толкование» неизбежно огрубляет лирическую суть стиха. Может быть, вся тайна лирики и состоит в том, что в ней больше, чем где-либо в других жанрах, допустимо и даже обязательно свое прочтение. И сходное, одинаковое в принципе, в наиболее общих чертах (это тоже обязательно, ведь речь мы ведем о восприятии субъективном, но не субъективистском), оно в каждом случае будет неповторимо в целом.

Вот еще, с моей точки зрения, удач-

ный и значительный, немало говорящий уму и сердцу, символ у Квливидзе:

Весенний дождь
вначале был невнятен,
Он тараторил не переставая.
Он, как ребенок, лепетал вначале,
Ворчливый и обидчивый на диво.
Потом слова яснее зазвучали,
Он изъясняться стал красноречиво.
И кулаками облаков
по скалам
Он бил всю
и мчался к новой цели,
Чтобы и там, за горным перевалом,
Приход весны доказывать на деле.

Перевод А. Межирова.

Прелесть этого стихотворения опять-таки не просто в ловкой развернутости метафоры. Простая, даже примитивная «мораль» стихотворения (надо делом доказывать свою правоту, делом самоутверждаться в жизни) — обогащена внутренней логикой образа, она выглядит уже совсем не так банально, как я изложил ее только что. Это не сухая моральная сентенция, а живое человеческое чувство, смысл символа здесь — это призыв жить именно так, как этот, на наших глазах вырастающий из состояния лепечущего ребенка дождь, самостоятельно и по-деловому доказывающий, что весна — вот она, пришла. Впрочем, есть у Квливидзе и другие стихи, где он как бы занимается всего лишь тренировкой своей способности к символическим обобщениям, где он начинает «играть в символы», не связывая их с каким-то определенным содержанием. Речь идет о тех случаях, когда поэта, очевидно, к созданию образа-символа ничто особенно серьезное не толкает, а творческая энергия бурлит и хочет высказаться, и тогда... тогда в лучшем случае получаются всего лишь тонкие пейзажные картинки (говорю «всего лишь» потому что считаю, что Квливидзе способен на гораздо большее):

Щебет ласточки, чист и далек,
В синем небе звенит поутру.
Рдеет лист, как сухой уголек,
Разгораясь на ноябрьском ветру.

Перевод М. Петровых.

Это, повторяю, в лучшем случае. В худшем же — получается мнимое глубокомыслие. Пример? Сравните с «Весенним дождем» вот этот «Ливень» (кстати, построенный по такой же схеме эмоционального нарастания):

Ветер притих.
И пока еще сдержанно
Вдали заворчал, заворчался гром.
С утра облака были чем-то рассержены,
И к вечеру —
Гнев их прорвался дождем.
Ливень!

Он смолкнет не скоро, пожалуй,
Он яростно хлещет в панельную гладь,
Как будто бы
Небо кулак свой разжало,
Чтоб звонких пощечин камням надавать!

Перевод А. Корнеева.

Поистинѣ «темна вода, во облацех»,
источающих такой «Ливень»! На что же
сердится небо? Неужто нет у него дру-
гого, более серьезного занятия, чем вы-
давать «звонкие пощечины» ни в чем
не повинным камням? О чем и зачем это
стихотворение?

Уважая право на лирическую «недо-
сказанность», скажем определенно: ху-
дожественная весомость и впечатляе-
мость детали, метафоры, символа прямо
зависят от содержания души поэта, от
того, серьезные ли мысли, глубокие ли
чувства хочет он передать своим чита-
телям. И, конечно, от того, правильные
ли они, эти мысли и чувства!

Здесь хочется вернуться к некоторым
стихам Мухрана Мачавариани. Я при-
соединяюсь к тому, что сказал о харак-
терной особенности стиля Мачавариани
грузинский критик Гурам Асатиани: «В
стихах Мухрана Мачавариани мы часто
слышим то настоящее, доступное широ-
кой читательской массе красноречие,
которое говорит о творческом развитии
традиций Маяковского»¹. Маяковского
и — добавил бы я — грузинских поэтиче-
ских традиций тоже, ибо в «привычке»
грузинского поэта — быть красноречи-
вым, влюбленным в яркое слово, «одер-
жимым» эффектным образом.

Но всегда ли правильно направлено
красноречие М. Мачавариани? Он автор
прекрасных (без преувеличения) стихо-
творений, таких, скажем, как (беру из-
вестные по русским переводам) «Саба»,
«О партии впервые я пишу...», «Море»,
«Беззвучный зов», «Лашура», «Поет са-
ламури...», «Когда приходит весна...».
Но есть у М. Мачавариани и стихи тоже
красноречивые, тоже эмоционально на-
каленные, со своими образами-находка-
ми, но найдено здесь нечто такое, что,
по-моему, поэту стоило бы поскорее по-
терять.

Послушаем:

О...

Как прекрасны деревья...

Стоят и стоят они на улице молча...

Иногда листочки шепчутся тихонько...

А шелест...

А шелест разве не чудо?

Не жадны они, не изменяют друг другу

Мороз... снег... дождь... ночь....

А деревья на улице все стоят и стоят.

Подстрочный перевод.

Как прочитать подтекст этого стихо-
творения, вскрыть внутренний смысл
этих символических деревьев? Апология

Журнал «Дружба народов», № 4, 1956 г.,
стр. 156.

верности и стойкости? Верности — чему,
стойкости — во имя чего? Не скрыто ли
здесь такое противопоставление: люди
могут быть «жадными» и «изменять
друг другу», а деревья — нет, «стоят и
стоят»? Или, может, я уж слишком «за-
остряю», «додумываю» за автора? Ну,
а эти вот строки:

Что там за звуки бродят?

Улицы

что таят?

Люди приходят,

уходят,

Деревья стоят и стоят.

...В переменчивом, движущемся, не-
спокойном мире человеку нужна какая-
то точка, какой-то «островок безопасно-
сти», знаете, как посередине улиц — с
обеих сторон несутся в разных направ-
лениях машины, а между ними — без-
опасный островок, стой себе, пешеход,
стой... Поиски такой же прочной, как
деревья, жизненной точки направляют
поэта нередко в его прошлое, в его мо-
лодость (там, мол, было все ясно, там
люди были не жадны и не перемен-
чивы?).

Я очень люблю эти листья.

Молодость —

Это они.

Пусть их журчанье длится...

Я постою в тени.

Прекрасно в молодости, «счастливая,
невозвратимая пора детства» — откро-
венно, чисто, все понятно, на душе спо-
койно. Эх, если б можно было продлить
такую молодость! Без символических
деревьев это чувство выражает перевод-
чик Мачавариани — Евтушенко:

Хочу, чтоб было все внезапно.

Предугадаю —

промолчу.

Свое таинственное завтра

Сегодня видеть не хочу.

Люблю коню в загривок дунуть,

Лететь и травы уминать,

Я не люблю про старость думать, —

Люблю я детство вспоминать.

Оно — и даль моя

и сила...

Но оно ведь и слабость, детство — то,
особенно затянувшееся детство, и еще
более — затягиваемое самим, взрослым
уже, человеком. Это деревья — «стоят
себе да стоят». А человек — нет, он
идет, он именно хочет «предугадать»,
что с ним будет завтра, он очень редко
желает «промолчать» о том, что пред-
угадывает.

Нет, затянувшееся и затягиваемое
детство — слабость. Эта слабость ме-
шает взглянуть на жизнь разумными и
трезвыми очами, она приводит к тому,

что изменчивый мир, мир борьбы и тревог, кажется неокрепшему, «детскому» сознанию чуть ли не миром «измен». Трудно расставаться с иллюзиями детства, трудно, будучи в детском возрасте, отличить иллюзии (их надо бросить!) от принципов (их надо, наоборот, утверждать, за них надо бороться!). И вся-то наша жизнь есть борьба!

А здесь? Какие мнимоглубокие «пассажи», какие потрясающие страдания, посмотрите:

Женщины?!
Особенно
Городские женщины.
Умереть мне, если
Ивы, растущие вдоль Арагви,
Не лучше их.
Неискренни их слезы,
Неискренен их смех.
Изменяют они, не задумываясь...
Не верь ей,
Женщине в красном платье.
Ивы?!
Особенно ивы Арагви...
Это не женщины,
Городские женщины,
Их шелест искренен,
Плач их тоже чист,
Нет ничего прекраснее,
Чем ивы,
Растущие вдоль Арагви.

Подстрочный перевод.

Вот ведь что получается: пришел из детства человек в мир, увидел в нем что-то неизвестное ему прежде, увидел, наверное, борьбу хорошего с плохим, добра со злом (будем оперировать этими библейски-древними терминами; позже мы еще дадим им сегодняшнюю гражданскую дешифровку!), ...и что же сделал молодой наш герой? Ушел... если не, как говорится, в кусты, то под сень деревьев.

Молодой лирический герой, вступая в жизнь, в чем-то, возможно, и ошибся. И что же дальше? Где же выход? В том ли, чтобы успокаивать себя обольщениями-символами? Нет, не будем жалеть о той части нашей души, в которой уже перегорели «детски»-наивные, книжно-«филологические» «голубые и розовые» представления. К жизни, к жизни! И к взрослому, трезвому взгляду в нее, к практическому участию в ней, к историческому пониманию ее изменений! И тогда разве скажет кто-нибудь из нас, что детство — «даль моя и сила», разве ж будет радоваться тому, что он «очень сегодня невглядчив». Нет, даль всегда впереди человека. Нечего бравировать тем, что в твоей душе все перепуталось, а если и есть там твердая точка — то это «деревья», шелестящие над годами детства. Нечего считать свое

«детство», свою неопытность, свое незнание жизни «далью и силой».

...Это все касается не только талантливого Мухрана Мачавариани, это касается и Евгения Евтушенко, талантливого русского поэта, это все в какой-то мере касается нас всех, кто в своем мироощущении находит параллели со многими и верными, и неверными, и сильными, и слабыми строчками Евтушенко и Мачавариани.

Когда Евтушенко, скажем, в стихотворении «Партизанские могилы», будет искать ответа на волнующие его вопросы в той борьбе, которую вели наши отцы и братья, в их страданиях, их величии, их красоте (а это красота и величие нашей исторической правды), когда поэт обратится за советом, как жить ему, к тем людям, которые своим трудом крепят нашу державу, ведут ее к еще большему могуществу — обратится к миллионам, к народу, когда мы находим все это у Евтушенко, то верится: он не подведет, он своим лирическим примером подсказывает верно, как всем нам жить и во что верить и за что драться!

Но когда Евтушенко вдруг начинает кокетничать, играть в страдания, изрекать парадоксы а-ля «Оскар Уайльд», долженствующие показать — ах, какой его лирический герой самостоятельный, независимый, экстравагантный и, черт возьми, храбрый парень, — то думаешь лишь: на что талант тратишь?

...Когда Мухран Мачавариани говорит:

Стоит оголенная ива,
Думает про свое,
И новые будут листья,
И снова обманут ее, —

то и здесь не склонен я согласиться с поэтом и поставить точку; как и не склонен думать, что высшая степень гражданской смелости советского молодого человека — это говорить «парадоксы»¹.

Что все эти ужасы одиноких ив — весьма не органичны, объективно доказывается хотя бы тем, что настроения скепсиса по отношению к изменчивому человечеству у того же Мачавариани

¹ Кстати, о переводах Евтушенко. Они несомненно талантливы. Но часто поэт грешит такими оборотами, которые никак не возможны у переводимого поэта и прямо-таки вопиют о слишком смелой руке переводящего. Это свидетельство того, что иногда талантливому переводчику изменяет такт.

А ведь Евтушенко умеет переводить и точно и сильно. Пример тому — блестящий перевод баллады О. Челидзе «Ночь у Бештау», да и многих стихов Мачавариани.

уживаются с бездумным прославлением жизни, как таковой, с «телячьим восторгом», право на который почему-то считает нужным отстаивать поэт. (За это его справедливо критиковал на декаде Геворг Эмин).

Уважаем в лирике лирическую недосказанность, уважаем специфичность символики, уважаем право лирика на самовысказывание, но еще больше уважаем, и отстаиваем, и защищаем наши идейные позиции. И в области политики, и в эстетике, и в морали!

...Есть в сборнике стихов М. Квливидзе один сквозной, часто повторяемый образ-символ — **образ высоты!**

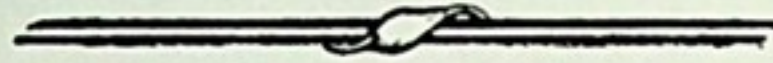
Подняться на такую высоту
Один лишь ветер может, опираясь
На плечи елей и гигантских сосен.
Я высоко стою над облаками.
Я много выше, чем помыслить может

Тот, кто идет долиною. Вокруг
Синеют горы с темными лесами.
Когда я слышу окрик паровоза,
Мне кажется, что горы с важным видом
Зовут меня идти все дальше, дальше,
Покуда жив, — все выше и вперед...

Перевод Н. Заболоцкого.

Смысл? — **С высоты — виднее!** Не то, чтобы, взобравшись вверх, вы, подобно ибсеновскому Бранду, оторвались от тех, кто в «долине». Нет, подняться выше — чтобы увидеть весь грандиозный горизонт сделанного советскими людьми, идти «выше и вперед» — чтобы шире стал горизонт. На высоте подчеркивается истинный масштаб вещей: маленькое не покажется большим, второстепенное не заслонит главного...

Вот он, истинный символ твой, поэт: «Покуда жив, — все выше и вперед...»

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. ШИРВАНЗАДЕ

«...Родился и свое юношество провел в Азербайджане, всю свою сознательную жизнь и литературную деятельность — в Грузии, на склоне лет живу в Армении, видимо, здесь суждено мне умереть и быть похороненным. Все они одинаково дороги моему сердцу...»

А. ШИРВАНЗАДЕ

Из воспоминаний

...Как-то на днях я попросил принести мне один из лучших романов А. Ширванзаде — «Хаос». Я, конечно, читал эту книгу в свое время, но произведения великих писателей отличаются тем, что с каждым разом, перечитывая их снова и снова, познаешь что-то новое. Недаром ведь мы, грузины, говорим: «Учение человеку до смерти не наскучит». Именно с этой мыслью я и начал перечитывать это прекрасное произведение.

Хотя какое же время учиться мне, восьмидесятичетырехлетнему человеку? У нас в народе говорится обычно: «Если в эти годы научишься играть на чонгури, тебе это пригодится лишь на том свете...»

Не знаю, как на «том свете», но на «этом свете» А. Ширванзаде, этот замечательный писатель, еще раз захватил меня своим великолепным романом. Действительно, он велик, этот мыслитель и художник, певец своего народа. А сколько радости приносил он людям, знавшим его! Мне тоже посчастливилось быть с ним знакомым.

Ширванзаде очень дружил с грузинскими писателями и артистами. Помню, как я, тогда молодой режиссер, впервые поставил в Кутаисском театре пьесу Ширванзаде «Евгине», а в Тбилиси, с помощью театральной труппы Народного дома — «Намус». Помню, с каким подъемом исполняли роли в пьесе корифей грузинской сцены — Нико Гоциридзе,

Сосо Рамишвили и др. Совершенно забываем для меня Васо Миндиашвили в роли Сагатела. Но ведь несчастье любого артиста в том, что со смертью его умирает и образ, созданный им на сцене, и потомство не может воочию видеть его мастерство, чтобы оценить его по заслугам.

Да, Ширванзаде был очень дружен с грузинскими писателями и артистами, и особенно — с Васо Абашидзе, гордостью грузинской сцены. Как только Ширванзаде приезжал в Тбилиси, он шел к Васо и уже не разлучался с ним все время, пока был здесь, ни на минуту. А как хороша была их дружба! Их искреннее, теплое отношение друг к другу, их задушевные беседы о настоящем и будущем грузинского и армянского театра, их дружеские шутки... Помню раз, когда мы сидели втроем, — Ширванзаде, Васо и я, — Ширванзаде обратился ко мне: «Шалва! Наш Васо очень хитер! Он нарочно поселился в Музейном переулке (тогда Абашидзе действительно жил там), — знает, что о нем будут рассказывать музеи...»

В нынешнем году исполняется 100 лет со дня рождения замечательного писателя, и время, это лучшее испытание, подтвердило всю неиссякаемую силу произведений Ширванзаде, подлинного классика армянской литературы.

Ш. ДАДИАНИ

Два письма А. Ширванзаде

Александр Ширванзаде, один из крупнейших представителей армянской литературы, многие годы жил в Тбилиси.

С его творчеством грузинская общественность познакомилась уже в 80—90-х годах прошлого столетия, когда появились переводы его рассказов с армянского на грузинский язык и статьи о творчестве писателя.

Живя в Тбилиси с 1883 года, А. Ширванзаде приобрел широкий круг знакомых, товарищей и друзей среди грузинской интеллигенции. Известна его тесная дружба со многими представителями грузинской литературы и сценического искусства — с В. Гуниа, В. Абашидзе, К. Месхи... Прославленный писатель и в своих художественных и публицистических произведениях активно поддерживал и развивал идею дружбы и братства народов. Укажем, например, на его статью «Надо продолжать», в которой он проникновенно говорил о дружбе между народами Закавказья.

Среди близких знакомых и друзей А. Ширванзаде был и М. В. Мачабели, общественный деятель, член нескольких научных обществ, специалист по сельскому хозяйству и экономике, редактор газеты «Закавказье».

В личном архиве М. Мачабели сохранились адресованные ему два письма А. Ширванзаде. Особый интерес представляет первое, написанное А. Ширванзаде 2 марта 1911 года в связи с намечавшимся празднованием тридцатилетнего юбилея его литературной деятельности.

Редактор газеты «Закавказье» М. В. Мачабели в период подготовки к юбилею (он отмечался в мае 1911 года), по-видимому, обратился к писателю с просьбой порекомендовать кого-нибудь из знатоков современной армянской ли-

тературы, который мог бы написать биографию и обзор литературной деятельности А. Ширванзаде.

В ответ на это обращение А. Ширванзаде писал:

«Многоуважаемый Михаил Вахтангович!

Рекомендую Вам молодого доктора философии Мкртыча Ванециана, о котором я имел случай говорить с Вами. Полагаю, что он может быть весьма полезным сотрудником для «Закавказья». Во всяком случае, на его честность и корректность можете полагаться вполне.

Жму Вашу руку. Преданный
Ширванзаде.

2 марта 1911 г. Тиф.».

В дни юбилея в газете «Закавказье» печатались материалы о жизни, литературно - общественной деятельности А. Ширванзаде, статьи о его сочинениях, был помещен портрет и пространная биография писателя, опубликованы две главы романа «Хаос» в русском переводе, юбилейная хроника.

Отношения между А. Ширванзаде и М. Мачабели были столь близкими и дружескими, что армянский писатель обращался к своему грузинскому другу даже по сугубо личным делам. Это видно по второму письму А. Ширванзаде, отправленному М. Мачабели 14 августа 1911 г. из Дилижана, где писатель проводил летние месяцы. Письмо заканчивается словами: «Позвольте горячо поздравить Вашу руку. Преданный Вам Ширванзаде».

Эти два разнохарактерных письма Александра Ширванзаде к Михаилу Мачабели являются еще одним свидетельством близких связей замечательного армянского писателя со многими представителями грузинской интеллигенции.

С. ХУЦИШВИЛИ

АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ В ПАЖЕСКОМ КОРПУСЕ

Жизнь и творчество Александра Чавчавадзе все более настойчиво привлекают к себе внимание литературоведов и историков. И это не удивительно. Замечательный поэт, обогативший грузинскую литературу целым рядом и доньше популярных стихотворений, крупный общественный деятель, дом которого был, по выражению одного из современников, средоточием передовых культурных сил края, местом, где встречались многие лучшие представители народов России и Закавказья, — таким рисуется облик А. Чавчавадзе, одного из интереснейших представителей общественной жизни первой половины XIX века.

Общеизвестны дружеские связи А. Чавчавадзе со многими декабристами, его тесное, постоянное общение с Грибоедовым; все больше данных, собранных исследователями, позволяют говорить нам о знакомстве Чавчавадзе с Пушкиным, Лермонтовым. Все это и определяет особый интерес к его личности, биографии, творчеству.

Но, к сожалению, в изучении жизни и творчества поэта до сего времени еще не заполнен целый ряд пробелов. И если о кавказском периоде его жизни (особенно после восстания декабристов) мы многое узнали, то все предшествующие годы изучены еще недостаточно. А между тем, они приходятся на интересней-

шую историческую эпоху, которая, без сомнения, многое определила в духовном развитии поэта, понять которое, думается, до конца невозможно, не проследив внимательно участия А. Чавчавадзе в Отечественной войне 1812 года, не собрав, хотя и не очень богатых, но все же имеющихся материалов о годах его службы в гусарском полку, а также материалов предшествующего им периода — учебы в Пажеском корпусе, куда А. Чавчавадзе попал сразу же после тамбовской ссылки. Пажеский период — одна из первых страниц его жизни, причем страниц важных для понимания отношения поэта к окружавшей его действительности.

1

Но прежде чем перейти к рассмотрению фактов жизни Александра Чавчавадзе в Пажеском корпусе, необходимо установить саму хронологию периода, установить точно и определенно хотя бы время его поступления в корпус, а также время перехода его в лейб-гвардии гусарский полк.

Это тем более необходимо, что до сего времени в литературе, посвященной жизни и творчеству А. Чавчавадзе, по этому вопросу не выработано еще единого мнения.

Авторы многих дореволюционных работ, а также ряд советских исследователей до самого последнего времени считали, что А. Чавчавадзе начал учиться в Пажеском корпусе в 1805 году. Такой точки зрения, опираясь на традицию, придерживается и поэт-академик И. Гришашвили, который в своем предисловии к Сочинениям Александра Чавчавадзе писал: «Поэт, однако, не пробыл долго в Тамбове: в 1805 году по высочайшему повелению Александр Чавчавадзе был переведен в Петербург и через некоторое время был определен по распоряжению императора Александра I в Пажеский корпус»¹.

Следует заметить, что предположение И. Гришашвили не безосновательно. Более того, его можно подкрепить и свидетельством самого Александра Чавчавадзе, который, отвечая на запрос следственной комиссии по делу заговора 1832 года указывал: «Начало моего воспитания было попечением моих родителей. Сперва в Санкт-Петербурге, в вольном пансионе Бамана, в котором я учился с 1795 года по 1799 год; потом дома, в Тифлисе, до удаления моего от моих родителей, кажется, в 1803 году, когда, по вредным внушениям некоторых заблудившихся молодых людей, я приезжал к царевичу Парнаозу, находившемуся в то время в Тнулети на Арагве. Я желал последовать за ним в Персию, но, к счастью, был схвачен и привезен в Тифлис вместе с царевичем. Блаженной памяти государь император, Александр Павлович, приписав проступок мой молодости лет, изволил ограничить мое наказание кратковременным пребыванием в городе Тамбове, откуда был скоро потребован в Петербург. В 1805 году я поступил в Пажеский корпус, из уважения к заслугам моего отца содержанием на казенный счет»².

А. Чавчавадзе утверждает, что в Пажеский корпус он поступил в 1805 году, и добавляет, что тамбовская ссылка была кратковременной. Однако в высказывании его сразу же обращает на себя внимание неверная, хотя и осторожная, датировка заговора царевича Парнаоза 1803 годом, тогда как известно, что он относился лишь к следующему, 1804 году. Эта неточность, понятно, составляла с особой тщательностью отнестись и к остальным датам, приведенным в показании поэта.

И действительно, в 1953 году была опубликована работа А. Кенчошвили,

¹ А. Чавчавадзе. Сочинения (На грузинском языке). Предисловие И. Гришашвили, Тбилиси, 1940 г., стр. 24.

² Цитата по работе С. Маглакелидзе. Материалы к биографии Александра Чавчавадзе. „საბჭოთაო მკვლევარი“, 1949, № 2.

посвященная жизни и творчеству Александра Чавчавадзе, в которой автор привел новые документы, обнаруженные им в Ленинградском отделении Центрального Государственного Исторического Архива СССР. В частности, А. Кенчошвили привел письмо отца поэта Гарсевана Чавчавадзе, находившегося в Тамбове вместе с сыном. В письме этом, адресованном Александру I, Гарсеван просил пожалеть его — старика, вынужденного жить с сыном в Тамбове, и простить Александра Чавчавадзе, «виновного, — как писал Гарсеван, — по своей молодости и неопытности»¹.

Наибольший интерес представляет дата, аккуратно выведенная в конце письма старыми грузинскими цифрами, — 1806 год. Иначе говоря, в 1806 году Александр Чавчавадзе находился в Тамбове, а потому никак не мог в 1805 году учиться в Пажеском корпусе.

Но напомним и о другом, чрезвычайно важном письме Гарсевана Чавчавадзе, с которым он 17 января 1804 года обратился к императору Александру I с просьбой о зачислении его сына на службу ко двору. Просьба его была уважена, и, как верно указывает А. Кенчошвили, в 1804 году Александр Чавчавадзе был назначен камер-пажем (добавим, что 1804 год, как год назначения А. Чавчавадзе камер-пажем, значится во всех специальных дореволюционных справочных изданиях).

Но остановиться здесь, как это, к сожалению, сделал и автор вышеназванной работы, значит остановиться на полдороге. Ибо, будучи принят в Пажеский корпус, Александр Чавчавадзе этим назначением воспользоваться не мог, несмотря на то, что новые правила подготовки пажей требовали его немедленного выезда в Петербург, в корпус.

Напомним, что звание пажа учреждено в России в 1711 году, и лишь в 1759 году был создан Пажеский корпус — привилегированное военно-учебное заведение для подготовки пажей и камер-пажей из числа детей высших сановников и генералов. Однако в этот период учеба в корпусе для пажа была не обязательной, он мог получить необходимое образование получить и дома и в пансионе. В 1802 году была проведена реорганизация Пажеского корпуса, причем новый устав его предусматривал: «Дабы достигнуть единообразия в воспитании, воинской дисциплине и учении, и чтоб надлежаще приуготовить воспитанников к службе, то содержанием на иждивении его императорского величества пажам и камер-пажам не дозволяется жить вне

¹ См. А. Кенчошвили. Александр Чавчавадзе. (На грузинском языке). Тбилиси, 1953 г., стр. 7.

корпуса, и отпускать жалованье или столовые деньги, но все должны быть неразлучно в корпусе» (Из устава Пажеского корпуса). Более того, в 1806 году начальство Пажеского корпуса объявило через газеты, что оно проводит экзамен для всех ранее назначенных пажей, которые все еще находятся у родителей.

Но Александр Чавчавадзе не только не мог вовремя явиться в корпус в 1804 году, так как через несколько дней после его назначения камер-пажем он принял участие в заговоре Парнаоза, он не мог явиться и на экзамен в 1806 году, находясь все еще в тамбовской ссылке.

Картина теперь рисуется следующим образом: В 1804 году, после просьбы Гарсевана Чавчавадзе, Александр был назначен камер-пажем и должен был, по всей вероятности, выехать в Петербург, для учебы в корпусе. Но затем последовали заговор Парнаоза и ссылка Александра в Тамбов, где он находился и в 1806 году.

Но когда же закончилась тамбовская ссылка или, говоря точнее, когда Александр Чавчавадзе был окончательно принят в Пажеский корпус?

Пролить свет на этот вопрос помогает изучение документов Пажеского корпуса, которые в достаточной полноте сохранились в Центральном Государственном Военно - Историческом Архиве (ЦГВИА) в Москве.

Нам удалось обнаружить кондуитные списки камер-пажей за январь и февраль месяцы 1807 года, соответственно составленные 1 февраля и 1 марта капитаном Клингенбергом, в отделении которого и находился Александр Чавчавадзе. В списке за февраль Чавчавадзе уже выставлены отметки по поведению, нраву, опрятности. В списке же за январь сказано, что «Александр Чавчавадзе — недавно в корпусе», что он определен во второй класс. Причем отмечено, что вообще в Пажеский корпус он, как мы и указывали, формально зачислен в 1804 году.

Итак, ясно, что Александр Чавчавадзе был принят в корпус не позднее января 1807 года. В ЦГВИА сохранился и другой интересный документ, который позволяет еще точнее определить дату его поступления в корпус. Речь идет о письме Д. Гурьева, передавшего директору корпуса распоряжение Александра I относительно Чавчавадзе. Приведем текст этого письма: «Его императорское величество высочайше указать изволил сына действительного статского советника князя Чавчавадзе, по представлению покойного генерала от инфантерии князя Цицианова, пожалованного камер-пажем, определить в Пажеский корпус на казенное содержание, возобновя ему через князя Павла

Дмитриевича преподанное, что он, получив надлежащее образование, поступить может в военную службу с теми выгодами, какие камер-пажам предоставлены».¹ В конце письма аккуратно выведена дата — 23 января 1807 года.

Из приведенных документов с очевидностью следует, что Александр Чавчавадзе, назначенный камер-пажем еще в 1804 году, фактически был принят в Пажеский корпус в последние дни января 1807 года, после тамбовской ссылки.

Столь же точно можно определить время выхода Александра Чавчавадзе из корпуса. В конце ноября 1809 года, в ответ на запрос военно-походной канцелярии, которая обратилась к директору корпуса И. Г. Гогелю с предложением «отобрать желанием у представленных в выпуск офицерами камер-пажей и пажей, кто из них в какой полк определенным быть желает»², в корпусе был составлен список, в котором каждый выпускник, в том числе и Александр Чавчавадзе, указал выбранный ими для службы полк.

Теперь мы можем с необходимой точностью определить время учебы Александра Чавчавадзе в Пажеском корпусе: она началась в последних числах января 1807 года и завершилась в конце ноября — начале декабря 1809 года. Весь этот период составляет два года и десять месяцев.

Что же касается ошибки самого Александра Чавчавадзе в его показании следственной комиссии, то она объясняется очень просто: все события той далекой поры в сознании поэта, отделенного от них почти тридцатилетним периодом, сместились на один год — и заговор Парнаоза, который он датирует 1803 годом (фактически 1804 год), и поступление в корпус, определенное 1805 годом, а фактически совершившееся в самом начале 1807 года. Причем можно с уверенностью предположить, что в Петербург из ссылки А. Чавчавадзе приехал уже в конце 1806 года, — а отсюда дата в его показаниях (опять-таки с уже отмечавшимся сдвигом в один год).

2

Сведения о преподавателях корпуса, особенно во время учебы в нем Александра Чавчавадзе, до нас почти не дошли. Мы можем судить о них лишь по рассказу историка Левшина, который еще имел возможность изучать их послужные списки. Он сообщает, что если после введения нового «Положения» офицерский состав корпуса изменился, то учительский состав, наоборот, весь ос-

¹ ЦГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 114, л. 2.

² ЦГВИА, ф. 318, оп. 1, д. 132, л. 7.

тался прежний. Учителя Кузьма Григорьевич Горбунов, Егор Петрович Попов, Иван Иванович Лелио, Иван Свербрюк и Егор Зубарев — все остались на своих местах и по-прежнему преподавали те предметы, которые они вели до введения нового «Положения». Их послужные списки, говорит Левшин, свидетельствуют о том, что похвалиться своей аристократичностью они не могли. Это были или священнические дети или воспитанники солдатских рот. Но не могли они похвалиться и своей ученостью, лишь «Иван Иванович Лелио, француз по происхождению, из «пражских университетских воспитанников», составлял по своему образовательному цензу исключение среди большинства французов, преподававших в то время в разных учебных заведениях». Печатных курсов (кроме арифметики Войцеховского) и программ не было, а потому каждый преподаватель читал свой предмет по собственному плану, ученики же составляли записки, которые затем просматривались учителем.

Наибольшее внимание уделялось в корпусе изучению французского и немецкого языков, значительно меньшее — русской словесности. Достаточно сказать, что «полных баллов по русской словесности полагалось 60, по французскому языку 80, по немецкому 100»¹. Это было не случайностью, конечно, а направлением, ибо для придворной службы нужно было не знание родной литературы, а парижский выговор.

3

Характеры, мировоззрение многих учившихся в корпусе складывались под мощным воздействием того передового в жизни, что столь полно проявилось в грозе 1812 года и, особенно, позднее, во время восстания декабристов.

Это было время широкого недовольства политикой самодержавия, усугубленного поражением царских генералов в войне с Наполеоном в 1806 — 1807 годах, а также заключенным после поражения под Фридландом Тильзитским миром. Тильзитские договоры наносили сильный удар по русской экспортной торговле, а потому они были одинаково неприемлемы и русскому дворянству и русскому купечеству. Недовольство было всеобщим. Вспоминая те годы, один из виднейших декабристов С. Г. Волконский позднее писал: «Одним я теперь горжусь былым временем — это общий порыв молодежи всех слоев, желание отомстить французам за стыдное поражение наше под Аустерлицем и Фридландом»². Почти открыто выска-

зывалось осуждение политики Александра I, которому некоторые представители петербургского дворянства даже подавали записки с предложением необходимых мер для исправления существующего зла. Наконец, возникли слухи о покушении Александра I на самоубийство.

Все это, конечно, не могло пройти незамеченным мимо Александра Чавчавадзе, в годы жизни которого в Пажеском корпусе проходила война с Наполеоном, был заключен Тильзитский мир (июль 1807 г.), Россия примкнула к континентальной блокаде и в ноябре 1807 года объявила войну Англии.

Все политические новости обсуждались и в Пажеском корпусе, недовольство действиями императора ощущалось и здесь, несмотря на всю привилегированность учебного заведения, вопреки усиленно насаждающемуся здесь казенно-официальному характеру воспитания и преподавания. Дыхания жизни сдерживать было нельзя — ведь из Пажеского корпуса вышел и Радищев, лишь за несколько лет до поступления в корпус Чавчавадзе трагически окончивший свою жизнь в Петербурге, ведь в Пажеском корпусе учился и Пестель, причем почти сразу же после выхода из корпуса Чавчавадзе!

Расслоение в корпусе становилось все ощутимее, причем проявилось оно как между воспитанниками и учителями, так и в среде самих воспитанников.

События дня становились очень быстро общеизвестны. Новости проникали сюда самыми разнообразными путями, причем пажи изыскивали даже возможности для их обсуждения. Характерный штрих приводит в своих воспоминаниях Бельгард: «Особых шалостей у нас, — пишет он, — не было, но взрослые пажи иногда, по праздникам, кутили в кондитерской Алибнеля (на Невском, близ Армянской церкви); туда же часто заворачивали камер-пажи, которые находили возможность довольно часто отлучаться из корпуса под предлогом, что их требуют во дворец. Устраивалось так, что за ними приезжали кареты, везли во дворец, там они оказывались ненужны, но в корпус возвращались уже поздно ночью, в тех же каретах, а иногда и без карет»¹. Изыскивали пажи и другие способы вырваться из-под надзора воспитателей, а во время дружеских пирушек они, несомненно, горячо обсуждали все события дня, все то, чем полнилась столица. Достаточно вспомнить о придворной службе камер-пажей и пажей, о том нескрываемом интересе, с которым следили они за всеми разговорами во дворце. Хорошо рисует эту сторону пажеской жизни декабрист

¹ Еще из воспоминаний А. С. Гангеблова, «Русский архив», 1886, № 10, стр. 185.

² Записки С. Г. Волконского. СПб., 1902, стр. 61.

¹ Автобиографические воспоминания В. А. Бельгарда, «Русская старина», 1899, № 1, стр. 167.

Гангеблов, воспоминания которого, хоть и относятся к более позднему времени, но одинаково типичны и для времени учебы в корпусе А. Чавчавадзе. Во дворце узнавали новости, так сказать, из первых рук. Эти новости затем передавались и обсуждались в дружеских кружках, например, в кондитерской Алибиеля, или здесь же, в Павловске, с гусарскими офицерами, среди которых было так много передовой молодежи.

Вместе с Александром Чавчавадзе из Пажеского корпуса был выпущен Ф. Я. Миркович, воспоминания которого представляют большой интерес для знакомства с пажеским периодом жизни Александра Чавчавадзе. Миркович так же, как и Гангеблов, указывает на то, что придворная служба позволяла пажам быть в курсе всего происходящего. Во дворце «речь шла, — пишет он, — то о заграничных вояжах, то о политических новостях, или об известиях из внутренних областей России...»¹ Что это были за «известия из внутренних областей России», нетрудно себе представить, если вспомнить, что в это время стали особенно часто поступать в Петербург сведения о волнениях среди крестьян, особенно в Прибалтике, в Поволжье, на Урале. Жадно внимал этим слухам конечно, и Александр Чавчавадзе, также несший во дворце камер-пажескую службу.

Личность А. Чавчавадзе, только недавно прощенного императором и вернувшегося из ссылки, вызывала, понятно, среди его товарищей большой интерес. Но и они, в свою очередь, могли поделиться с ним небезынтересными для него воспоминаниями из своей допажеской жизни. Так, уже упоминавшийся Миркович, выпущенный из корпуса одновременно с Чавчавадзе, вплоть до 1805 года, то есть до своего поступления в Пажеский корпус, занимался в течение нескольких лет с Будри. С тем самым Будри, который через несколько лет стал лицейским преподавателем Пушкина, Будри, младший брат Марата, так охарактеризован Пушкиным в «Table-talk». «Будри, профессор французской словесности при Царскосельском лицее, был родной брат Марату. Екатерина II переименовала ему фамилию, по просьбе его, придав ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранял. Он был родом из Будри. Он очень уважал память своего брата и однажды в классе, говоря о Робеспьере, сказал нам, как ни в чем не бывало: *c'est lui qui sous main travailla*

*l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravallac*¹.

Впрочем, Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет, вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный». Но здесь надо заметить, что на известной карикатуре Илличевского, товарища Пушкина по лицей, на профессоров, ищущих милостей у Разумовского, все изображены в роли искателей, кроме Куницына и Будри, которые стоят внизу, отвернувшись от Разумовского². В своих лекциях Будри часто, путем подбора отрывков для заучивания из «Генриады», «Смерти Цезаря», возвращался к теме убийства Марата. Он, вообще, очень часто обращался к гражданским произведениям Вольтера.

И не случайно, говоря о Будри, Миркович в своих воспоминаниях заявляет: «Я не могу не познакомить Вас с этим человеком, который был первым моим умственным образователем и к которому я всегда имел глубокую признательность и уважение». И дальше: «Он развивал наши умственные понятия»³.

Если через много лет, обратившись к написанию воспоминаний, Миркович, уже значительный чиновник, считал своим долгом посвятить Будри несколько строчек, то понятно, что, вступив в корпус прямо из рук Будри, он не мог не рассказывать товарищам, в том числе и Александру Чавчавадзе, с которым жил в одной комнате, о друге народа — Марате, о Робеспьере, о Французской революции, о гражданских произведениях Вольтера.

Дыхание жизни, несмотря на всю духоту казенщины, проникало в Пажеский корпус по самым разным каналам. Здесь все отчетливее складывались два крыла, а позднее появились даже тайные общества. Об одном из них поведал в своих «Воспоминаниях» Гангеблов (и это всего через несколько лет после учебы А. Чавчавадзе): «В молодые умы, — пишет Гангеблов, — стали уже вливаться вольнолюбивые внушения. К счастью еще, вливались они не широкой струей. Представителем их был один только паж, К—в. Мудрено, чтобы у него между товарищами не было сторонников, но ежели они и были, то по крайней мере они держали себя скромно и не высказывали своих мнений. В это время к К—ву приезжал в корпус Александр Бестужев, которого он выдавал за своего друга. Одновременно с тем, между пажами составилось тайное

¹ Федор Яковлевич Миркович. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889, стр. 18.

¹ «Он тайно воздействовал на ум Шарлотты Корде и сделал из этой девушки второго Равальяка».

² К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб, 1911, стр. 319.

³ Ф. Я. Миркович. Указ. соч., стр. 14.

общество, главой которого был тот же К—в. В сочлены себе он набирал наиболее парней рослых и дюжих. Они собирались в небольшой непроходной комнате 4-го класса, и отсюда слышно бывало, что как бы произносятся речи¹. Во время учебы А. Чавчавадзе, естественно, такого размаха внутренняя жизнь пажей принять не могла, но воспоминания Гангелова, хоть и ретроспективно, помогают все же представить тот накал общественных интересов, который охватил лучшую, передовую часть корпуса.

Именно она с наибольшим вниманием и интересом следила и за развертывавшейся литературной борьбой, которая в конце первого десятилетия велась между передовыми русскими писателями и враждебным им направлением, возглавлявшимся Шишковым.

Шишков в своей книге «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803 г.) потребовал возврата к языку «духовной литературы», ратовал за классицизм и его высокий стиль, которые, по его мнению, могли преградить дорогу революционным идеям. Он боялся развития литературы, выступая с позиций дворянского крепостничества.

Крепостнику Шишкову и его сторонникам противостояли писатели передового лагеря, в эти годы — К. Н. Батюшков, И. М. Борн (один из поэтов-радищевцев) и другие. В 1809 году Батюшков пишет, в частности, одно из наиболее значительных своих полемических произведений — «Видение на берегах Леты», в котором зло высмеял Шишкова и его группу. «Видение» быстро распространилось в списках, приобрело широкую популярность в передовых общественных кругах, живо интересовавшихся разворачивавшейся литературной борьбой.

Даже внешние черты этой борьбы — утверждение современного языка, не говоря уже о ее внутреннем содержании, не могли оставить безучастным А. Чавчавадзе, на родине которого, в Грузии, жизнь также выдвигала перед поэзией новые большие требования.

В корпусе, надо сказать, многие интересовались литературой, были даже свои поэты, которые сочиняли шуточные стихи о воспитателях, писали в альбомы друзьям. В ЦГВИА сохранилась большая коллекция стихов, прозаических сочинений учеников Пажеского корпуса более позднего времени. К сожалению, подобные материалы периода учебы в корпусе А. Чавчавадзе до нас не дошли: возможно, что они были уничтожены или пропали во время переезда в новое здание, в 1810 году.

А между тем воспоминания учивших-

ся в корпусе в одно время с Чавчавадзе или несколько позже говорят о несомненном его интересе к произведениям новой литературы.

4

В эти годы А. Чавчавадзе, вовлеченный в атмосферу общественной жизни России, многообразными узами связанный с Грузией, продолжает и свое поэтическое творчество. Показателем этого, на наш взгляд, является стихотворение «Дворцу Павла I» — один из ярких образцов гражданской лирики тех лет:

Сокровищ не щадя, какой монарх-гордец,
Преграды серебром преодолев спесиво
На удивленье всем такой взрастил дворец?
Так солнце в долах возвращивает нивы.

Он сообщил тебе величественный вид.
Искусною рукой он подобрал камень.
Снаружи, а внутри все золотом горит.
На что потребен год, он сделал во мгновение.

И между гулких плит струенье робких вод
Со всех сторон звучит. И пышность озарила
Тот горделивый храм, возросший в небосвод.
«Храм», — думал государь. Но этот храм —
могила.

Когда же солнца лик восходит, осень
Постройку мощную, то через воды эти,
О сколько стрел скользят, отлитых из огня,
И падает на дно, не умеряясь в свете.

Смотрите, как хотят каналы вдоль дворца
О злодеянии поведать небывалом,
Свершенном близкими; как тешились сердца
Убийц, когда тоска и смерть прошли по залам.

Перевод С. Спасского.

Прежде всего заметим, что это стихотворение, автограф которого сохранился, не может быть отнесено к более раннему периоду, ибо сама точность деталей свидетельствует о том, что стихотворение написано по живым, непосредственным впечатлениям. В Петербурге же Александр Чавчавадзе был прежде только в 1799 году, когда стихотворение, понятно, не могло быть написано, — ведь убийство Павла I совершилось только через два года в ночь с 11 на 12 марта 1801 года.

Думается, что и к более позднему периоду это стихотворение отнести нельзя. Общее звучание, весь подтекст заставляют отнести стихи «Дворцу Павла I» к годам неудачной войны 1806—1807 гг. и, особенно, Тильзитского мира, то есть к годам всеобщего недовольства политикой Александра I. И не удивительно, что в стихотворении Чавчавадзе содержатся такие резкие обвинения императору, который, как известно, был осведомлен о планах убийства его отца — Павла I:

¹ Еще из воспоминаний А. С. Гангелова, «Русский архив», 1886, № 10, стр. 188.

Смотрите, как хотят каналы вдоль дворца
О злодеянии поведать небывалом,
Свершенном близкими.

Обратим внимание и на то, что стихотворение Александра Чавчавадзе во многом перекликается со стихами оды Пушкина «Вольность» (1817 г.):

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...

О стыд! О ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

Здесь все — и упоминание «неверных» часовых, и «опущенного молча моста», и открытых рукой предательства ворот — косвенное обвинение Александру I, одному из убийц «увенчанного злодея».

Но в общем направлении двух стихотворений нетрудно рассмотреть и различия, объясняемые, кроме всего прочего, также и временем их написания. Действительно, пушкинское стихотворение создано уже после Отечественной войны, после всенародного патриотического подъема, в годы всеобщего ожидания перемен, когда еще не иссякла окончательно вера в искренность проектов Александра I, причем сама вера эта снова возникла уже после победоносной войны. Поэтому в «Вольности» поэт только намекает на всем известную причастность Александра I к убийству отца, это только смелый исторический пример, который должен показать царю необходимость «надежного закона». В противном случае, делает революционные выводы Пушкин, — «Тираны мира! Трепещите!» Его ода — это предупреждение тирану.

Стихотворение А. Чавчавадзе — иное по духу, ибо, как мы уже говорили, оно создано по существу в другую историческую эпоху — до Отечественной войны, в период Тильзитского мира, когда иссякала вера в либеральные фразы

императора, на которые он не скупился в первые годы после прихода к власти. И понятно, что на стихотворении Чавчавадзе со всей силой сказалось недовольство политикой Александра I — одного из участников «небывалого злодеяния», отсюда прямое и безоговорочное осуждение самодержавия и деспотизма, осуждение не только Павла, но и Александра.

Эти выводы позволяют отнести стихотворение Чавчавадзе либо к пажескому периоду его жизни, либо ко времени службы его в гусарском полку. Причем, первое даже вероятнее, — особенно если вспомнить ту пометку на автографе стихотворения, которая сделана рукой историка, хранителя архива Д. Каричашвили: «Написано не ранее 1805 года, бумага того времени»¹. Значит (такой вывод напрашивается) и не намного позже 1805 года. Скорее всего, в 1807 — 1809 гг., то есть в период жизни Александра Чавчавадзе в Пажеском корпусе. Для этого периода стихотворение и характерно, оно является показательным не только для грузинского поэта, для его взглядов и настроений, но и вообще для общественной атмосферы тех лет.

* * *

Мы коснулись только некоторых фактов из жизни Александра Чавчавадзе в Пажеском корпусе. Но и они, думается, помогают понять, что этот период отнюдь не являлся временем застоя в его духовном развитии, а, наоборот, — это был период, когда А. Чавчавадзе, попав в Петербург, в самую гущу русской общественной жизни, мог ближе познакомиться с передовыми сторонами русской культуры тех лет, ощутить искания и стремления лучших представителей общества, которые уже через десятилетие вышли на Сенатскую площадь. Именно к ним был близок Чавчавадзе — об этом убедительно говорит вся его жизнь, весь его творческий путь.

¹ См. А. Чавчавадзе. Сочинения (На грузинском языке). Примечания И. Гришашвили, стр. 277.

ВСТРЕЧИ ДВУХ МУЗЫКАНТОВ

Имя Ильи Петровича Курхули или, как его называли в народе, «Илико Мусикоси», занимает видное место в ряду имен лучших пропагандистов народного музыкального творчества.

Идеей популяризации народной и классической музыкальной культуры Курхули увлекся еще в юности. О своей просветительской деятельности Курхули сам рассказал в музыкально-образовательных листовках «Мое дело», которые он издавал в 1918—1921 годах в Тбилиси и в которых он настойчиво ставил вопрос о создании народных университетов, консерватории, об организации публичных лекций, доступных для масс популярных концертов, спектаклей.

Еще будучи студентом Московского филармонического училища, Курхули стал популярным пропагандистом «здоровой» музыки. Он часто приезжал на Кавказ, в Грузию, где его просветительская деятельность приобретала особенно широкий размах.

В 1903—1904 гг. концерты И. Курхули в Крыму совпали с состоявшимся в Ялте дирижерским дебютом замечательного армянского композитора А. А. Спендиарова, выступавшего с исполнением своих произведений. А. Спендиарову сообщили о том, что народный музыкант И. Курхули проводит по дворам концерты с маленькой группой музыкантов и исполняет произведения выдающихся русских, зарубежных и грузинских композиторов, лучшие образцы народной музыки (в репертуаре Курхули были и произведения А. Спендиарова). А. А. Спендиаров познакомился, как он сам выражался, с «оригинальным, разумным и талантлив

ым грузинским музыкантом и интерпретатором». Он пригласил Курхули к себе. Особенно волновали музыкантов, понятно, вопросы искусства, литературы, музыкальной пропаганды. Курхули позднее часто вспоминал о своих беседах со Спендиаровым.

Переехав в Ереван (1924 г.), Спендиаров продолжает внимательно следить за концертами Курхули, который в то время гастролировал за границей — в Болгарии, Албании, Турции, Франции, Германии и т. д.

Летом, в 1926 году Спендиаров был в Боржоми. Здесь Спендиаров вновь встретился с Курхули, который возвратился из путешествия по Абхазии и Аджарии. Курхули познакомил Спендиарова с интересным музыкальным материалом, собранным им в этой поездке. Спендиаров прослушал также большой концерт Курхули, состоявшийся на Боржомском плато. В программу были включены произведения А. Спендиарова «К луне», «Песня Гафиза» и др.

Спендиаров часто бывал в Тбилиси. Здесь у него завязывались дружеские связи с деятелями грузинской музыкальной культуры. И немаловажную роль сыграл в этом И. Курхули. Летом 1927 г., например, Курхули знакомит Спендиарова с Виктором Долидзе, автором оперы «Кето и Котэ», и с целым рядом других грузинских композиторов и музыкантов. О своих грузинских друзьях А. Спендиаров всегда вспоминал и писал с большой теплотой и признательностью, а столицу Грузии Тбилиси называл «песней взволнованного сердца».

Л. ДЖУЛАБАШВИЛИ.

К О Н Е Ц К А З Б И Ч А

И. Андроников в своих литературных работах выяснил и уточнил немало фактов, связанных с жизнью и творчеством М. Ю. Лермонтова. В частности, он указывает, что А. П. Шан-Гирей, родственник и друг Лермонтова, рассказывал биографу и редактору сочинений поэта П. А. Висковатову, что в основу повести «Бэла» положено «происшествие», бывшее с родственником Лермонтова Хастатовым, у которого действительно жила татарка с таким именем. Во время первой ссылки в 1837 году Лермонтов гостил у Хастатовых в Шелкозаводском и, видимо, тогда услышал эту историю¹.

Из рассказа Максим Максимыча также видно, что действие «Бэлы» происходит где-то в районе г. Кизляра, куда Печорин посылал за подарками для Бэлы. (Шелкозаводское находилось недалеко от Кизляра).

В этих краях действовал еще один персонаж романа М. Ю. Лермонтова — прославившийся на Кавказе отчаянной удалей и храбростью кабардинец Казбич, который пытался увести Бэлу, но, застигнутый погоней, нанес ей смертельную рану и скрылся.

Есть основание полагать, что у Казбича был реальный прототип.

«Говорили, что он любит таскаться за Кубань с абреками, — рассказывает о Казбиче Максим Максимыч, — и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий».

О том, что случилось с Казбичем далее, Максим Максимыч говорит неопределенно: «Слышал, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко: да вряд ли это тот самый!..»

Правый и левый фланги Кавказской линии были расположены друг от друга очень далеко, и понятно, что Максим Максимыч о дальнейшей судьбе Казбича мог знать только понаслышке.

Сведения о некоем кабардинце Казбече, который действовал с отрядом на правом фланге — на Кубани и причинил немало неприятностей царским войскам, имеются в одной любопытной книжке. Она была обнаружена в фондах библиотеки Академии Наук СССР. Автор ее не указан. Вместо заглавия на

титальном листе напечатано: «Русский — грузинам». И далее: «По случаю смерти князя Макара Фомича Джамбакур-Орбелиани. Тифлис. 1872». Здесь же — посвящение известному грузинскому поэту Григолу Орбелиани. В настоящее время эта книга представляет библиографическую редкость.

Князь Макар (Мамука) Орбелиани, о котором рассказано в книге, всю жизнь провел в походах, участвовал в 134 сражениях. Описывая боевую жизнь Мамуки Орбелиани, автор раскрывает интересные факты боевого содружества русских и грузин, рассказывает о совместных боевых подвигах, о фактах их культурного и бытового общения.

Все, что сообщается автором о кабардинце Казбече, почти полностью совпадает с рассказом Максима Максимыча о бегстве Казбича на правый фланг Кавказской линии, к шапсугам. Одетый в кольчугу и шлем, рослый силач Казбеч наводил страх на своих противников, постоянно вызывая их на борьбу. Начальник линии генерал Вельяминов категорически запретил вступать с ним в единоборство, но Мамука Орбелиани, бывший в то время командиром Хопёрского казачьего полка, не взирая на запрещение, заявил: «Брошу службу, но сражусь с ним».

Однажды Мамука, рассказывает далее автор книги, ехал во главе казачьей сотни по Кубанской степи. Внезапно появилось несколько всадников. Казаки сразу узнали среди них Казбеча. Произошла схватка. Казбечу удалось ранить Орбелиани в руку, но тот вытащил карабин и выстрелил в упор. Казбеч свалился с коня.

Спустя несколько дней, продолжает автор, были получены вести о Казбече. Тяжелораненый, он спросил, кто был его противником. Узнав фамилию, он завещал своим абрекам мстить всему роду Орбелиани. Но самому Мамуке умирающий Казбеч прислал в подарок свой пистолет.

Автор книжки слышал несколько вариантов о поединке Мамуки и Казбеча, но остановился, как он заявляет, на наиболее достоверном.

Автор не называет своей фамилии, но те данные, которые он сообщает, — свое имя и отчество, а также упоминание о том, что он был директором гимназии, дают возможность установить и его личность. Это был директор тбилисской гимназии Владимир Иванович Желиховский.

Г. ГИОРГИДЗЕ.

¹ И. Андроников. «Лермонтов». Москва. 1952 г., стр. 256—257.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГРУЗИНСКИЕ СКАЗКИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

«Богатство фантазии и щедрость красок, глубочайшая жизненная мудрость и истинно народный юмор — вот черты, характерные для грузинских сказок, сказок народа-носителя древнейшей культуры. Обо всем этом свидетельствует предлагаемый сборник, в который вошли эти прекрас-

нейшие и своеобразнейшие произведения грузинского фольклора».

Таким вступлением открывается сборник грузинских народных сказок «Шапка-невидимка», изданный на немецком языке в Берлине, в издательстве «Култур унд Фортшрит».

Несметное количество сказок, — подчеркивается в предисловии, — распространенных во многих уголках Грузии и отличающихся оригинальными и ярко нарисованными художественными образами, высоким мастерством, богатством лексического материала, по праву занимает значительное место в мировой сокровищнице народного творчества.

Веками менялся облик народа, его характер: народ закалялся в труде и боях, боролся с врагом, привечал друга. В сказке со всей полнотой отразились и творческий труд человека, и его борьба за свободу и независимость, и

«Шапка-невидимка». Грузинские сказки. (На немецком языке). «Култур унд Фортшрит». Берлин, 1957 г.

глубокая вера в то, что зло непременно должно быть повержено добром.

«Грузинские сказки, — говорится в предисловии, — повествуют нам о прошлом грузинского народа, о его мечтах и стремлении к лучшему будущему, о бесстрашных героях, об их приключениях, полных опасностей. Мы читаем о битвах героев со страшными чудовищами — гвелешапи и с многоголовыми драконами, о прелестных заколдованных девах, которых освобождают от злых чар ведьм, о добрых, услужливых животных, которые помогают людям в беде.

Шапка-невидимка одаряет неслыханными сокровищами. В мгновение ока она может исполнить любое желание, но лишь тот сумеет воспользоваться ее всемогущим могуществом, кто проник в тайну заклинания. Наши маленькие читатели, а также и взрослые друзья сказок, для которых сказочный мир — неиссякаемый источник радости, снимут покров таинственности со сказок шапки-невидимки и приобщатся к тому сокровищу, которое на протяжении веков было достоянием грузинского народа».

В сборник вошло сорок девять сказок: «Шапка-невидимка», «Сказка про царя Несмеяна», «Сказка про охотника и большого орла», «Мастер и ученик», «Лисьи хитрости», «Девять братьев», «Краснух», «Три брата и голубица», «Пастух и змей», «Блоха и муравей» и другие.

В немецком переводе дифференциация сказок (волшебные, сказки о животных и др.) не соблюдена, хотя это сыграло бы значительную роль в деле научного изучения сказок, в особенности при выяснении их социальной заостренности и художественных достоинств. Но переводчику удалось про-

никнуть во внутренний мир грузинской сказки, передать ее духовное богатство

Немецкий перевод характеризуется народностью, свободной манерой повествования. Диалоги переданы свойственными грузинскому языку краткими, лаконичными фразами. Зачин сказок в переводе очень близок традиционному грузинскому: «Было или не было»; правда, в каждом конкретном случае это звучит различно, но окраска остается та же.

Хорошо звучит и своеобразная концовка грузинской сказки.

«Мор там, пир здесь,
Отсев там, мука здесь».

Очень важен и тот факт, что переводчик сумел найти для каждого персонажа сказки характерные речевые обороты, используя богатства немецкого языка и учитывая его особенности.

Перевод предельно близок оригиналу. Во всех возможных случаях переводчик старается в точности передать все нюансы иносказания, характерного для грузинской сказки. И это не ведет

к буквализму, калькированию, не искажает смысла.

Несмотря на то, что перевод сделан не с подлинника, а с русского издания, можно с уверенностью сказать, что он с большой точностью и убедительностью передает художественные достоинства и идейный замысел каждой сказки.

Следует отметить, что рисунки, сделанные для немецкого перевода грузинских сказок художником Герхардом Госманом, скорее напоминают иллюстрации к восточным сказкам, нежели к грузинским (это относится к изображению архитектуры дворцов, одежды, военных доспехов). Хотя нельзя не признать, что выполнены рисунки с большим мастерством.

Издание грузинских народных сказок на немецком языке является значительным событием в культурной жизни обоих народов. Немцы получили возможность ознакомиться с лучшими образцами народного творчества Грузии.

Н. РУХАДЗЕ.

ВЫСОКИЙ НАКАЛ

Мы часто говорим и пишем об отставании нашей драматургии. В общем, это правильно: драматургия наша не стоит на уровне тех больших требований, которые предъявляют к ней Партия и народ. Это бесспорно. Но вполне справедливо говоря об отставании драматургии, мы нередко забываем о том хорошем, что уже в ней есть, о тех успехах, которых она уже достигла. Нужно ли говорить о том, что такое отношение к несомненным достижениям нашей драматургии не способствует ее росту, ее совершенствованию.

Мне хочется высказать свое мнение о произведениях писателя — драматурга Михаила Мревлишвили, долголетняя, интересная и приметная работа которого, в чем я непоколебимо убежден, достойна дружеского внимания и всяческого поощрения. Драматические произведения Михаила Мревлишвили выпущены недавно издательством «Заря Востока» отдельной книгой. В сборнике четыре пьесы: «Лавина», «Очаг Харатели», «Пламенный мечтатель», «Судьба

поэта». Кстати, следует сказать, что такие книги — не частое явление в практике наших издательств. Да и не только издательств. Как правило, «толстые» журналы тоже весьма неохотно публикуют драматические произведения. Оговорок при этом высказывается множество, начиная с нелепой: «А разве это литература», и кончая вроде как будто убедительными: «Есть специальное издательство, где печатают пьесы, есть для этого специальные журналы». Не знаю, стоит ли даже говорить о полной несостоятельности всех этих оговорок. Разве хорошая пьеса не такое же художественное литературное произведение, как и хорошая повесть? Разве это не о драматургии сказано, что она «венец поэзии»? Разве хорошая пьеса нужна читателям меньше, чем любое хорошее произведение повествовательного жанра? Кажется, и спорить здесь не о чем. А все же приходится спорить, приходится доказывать то, что уже давно доказано самой жизнью, потому что заблуждения такого рода, к сожалению, еще есть и от них почему-то весьма и весьма неохотно отказываются. Ссылаются иногда при этом на специфику жанра, на то, что само определение слова «пьеса» в наших словарях гласит: «Драматическое произведение, предназначенное для представления в театрах».

Верно ли это? Конечно, верно. Но верно и то, что печатная публикация драматического произведения никак не может помешать его театральной жизни. Пьесы Михаила Мревлишвили, ска-

Михаил Мревлишвили. «Пьесы». Редактор Г. Бебутов. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

жем сразу, живут в театре, не переставая при этом органически жить в литературе.

Как драматург, Михаил Мревлишвили порожден грузинским советским театром, всеми его, столь привлекательными для нас, особенностями. Само собой разумеется, конечно, что каждое значительное драматическое произведение оказывает, в свою очередь, влияние на театр, на формирование его творческого облика. А драматургия Мревлишвили несомненно значительна.

Как-то в зрительном зале театра имени Руставели я услышал от одного ленинградского товарища такую фразу: «С этой сцены пахнет порохом и кровью».

Конечно, ее не следует понимать буквально, эту фразу, но многое в ней верно: в лучших пьесах на сцене грузинского театра люди сражаются, а не бездействуют; живут, а не прозябают. Горячий темперамент, рожденный любовью к жизни и верностью ей, — вот что неизменно привлекает в этом театре.

Попробуйте представить себе Акакия Хорава в роли человека, который ничего не делает, ни за что не борется, ни к чему не стремится: выходит он на сцену в облики человека, вся жизнь которого заключена в его маленьком тесном домашнем мирке. От нечего делать он бесконечно распивает чай, от нечего делать занимается так называемой любовью, от нечего делать ссорится и разводится с женой, от нечего делать уныло «философствует» за столом под розовым абажуром.

Нет, это даже представить себе невозможно.

Вот так же невозможно представить себе, что драматург М. Мревлишвили может взяться за разработку какой-нибудь незначительной, мелкой темы. В его пьесах происходят события большие и значительные, в них всегда дело идет о судьбе человека, в них всегда идет борьба не на жизнь, а на смерть.

Могут сказать: «Но ведь это происходит потому, что героями своих пьес драматург сделал людей, слава которых сложилась исторически, имена которых известны всему миру. Бараташвили и Грибоедов — это крупные, яркие характеры, но характеры эти существовали независимо от автора».

Но если хотя бы на миг допустить, что правильна эта точка зрения, тогда возникает вопрос: А Нато из пьесы «Очаг Харатели»? Ведь это простая деревенская женщина, а не историческая личность? А между тем это очень крупный характер, и то, что происходит в пьесе с Нато — это событие крупного масштаба. Ее борьба — это борьба нового социалистического уклада жизни со старым, уходящим укладом.

Посмотрите, как драматург рисует эту

борьбу, какую страстную заинтересованность в судьбе Нато высказывает он. Да иначе и не может быть. В этой борьбе решается вся жизнь Нато.

За то, чтобы она была, жила и наслаждалась радостями бытия, воюет в пьесе не только сама Нато, но и многие другие сильные и смелые люди. Но и против Нато тоже борются не тени, а люди. И нужно сказать, борются они за свое неправо дело цепко и страстно. Пусть мы знаем, что Зурия Харатели заблуждается, что он находится в плену у предрассудков, что у него нет желания загубить жизнь Нато, но объективно вступая в борьбу с Нато, он глубоко убежден, что борется за нечто очень важное, без чего ему тоже нет и не будет жизни.

Я говорю об этом для того, чтобы подчеркнуть всю остроту конфликта, нарисованного драматургом. Это вам не благодущное чаепитие под розовым абажуром, это не кухонное происшествие. И тут никакой роли не играет то обстоятельство, что Нато в жизни не существовала, а Бараташвили и Грибоедов — личности исторические.

Драматург М. Мревлишвили всегда на стороне тех, кто борется за светлые человеческие идеалы, и он, автор, всегда яростный противник, непримиримый враг тех, кто защищает неправо дело.

В этих четких идейных позициях автора основная сила его произведений. Драматург на стороне Бараташвили, он на стороне Балашова, но он непримирим к наместнику царя и его приспешникам; автор на стороне Александра Грибоедова, но он яростный враг самодержавного деспота Николая; он, автор, на стороне Нато, и хотя временами ему по-человечески жаль цепляющегося за старое Зурия Харатели, он, автор, сам готов вступить с ним в жестокую схватку за жизнь и счастье Нато. Он, автор, яростный и непримиримый враг Тинибеге («Лавина») и он, конечно, всецело на стороне Амираана, Лелы и всех, кто борется с корыстолюбивым Тинибегом. И тут мне хочется сделать несколько замечаний по пьесе «Лавина». В ней, как и в других произведениях Мревлишвили, изображен острый идейный конфликт, в ней также происходит борьба не на жизнь, а на смерть. Автор создал очень сильный образ Тинибеге. Это враг, с которым бороться нелегко. Авторское отношение к Тинибегу не вызывает сомнений. Драматург с ненавистью, на какую только способен, разоблачает Тинибеге, показывает всю обреченность этого хищного волка. Но выставив против Тинибеге, как на поединке, зоотехника Амираана Раинаули, автор не сумел наделить его сильным характером. Амираан, в общем, действует правильно и говорит он, в общем, правильные слова, но почему-то все вре-

...мя выходит так, что с Тинибегом борется вместо него и за него сам автор. Эта борьба оканчивается победой, но она не приносит лавров победителя самому Амирану. А как хотелось бы, чтобы личность и характер его всем превосходили личность и характер Тинибега, чтобы атакующей стороной был Амиран, а не Тинибег. Это не умалило бы силу врага, это просто было бы правильным, художественно верным распределением красок.

Две исторические пьесы — «Пламенный мечтатель» и «Судьба поэта» написаны автором стихами, а две, на современные темы, «Лавина» и «Очаг Харатели» — прозой. Стихотворная форма сообщает пьесам ту поэтичность и красоту, которую, вероятно, иным путем достигнуть, в данном случае, просто невозможно. И, кроме всего, она дала возможность автору органически вплести в текст и пламенный стих Николоза Бараташвили и чеканный, мудрый афористичный стих Александра Грибоедова. И рядом с ними пьесы на современные темы, пьесы, написанные М. Мревлишвили в прозаической форме, выглядят бледней. Почему и в этом случае драматург не использовал поэтическое пе-

ро, создавая пьесы о наших современниках? Разве высокие мысли и высокие страсти, которыми они живут, не достойны оправдавшей себя в его творческой практике поэтической формы?..

Тема дружбы народов — одна из центральных в пьесах М. Мревлишвили. Уже само по себе примечательно в этом отношении то, что грузинский драматург отдал свои творческие силы на создание образа гениального русского писателя Александра Грибоедова. Но есть в пьесе «Пламенный мечтатель» еще один образ русского человека, который, пожалуй, является одной из самых значительных творческих удач Мревлишвили. Я имею в виду образ старого солдата Петрухина, нарисованный с большой любовью, с огромным уважением к русскому народу.

Сборник пьес Мревлишвили еще больше укрепляет уверенность в том, что есть чему порадоваться в нашей драматургии. Во всяком случае, накоплено и сделано немало хорошего, и хочется, чтобы с трибуны нашего писательского съезда об этом было сказано ясно и веско.

Эм. ФЕЙГИН.

«В ГОРАХ ВЕСНА»

С каждым днем крепнут дружба и культурные связи народов Грузии и Армении. Ярко проявилось это и в дни «Закавказской музыкальной весны», с большим успехом прошедшей в Баку, Ереване и Тбилиси, и незадолго до этого — на Декаде грузинского искусства и литературы в Москве, когда наряду с

произведениями грузинских писателей и поэтов нашими издательствами были выпущены в переводах на грузинский и русский языки книги армянских писателей, живущих и работающих в Грузии. Одна из этих книг — сборник рассказов и новелл Беника Сейраняна «В горах весна», вышедшая в издательстве «Заря Востока».

Книга эта (в ней двадцать четыре рассказа и новеллы, созданные писателем на протяжении почти двадцати лет)

Беник Сейранян. «В горах весна». Редактор Ю. Хомерики. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

знакомит читателя и с тяжелым прошлым и с замечательным настоящим братской Армении. Беник Сейранян горячо любит и прекрасно знает свою родину — солнечную Армению, где проходили его детство и юность. И поэтому самые лучшие рассказы сборника — это те, которые знакомят нас с жизнью армянской деревни, с ее чудесной природой. Когда читаешь рассказы «Моя первая любовь», «Геханик», «В горах весна», «Шамам», «Любовь каменщика» и др., хочется вместе с их героями подняться на высокие горы Армении, испить воду из студеных, кристально-чистых родников, добраться до цветущих альпийских лугов, побывать в окутанных туманной мглой ущельях, обойти задумчивые леса... Здесь, в горах, живут хорошие люди, может быть, и со своими небольшими человеческими слабостями, может быть, иногда ошибающиеся и даже спотыкающиеся на жизненном пути, но по-настоящему человеческие, любящие людей, любящие Родину и жизнь. Исключительно тепло и поэтично, часто с хорошим, мягким юмором рассказывает нам автор о жизни своих героев: о Ноэм и Мэси («Моя первая любовь»), о старом проводнике геологов Анэсе («В горах весна»), колхозном шофере Сурене и его невесте Сона («Геханик»), каменщике Усике, строящем дома для новоселов («Любовь каменщика»), и о многих-многих других.

Но совсем по-иному рассказывает Беник Сейранян о тех людях, которые, к сожалению, еще встречаются в нашей жизни: о бюрократах, бездушных и черствых эгоистах, о тех, кто устраивает свою «красивую» жизнь, обкрадывая государство, обманывая честных тружеников. В рассказах «Одиночество», «Только одна минута», «Гости пришли» уже нет мягкого юмора — тут гневная, обличительная сатира.

Большая часть рассказов и новелл сборника посвящена периоду Великой Отечественной войны, героизму и мужеству армянского народа на фронте и в тылу, братской дружбе народов нашей страны. Из этих рассказов особенно запоминаются полные гражданского пафоса и вместе с тем лиризма «Циранакарский лесник», «Расцветшие волны», «Крошка», «Русское сердце». Все эти рассказы волнуют нас своей подлинной жизненной правдой.

К сожалению, этого нельзя сказать о «Неоконченном рассказе». Поведение

героя рассказа, сообщающего жене и дочери в Армению о своей мнимой гибели и остающегося в России с другой женщиной (пусть даже спасшей его от смерти!) должно показаться читателю величайшей подлостью. И можно ли верить автору, когда читаешь, как, после многочисленных обмороков, герои все прощают друг другу. В общем рассказ этот — мелодраматичный и надуманный, образы героев схематичны и, думается, не следовало вообще включать его в сборник.

В переводах рассказов на русский язык, выполненных переводчиками А. Тадеосян, Т. Бархударяном, Г. Багразяном и М. Лохвицким на хорошем профессиональном уровне, удачно сохранены мягкий лиризм и поэтичность большинства произведений, включенных в сборник.

Очень хорошо, со вкусом оформили книгу художники И. Гурро и О. Горалевич.

Н. АЧИКЯН.

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

МОНОГРАФИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГРУЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЯ

Марксистское освещение исторических процессов, в частности истории народного хозяйства как наука основывается на систематизации и обобщении исторических фактов. Отдельные разделы этой науки обычно связываются с отдельными эпохами или этапами исторического развития. Но возможно

изложение не только общих исторических закономерностей и их конкретная иллюстрация примерами, но и специальное освещение отдельных национальных особенностей. В этой части наша литература довольно богата. Ряд монографий посвящен истории народного хозяйства отдельных национальных районов.

Работа проф. Гугушвили отличается от таких монографий тем, что она дает не историю народного хозяйства отдельного национального района, а историю народного хозяйства многонациональной территории. Здесь потребовалось обобщение большого материала, установление закономерностей, общих для всего

района, введение в известные теоретические рамки индивидуальных черт, свойственных отдельным частям обширной территории, входившей в состав Закавказья.

Вместе с тем, задача заключалась в том, чтобы найти место складывавшимся закономерностям в общем историческом пути развития российского капитализма. В этом смысле книгу П. Гугушвили следует расценивать не как фактографическую работу, а как теоретическое решение проблемы на основе исследовательского обобщения исторических фактов. П. Гугушвили не новичок в области исследования вопросов историко-экономической науки. Он автор ряда работ в этой области, работ, которые, к сожалению, мало знакомы русским читателям из-за того, что лишь немногие из них переведены на русский язык.

Эти работы пользуются в Грузии и Закавказье большой популярностью, в частности, фундаментальные исследования по вопросам хозяйственного развития Грузии и Закавказья в XIX—XX вв. («Возникновение и развитие капитализма в Грузии и Закавказье», 1941 г., «Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX—XX вв.», т. 1, 1949 г., т. II, 1956 г. и др.).

В книге «Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX—XX вв.», т. 1, изданной ныне в русском (авторизованном) переводе, помещены четыре очерка по вопросам промышленного развития Закавказья за указанный период; первое обширное исследование касается вопроса развития и разложения цехового

П. В. Гугушвили. «Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX—XX вв.», т. 1. Редактор И. Баджадзе. Издательство АН ГССР, Тбилиси, 1957 г.

ремесла, второе — кустарного производства вообще, третье — кустарного виноделия и четвертое — мануфактурного производства. Эти исследования, как указывается в предисловии к русскому изданию, на грузинском языке впервые были опубликованы еще лет 20—30 тому назад и переведены с последнего грузинского издания в сокращенном виде.

По плану издательства АН Грузинской ССР очерки проф. Гугушвили по вопросам развития промышленности в Закавказье предполагается издать в русском переводе в трех томах. Во второй том войдут исследования по вопросам фабричного (обрабатывающего) производства, а в третий — горной (добывающей) промышленности.

Следует отметить, что вопросы промышленного развития Закавказья автором рассматриваются в широком плане, и его исследования отдельных форм промышленности, как правило, начинаются с трактовки социологических вопросов о сущности и социальном характере данной формы промышленности, с привлечением сравнительных материалов из истории русской и зарубежной промышленности и с критического рассмотрения взглядов буржуазных экономистов и историков по вопросам исторической последовательности развития отдельных форм промышленности.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, опираясь на глубокое изучение и творческое использование соответствующих указаний классиков марксизма-ленинизма, П. Гугушвили в ряде случаев дает совершенно самостоятельную трактовку сложнейших вопросов о сущности и социальной природе рассматриваемых форм промышленности.

В результате тщательного изучения древнегрузинских литературных источников и на основании новейших достижений советской исторической науки П. Гугушвили шаг за шагом прослеживает процесс возникновения и развития цехового (корпоративного) ремесла, начиная с I—II вв. и особенно в V—VI вв., т. е. с периода, когда некоторые важные черты корпоративного устройства мцхетских ремесленников подтверждаются уже литературными источниками. Большой интерес представляют материалы о ремеслах и цеховых братствах в средневековых монастырских хозяйствах.

Автор дал цельную картину развития и разложения цехового (амкарского) ремесла в Грузии и Закавказье в XIX — XX вв. Закавказские, особенно тбилисские амкары (цехи), их общественная и хозяйственная организация представляют огромных интерес не только в свете экономической истории страны, но и в отношении освещения некоторых, до сих пор не изученных и спорных, про-

блем истории ремесленных корпораций Запада и Востока.

В этом аспекте интересно отметить, что еще Н. Державин писал, что «в научном отношении закавказские амкарства представляют собой вопрос первостепенной важности не только потому, что это своеобразный тип древнейшей... социальной организации, но особенно потому что, представляя собою во всех своих деталях полную аналогию и соответствие с такими же западноевропейскими организациями, они вводят нас вместе с тем в область древнейшей общественной культуры, этого, зачастую, очага и первоисточника так называемой европейской культуры».

П. В. Гугушвили сопоставляет тбилисские и вообще закавказские амкары с аналогичными ремесленными корпорациями западных и восточных стран и освещает ряд вопросов, имеющих важное значение для уяснения социальной природы ремесленных цехов, их распространения и формирования в разных странах в виде самобытных социальных институтов.

Большое место уделяется автором изучению вопросов возникновения и развития домашней промышленности и мелких кустарных промыслов. Эти формы промышленности рассматриваются по отдельным отраслям промышленного производства. Автор показывает как в процессе развития товарно-денежных отношений, в особенности в пореформенный период, они превращаются в капиталистическое производство, работающее на рынок, а рынком сбыта их изделий служит не мелкий сельский базар, а целая область, затем вся страна, а иногда даже и другие страны.

Удачным примером такой эволюции мелких домашних промыслов является, например, ковроткачество, где рано развивается товарное производство, и с развитием экспортных операций скупщик превращается в комиссионера, то есть агента крупных экспортеров ковровых изделий. Но, по мере развития здесь мелкого товарного производства, работа на скупщика в своем развитии обуславливает возникновение капиталистической мастерской с наемными рабочими, которая в дальнейшем превращается в мануфактуру.

Колониальная промышленная политика царизма привела к тому, что мелкие крестьянские промыслы, и вообще мелкая промышленность в Закавказье, развивались в «известных рамках». Создавались своеобразные черты производственной организации отраслевой структуры. Прежде всего характерна политика царского самодержавия в отношении крупной промышленности. Как и в отношении других окраин, которые рассматривались самодержавием, как коло-

нии, царская администрация в Закавказье препятствовала развитию крупной промышленности, оберегая интересы монополистов метрополии. В этих условиях в отдельных отраслях промышленности наблюдались своеобразные черты развития и разложения.

Своеобразны черты развития, в частности, виноделия. Это одна из древнейших отраслей домашней промышленности. Вино раньше многих других продуктов домашней промышленности стало товаром. Известно, что вино вывозилось из Грузии еще в античную эпоху. В таких условиях с начала XIX в. домашняя промышленность быстро превращается в кустарную форму и принимает капиталистический характер.

В работе рассматривается «марани» (винный погреб) не только как склад, но и как мастерская, где налажен технологический процесс: получение сусла и его брожение, а само хранение (старение) вина является его производством. Со второй половины XIX в. «марани» постепенно превращается в настоящий винный завод.

В силу особо товарного характера этого производства и мирового спроса на вино политика русского царизма была направлена на поддержку этой древнейшей отрасли производства.

Высокая товарность продуктов виноделия привела к тому, что вино быстро выпало из числа продуктов, потребляемых в натуре в самом крестьянском хозяйстве. Высокие налоговые платежи заставляли крестьян продавать всю годовую продукцию вина — часто в виде молодого вина, которое скупщики («сираджи») выдерживали на своих складах. Закабаление мелкого производителя этими скупщиками, обычная ростовщическая кабала, как и в других случаях, где наступал период первоначального накопления, привели к разорению мелких производителей, к усилению дифференциации крестьянства, к возникновению капиталистического производства в виноградарстве и виноделии.

В рецензируемой работе большое место уделяется изучению возникновения и развития мануфактурного производства в Закавказье. П. В. Гугушвили решительно выступает против тех историков, которые отрицают наличие в хозяйственной истории Закавказья мануфактурного периода. Он находит эмбриональные формы мануфактурного производства в Грузии еще в XVIII веке (типографии, оружейные заводы, монетный двор).

Мануфактурное производство как вообще, так и в Закавказье, возникло еще в процессе разложения феодальных отношений. Особенно интересна данная в очерках картина зарождения капиталистического (мануфактурного) предприя-

тия в недрах грузинского феодального общества на примере стекольной промышленности. Любопытно возникновение, развитие и угасание этой отрасли промышленности: отмена крепостного права и проведение железной дороги. Поти—Тбилиси в 1872 г. привело к тому, что ввозное стекло на известный период абсолютно вытеснило местное стекольное производство. Таким образом Гваребская (Тбилисская губ.) стекольная мануфактура, существовавшая с 1843 г. и в известной степени опиравшаяся на крепостной труд, не успела превратиться в фабрику.

Приблизительно та же картина наблюдалась и в отношении сахарного производства.

Рассматривая отдельные отрасли мануфактурного производства, П. Гугушвили отмечает специфические особенности процесса формирования здесь системы наемного труда.

Опираясь на конкретное описание истории отдельных отраслей промышленности, П. Гугушвили делает ряд важных обобщений, заслуживающих пристального внимания.

В этой связи обращает на себя внимание, что в русском варианте очерков отсутствует ряд важных аргументов, которые имеются в грузинском подлиннике. Так, например, в отношении виноделия здесь отсутствует описание особенностей разных технологий, связанных с разными местными условиями производства вин. Совершенно выпала характеристика сырьевой базы. Это не могло не сказаться на ясности изложения и в известной мере ослабило аргументацию автора.

Суждение автора в отношении самостоятельной формы кустарного производства слишком категорично. Этот вопрос нельзя считать бесспорным.

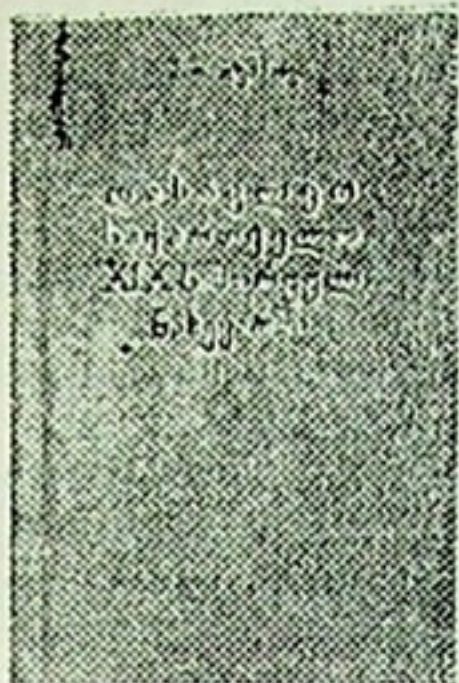
К числу недостатков в работе П. Гугушвили следует отнести отсутствие исследования художественных промыслов в условиях крепостного хозяйства, взаимоотношений крепостного ремесленника и феодала, выхода на оброк и т. д. Не ясно также — имели ли место элементы круговой поруки за пределами сельской общины.

Возможно, конечно, что автор не располагал соответствующим исходным материалом, но это не освобождало его от необходимости поставить эти вопросы, хотя бы и не давая их решения.

В целом следует признать, что появление монографии П. Гугушвили бесспорно является значительным событием в экономической науке. Издание русского перевода трудов проф. Гугушвили Академией наук Грузинской ССР имеет важное научное значение.

Проф. П. П. МАСЛОВ.

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

История Грузии первой половины XIX века постоянно находится в центре внимания грузинских историков. И все же нужно отметить, что внимание широкого круга исследователей до сих пор привлекал, главным образом, известный исторический акт 1801 г., по которому к России была присоединена Восточная Грузия; между

тем, как справедливо отмечает автор новой монографии «Западная Грузия в первой половине XIX в.» М. Думбадзе, хотя в 1801 г. в основном определилась будущая судьба не только Грузии, но и всего Закавказья, этот год представлял собой только начальный этап длительного исторического процесса присоединения Грузии к России.

Многие вопросы этого периода еще не изучены должным образом. Так, актуальной задачей историков является исследование тех глубоко прогрессивных изменений в социально-экономической жизни Грузии, которые объективно повлекли за собой присоединение ее к России; почти незатронутой остается проблема общественно-экономического развития Западной Грузии дореформенного периода, если не считать отдельных статей, лишь в общих чертах освещающих тот или иной конкретный вопрос.

Монография М. Думбадзе учитывает все положительное и ценное, что было накоплено исторической наукой в этой области до сих пор. В то же время автору книги удалось привлечь выявленные в архивах Москвы, Ленинграда и Тбилиси новые богатые документальные материалы, на основе глубокого научного анализа которых он рисует процесс исторического развития Западной Грузии первой половины XIX в. Причем, процесс этот в книге органически связан с историей предыдущего периода феодальной Грузии и разворачивается на ее фоне.

В первой главе работы М. Думбадзе дается краткий обзор социально-экономического и политического положения Грузии XIII — XVIII вв.; здесь вкратце освещается также вопрос присоединения Восточной Грузии к России.

Во второй главе работы автор анализирует социально-экономическое поло-

жение Западной Грузии накануне присоединения к России. В Имеретинском царстве, в Мегрельском, Гурийском, Абхазском и Сванетском княжествах господствовали феодально-крепостнические отношения, хотя как отдельные княжества, так и их горные и долинские районы отличались друг от друга по характеру экономики, состоянию производительных сил, по степени развития крепостных отношений и по наличию пережитков архаических формаций. Определение и характеристику таких специфических признаков (особенно на конкретных примерах Абхазского и Сванетского княжеств) следует считать заслугой автора. В монографии вообще хорошо обрисованы крепостное хозяйство и общественные классы ведущих районов Западной Грузии — Имеретии, Мегрелии и Гурии.

Автор правильно заключает, что в условиях политической раздробленности, многовекового господства крепостнической системы, постоянных внутренних и внешних войн, захвата Турцией грузинского побережья Черного моря, феодальное хозяйство Западной Грузии пришло в упадок. Приморские районы пустели, сокращалось количество посевных площадей и производство материальных благ. Однако наличие элементов распада натурального хозяйства (товарного производства, товарооборота, денежной ренты) и благоприятных условий для развития сельского хозяйства в Западной Грузии говорили за то, что в условиях мира и сильной центральной власти была бы создана почва для возникновения и развития зачатков новой формации и разложение крепостничества приняло бы более глубокий характер.

В монографии достаточно подробно прослеживается длительный исторический процесс присоединения к России Имеретинского царства и княжеств, характеризовавшийся постоянными войнами между Россией, с одной стороны, и Турцией и Ираном — с другой. На фоне международных отношений того времени освещается как внешне-политический курс русского государства по отношению к Грузии, так и политическая ориентация Имеретинского царства и княжеств Мегрелии, Гурии и Сванетии.

Автор подчеркивает, что в результате присоединения Западной Грузии к России и объединения грузинских земель были ликвидированы внутрифеодальные войны, положен конец господству Турции в грузинских приморских городах — Поти и Сухуми, а также нанесен удар по торговле пленными. Для грузинского народа наступила пора сравнительно мирной жизни. Все это имело величайшее значение для будущего экономического и культурного развития Грузии. Вместе с тем, автор ис-

М. К. Думбадзе. «Западная Грузия в первой половине XIX в. (Присоединение к России и социально-экономическое развитие)». (На грузинском языке). Издательство АН ГССР, 1957 г.

следует и социально-политические основы развернувшегося в Западной Грузии народно-освободительного движения.

Давая характеристику колониальной политики царизма в Грузии в 30 — 50-х гг. XIX в., на примере Мегрелии, Абхазии и Сванетии, М. Думбадзе освещает также ситуацию, создавшуюся в Западной Грузии в связи с Крымской войной. Он показывает роль населения в изгнании вторгшихся в Грузию турецких захватчиков.

Пятая глава — одна из важнейших частей монографии. В ней автор, главным образом на основе материалов, выявленных в архивах Ленинграда и Тбилиси, дает глубокий анализ социально-экономического развития Западной Грузии в первой половине XIX в.

Создание мирных условий для трудовой деятельности, вовлечение Грузии в русло развивающегося общероссийского рынка способствовали разложению феодализма и подготовляли будущие социально-экономические преобразования. Процесс разложения феодализма автор показал также путем последовательного рассмотрения таких кардинальных вопросов, как политика русского правительства по отношению к общественным классам Грузии, разложение тавадской (сеньориальной) системы, рост товарности феодально-крепостнического сельского хозяйства, развитие промышленности, городской жизни и торговли, обострение противоречий феодально-крепостнической системы, окончательная ликвидация автономии княжеств и т. д.

Политика русского правительства по отношению к крестьянам в Грузии, его стремление к увеличению казенно-феодальной собственности, по справедливому заключению автора, обостряли противоречия между враждебными классами и способствовали развитию процесса раскрепощения.

Колониальная политика царизма была направлена на превращение Грузии в рынок сбыта промышленных товаров для России и в поставщика дешевого сырья. Но такая политика не исключала поддержку сельского хозяйства. Товарность сельского хозяйства Грузии неуклонно возрастала. Расширялись внутренний и внешний рынки, оживлялась городская жизнь, увеличивалось население, и даже в промышленности проявлялись зачатки капитализма. Независимо от желания царизма производительные силы страны возрастали. Углублялось разделение труда между районами Грузии и постепенно крепились экономические связи с Россией.

В результате развития товарно-денежных отношений назрел кризис феодального землевладения. Крепостное хозяйство стало на путь перерождения. Сокращался объем крестьянских наде-

лов. Углубилась дифференциация среди крестьян. В 50-х годах до крайности обострились внутренние противоречия крепостного строя и классовая борьба.

На основе исследования конкретно-исторических процессов в Грузии вообще, и в частности — в ее западной части, автор правильно определяет общий характер социально-экономического развития в первой половине XIX в. Это была поздне-феодальная эпоха, когда феодализм разлагался, и в его недрах возникали зачатки капитализма. Развитие товарно-денежных отношений и зачатки капитализма еще не изменили господствующего характера феодально-хозяйственной системы. Но несмотря на это, и в Грузии назревал кризис феодализма. Участившиеся в Грузии в 50-х годах крестьянские восстания способствовали углублению революционной ситуации в России накануне проведения крестьянской реформы.

Рассматривая вопрос об окончательной ликвидации автономных княжеств (заключительная часть монографии), автор правильно увязывает его с изменениями в социально-экономической жизни страны: их ликвидация в 1857 — 1864 гг. объективно имела прогрессивное значение.

Основные положения, выдвинутые автором в монографии, по нашему мнению, хорошо аргументированы и базируются на фактах.

Однако, отметив достоинства монографии М. Думбадзе, укажем и на некоторые ее недостатки.

Обзор и характеристика источников и существующей по данному вопросу литературы даны недостаточно полно. Автор ограничивается их общей характеристикой, избегая конкретного рассмотрения достижений грузинской историографии в освещении интересующей его проблемы, оценки того или иного положения, выдвинутого в литературе. Безусловно следовало бы указать на вклад предыдущих исследователей в изучение вопроса о присоединении Западной Грузии к России.

Автор утверждает (стр. 57 и 337), что в поздне-феодальную эпоху одним из проявлений отставания экономического развития Западной Грузии явилось распространение высокоштамбовой культуры лоз («Маглари») взамен низкоштамбовой («Даблари»). Эта мысль нам кажется неверной. Дело в том, что в Западной Грузии издавна была распространена высокоштамбовая культура лоз — и это было следствием особых географических условий, а не проявлением отсталости виноградарства.

Возражение вызывает утверждение автора о том, что отрицательное отношение грузин той эпохи к торговой деятельности является якобы од-

ним из национальных признаков народа. Тут, по нашему мнению, мы имеем дело с явлением социальным. Феодальные порядки обуславливали пренебрежительное отношение грузин той эпохи к торговле. Но когда эти порядки изжили себя и начали развиваться новые социально - экономические отношения, грузины охотно включились в торговую деятельность и среди них появились крупные купцы и предприниматели.

По мнению автора, реформа 1843 — 1845 гг., заменившая государственные натуральные повинности денежными, была преждевременным шагом правительства. «Переход к денежной ренте, — пишет М. Думбадзе, — ее дальнейший рост в условиях еще слабого развития роли денег и преобладающего значения непосредственного товарообмена... вызвали ропот населения... Правительство преждевременно приступило к коммунтацин».

Это заключение автора, на наш взгляд, не соответствует действительности. Против данного вывода говорит фактический материал, приведенный, в частности, в пятой главе рецензируемой книги и рисующий достаточно яркую картину развития товарно - денежных отношений в Грузии в 30—50-х гг. XIX в.

В монографии М. Думбадзе сказано (стр. 380), что государственные крестьяне в Тифлисской губернии перед реформой составляли более половины всего крестьянского населения губернии, а в Кутаисской — одну пятую часть. Эти данные неточны. В действительности, казенных крестьян к началу 60-х годов в Тифлисской губернии было 68%, а в

Кутаисской 31%. Эти цифры имеют принципиально важное значение для выяснения характера социально-экономического развития предреформенной Грузии.

Необходимо также указать и на отдельные неточности.

Автор уверяет, что подушная денежная подать в Имеретии была введена в 1821 — 1822 годах. На самом же деле она была установлена в 1824 году. Положение об этом было принято 11 декабря 1823 года (ПСЗРИ, т. XXXVIII, № 29680. Собрание первое). В августе 1810 года фактическим владельцем Абхазии был не Асланбей Шервашидзе, как указано в книге М. Думбадзе (стр. 194), а его старший брат Сафарбей (Георгий) Шервашидзе. Первый был свергнут с престола 9 июля 1810 года. Вряд ли верно соображение об идентичности крестьянских категорий «мсахури» и «амацурасгу». Сомнительно также, чтобы «Приказы», созданные для оказания помощи дворянству, приостановили «процесс потери феодалами земли» (стр. 339).

Критические замечания, конечно, не лишают нас права дать труду М. Думбадзе в целом весьма положительную оценку. Это исследование несомненно является ценным вкладом в советскую историографию.

И. АНТЕЛАВА,

профессор, доктор исторических наук,

Ц. КАЛАНДАДЗЕ,

кандидат исторических наук,

Ш. ХАНТАДЗЕ,

кандидат исторических наук.

КНИГА О БОЕВОМ ПУТИ 11-й АРМИИ

Книга М. Б. Траскунова «Героический боевой путь 11-й армии на фронтах гражданской войны» посвящена важной военно-научной теме — истории 11-й армии, прошедшей славный боевой путь в составе Советских Вооруженных Сил в годы становления Советской власти, гражданской войны и иностранной интервенции.

Изданная в разное время на эту те-

М. Б. Траскунов. «Героический боевой путь 11-й армии на фронтах гражданской войны». Редактор подполковник Б. Сокуров. Издание Политуправления ЗакВо. 1958 г.

му литература как исследовательского, так и художественно-мемуарного характера, посвящена главным образом боевым действиям 11-й армии на Северном Кавказе и в Астрахани и почти совершенно не освещает боевой путь армии в Закавказье и ее помощь народам Грузии, Азербайджана и Армении в их борьбе за установление Советской власти.

В этом смысле книга М. Б. Траскунова является первой серьезной попыткой восполнить существующий пробел, рассказать, используя имеющийся богатый фактический материал, о героическом боевом пути одного из прославленных соединений Советских Вооруженных Сил — 11-й армии, сыгравшей важную роль в разгроме внутренней контрреволюции и иностранных интервентов на Северном Кавказе и в Закавказье.

Книга М. Б. Траскунова носит документально-исторический характер. Ав-

тор на протяжении многих лет кропотливо изучал боевой путь армии по архивным документам, воспоминаниям активных участников гражданской войны и старых большевиков, по материалам печати тех лет.

Описанию боевых действий сопутствует подробное освещение расстановки и борьбы классов, роли большевистских партийных организаций в руководстве народной войной против внутренней и внешней контрреволюции.

Автор рассказывает о том, как в огне революционных боев на Северном Кавказе из отдельных красногвардейских и краснопартизанских отрядов рождалась славная 11-я армия, принявшая на себя основной удар деникинцев.

Книга знакомит читателя со сложной социально-политической обстановкой на Кубани и в Терской области, где контрреволюция, спекулируя на сословных привилегиях казачества и разжигая национальную рознь между многочисленными горскими народами, пыталась создать барьер против Советской власти. Автор убедительно показывает, как рушились все попытки врагов трудящихся помешать самоотверженной борьбе, которой руководили выдающиеся деятели Коммунистической партии, верные ученики В. И. Ленина — Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, С. Г. Буачидзе и другие.

Шаг за шагом показан трудный и сложный процесс создания дисциплинированной армии на Северном Кавказе, являвшейся составной частью огромной работы, развернутой партией под руководством В. И. Ленина по созданию хорошо сколоченной, высокобоеспособной миллионной, а затем и трехмиллионной Красной Армии.

Отдельная глава посвящена легендарному походу Таманской Армии, вошедшей впоследствии в состав 11-й армии. Ее коллективный подвиг свидетельствовал о величии духа солдат революции, их беззаветной готовности отстаивать родную Советскую власть.

В книге подчеркивается значение инициативы и находчивости, проявленной бойцами и командирами-таманцами, сумевшими скрытно подготовить и осуществить маневр, обеспечивший внезапность удара и закончившийся полным разгромом вражеских сил под Туапсе.

Одной из славных страниц победоносной борьбы молодой Красной Армии с многочисленными врагами была героическая оборона Астрахани, которой руководил посланец В. И. Ленина — С. М. Киров. Книга подробно повествует о боевых действиях возрожденной 11-й армии в Астрахани, о героической обороне крепости на Волге, о значительном вкладе ее защитников

в дело разгрома Деникина и их освобо-
дительном походе на Северный Кавказ.

Основное внимание в книге вполне правомерно уделено важнейшему периоду в жизни и боевой деятельности 11-й армии — ее помощи народам Закавказья в освобождении от ига иностранных интервентов и буржуазно-националистической контрреволюции.

Книга проникнута глубоким уважением к славным революционным традициям рабочего класса и всех трудящихся Закавказья. Автор подчеркивает, что действия 11-й армии в Закавказье, куда она пришла по зову рабочих и крестьян, восставших против своих ненавистных поработителей, являлись выполнением ее интернационального долга, как армии Великой Октябрьской революции, армии ленинской дружбы и братства народов. Помощь 11-й армии трудящимся Закавказья была помощью великого русского народа своим братьям, дальнейшим развитием и обогащением традиционной дружбы между грузинским, армянским, азербайджанским и русским народами, сыгравшей огромную прогрессивную роль в их исторических судьбах.

Славным воинам 11-й армии пришлось преодолеть серьезные трудности и понести немалые жертвы и лишения для того, чтобы красное знамя Советов навсегда утвердилось над республиками Закавказья и в этом многонациональном крае, еще недавно раздиравшемся национальной враждой и рознью, воцарились прочный национальный мир, подлинная дружба и братство народов.

Местная контрреволюция при поддержке врагов Советской власти за рубежом отчаянно боролась за восстановление в Закавказье власти капиталистов и помещиков. Но все ее попытки вернуть свои привилегии потерпели крах. Вооруженная помощь 11-й армии позволила трудящимся Закавказья быстро и с наименьшими потерями и жертвами подавить сопротивление контрреволюции и упрочить молодую власть Советов.

Автор показывает бесстрашную революционную деятельность руководителей большевиков Закавказья, вожakov народных масс в борьбе за Советскую власть — Н. Н. Нариманова, А. И. Микояна, А. Г. Караева, С. М. Эфендиева (Азербайджан), А. Ф. Мясникяна, Г. А. Атарбекияна, С. И. Касьяна (Армения), М. Д. Орахелашвили, Ф. И. Махарадзе, Ш. З. Элиава (Грузия) и многих других. Он называет также славные имена сынов русского и других народов нашей страны, сражавшихся бок о бок с рабочими и крестьянами Закавказья за их светлое будущее.

Читатели книги с интересом и волнением узнают о подвигах таких выдающихся военачальников 11-й армии,

как ее командующий А. И. Геккер, член Военного Совета К. А. Механов, командиры соединений М. Г. Ефремов, М. Д. Великанов, А. И. Тодорский, П. В. Курышко, Н. В. Куйбышев, десятки и сотни красноармейцев, политработников, революционных повстанцев и красных партизан, многие из которых отдали свою жизнь за торжество идей Октября в братских республиках Закавказья.

Автор вводит в научный оборот новые интересные данные и материалы о революционной воинской доблести бойцов-грузин, участвовавших в рядах 11-й армии в боях за освобождение Тбилиси, о грузинском национальном полку, созданном в Баку по решению Кавбюро ЦК РКП(б) для участия в свержении меньшевистского режима в Грузии, о тесном контакте и совместных боевых действиях воинов 11-й армии и революционных повстанцев, о братской дружбе и взаимопомощи красных бойцов и трудящихся Грузии.

Среди героев борьбы за освобождение Грузии, упоминаемых в книге, можно назвать командиров и политработников 11-й армии — члена Военного Совета армии В. М. Квиркелия, командующего военно-воздушными силами армии А. В. Шиукашвили, командира грузинского рабоче - крестьянского полка В. Барамидзе, военкома этого же полка Т. А. Мгалоблишвили, заместителя военкома полка Г. А. Бобохидзе, командира эскадрона Н. Брегвадзе, а также бывших красноармейцев — пулеметчиков Восточной бригады курсантов, ныне здравствующих профессора С. Л. Берадзе, доцента Ш. В. Цагарейшвили, майора в отставке Е. Г. Челидзе и многих других.

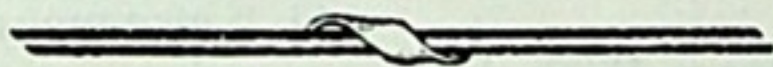
Книга хорошо иллюстрирована фото-снимками и схемами. Описание боевых действий армии на Северном Кавказе и в Закавказье и имеющиеся в тексте схемы позволяют свободно разобраться как в общей обстановке, так и в динамике боевых действий читателю, не имеющему специальной военной подготовки.

Книга не лишена отдельных недостатков. Укажем на некоторые из них. Слабо освещены содержание, формы и методы работы политорганов и парторганизаций армии. Ряд населенных пунктов, упоминаемых в тексте, отсутствует на схемах. Схема № 4 (Тифлисская операция) исполнена бледно, невыразительно и читается с трудом. Военная терминология, применяемая автором, в отдельных случаях не точно определяет установившиеся понятия. Имеются и некоторые неточности фактического порядка.

Книга подполковника запаса М. Б. Траскунова, изданная Политуправлением ЗакВО, предназначена только для военного читателя. Издание ее для широкого читателя несомненно послужило бы дальнейшему укреплению дружбы советских воинов с трудящимися, лучшему пониманию молодежью, ценою каких тяжелых жертв, борьбы и лишений завоевывалась новая счастливая жизнь.

Г. М. ДЖИНЧАРАДЗЕ,
генерал-майор артиллерии запаса, председатель Военно-научного общества при ТОДО ЗакВО.

Г. М. ДОМОРАЦКИЙ,
полковник запаса, зам. председателя Военно-научного общества ТОДО ЗакВО.

ЛОХВИЦКИЙ (Род. в 1922 г.) —
Михаил Юрьевич русский писатель.
Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета, участник Великой Отечественной войны. Работал в республиканской комсомольской газете «Молодой сталинец», печатал рассказы, очерки, фельетоны. Первая книга рассказов «Встречи в пути» вышла в 1955 г., вторая — «Люди горных кряжей» в 1958 г. («Молодая гвардия», Москва). М. Лохвицкий работает в области переводов с грузинского на русский язык.

ДЗУДЦАТИ См. журнал «Литературная Грузия» № 2 за 1958 г.
Хаджи-Мурат Александрович

БАБАЕВ (Род. в 1924 г.) —
Наби Али азербайджанский поэт. Окончил Акпер оглы Московский литературный институт им. Горького. Печататься начал с 1944 г. В 1950—1958 гг. вышел ряд сборников стихов Наби Бабаева: «Мечты цветут» (1950 г.), «Воин мира» (1951 г.), «Утро Баку», «Кремлевские куранты» (1954 г.), «Плакучие ивы», «Горное солнце» (1957 г.), «Родина и чужбина» (1958 г.) и др.

ЕВТУШЕНКО (Род. в 1933 г.) —
Евгений русский поэт. Работал в геолого-разведывательных экспедициях в Казахстане и на Алтае, сначала рабочим, а затем коллектором и бурильным мастером.

Печататься начал с 1949 г. Первая книга стихов Е. Евтушенко вышла в 1952 г. В последующие годы выходят сборники «Третий снег», «Шоссе энтузиастов» и др. Е. Евтушенко систематически печатается в центральных газетах и журналах, а также работает над переводами грузинских поэтов на русский язык.

РУРУА (Род. в 1923 г.) —
Илья Парменович грузинский писатель. Учился на филологическом факультете Батумского педагогического института.

С 1944 года начал публиковать очерки и критические статьи в областной газете «Сабчота Аджара». В 1951 г. в Государственном издательстве Аджарии вышел первый сборник очерков И. Руруа о Героях Социалистического Труда, в 1957 г. — сборник рассказов.

ГОМИАШВИЛИ (Род. в 1911 г.) —
Александр грузинский поэт.
Константинович Учился на филологическом факультете Тбилисского государственного университета. Участник Великой Отечественной войны. Первое стихотворение А. Гомиашвили опубликовал в 1929 г., затем были изданы сборники стихов поэта: «Песня андезита», «Стихи», «Баллады», «Дарьял», «Избранные стихи», «Стихи и баллады» и др.

ШЕНГЕЛИА См. журнал «Литературная Грузия» № 2 за 1958 г.
Алеко (Александр) Петрович

ИОСЕЛИАНИ (Род. в 1930 г.) —
Отія Шалвович грузинский детский писатель. Сотрудничает в республиканских детских и юношеских газетах и журналах «Дила» и «Пионери». В 1957 году в издательстве «Саблитгами» вышла в свет первая книга О. Иоселиани «Близкие соседи».

ЧАЧАНИДЗЕ (Род. в 1926 г.) —
Родам Илларионович грузинский детский писатель. Окончил исторический факультет Тбилисского государственного университета. В 1952 г. в издательстве «Саблитгами» вышла первая книга его рассказов «Белый корабль», в 1957 г. — книга «Дачники». В настоящее время издательство «Сабчота мцeralи» готовит к изданию новую книгу рассказов Р. Чачанидзе «Рождение «Данси».

ЛУЦЕНКО (Род. в 1915 г.) —
Григорий Сергеевич рабочий - маляр предприятий «Самтреста». Учился на автодорожном факультете Краснодарского индустриального института. Участник Великой Отечественной войны. «Письмо» — первый рассказ Г. Луценко.

ЧИКОВАНИ
Симон Иванович

(Род. в 1903 г.) —
грузинский поэт,
лауреат Сталин-

ской премии. Учился в Тбилисском государственном университете. Первая книга стихов вышла в 1930 г.

С. Чиковани плодотворно работает также в области литературоведения, литературной критики, он перевел на грузинский язык «Слово о полку Игореве», многие стихи Пушкина, Шевченко, Франко и др. Стихи С. Чиковани переведены на русский язык, на языки народов братских республик и стран народной демократии.

АБАШИДЗЕ

Ираклий
Виссарионович

(Род. в 1909 г.) —
грузинский поэт.
Окончил филоло-

гический факультет Тбилисского государственного университета. Первый сборник стихов вышел в 1931 г., затем выходят циклы его стихов «Цветет Гурия», «Ночь охотников», «Песня жатвы». И. Абашидзе принадлежат многие переводы стихов В. Маяковского и других советских поэтов на грузинский язык.

В результате поездок по Индии и Европе И. Абашидзе были написаны книга стихов, ряд очерков и путевые записки.

ГАНДЗОВА

Вера

— словацкая пи-
сательница и пере-
водчица. Училась

в Братиславском университете на литературном факультете. Первая книга рассказов «Мадленка» о словацком народном восстании 1944 года удостоена первой премии Литфонда за 1957 г.

В. Гандзовой принадлежит перевод на словацкий язык ряда произведений русской советской литературы: «Железный поток»

А. Серафимовича, «Донские рассказы» М. Шолохова, «От двух до пяти» К. Чуковского и др.

СУРОВЦЕВ

Юрий Иванович

(Род. в 1931 г.) —

литературный кри-
тик. Окончил фи-

лологический факультет Московского государственного университета в 1953 г., в том же году начал печатать первые статьи и рецензии.

Печатается в московских журналах и «Литературной газете», в ленинградском журнале «Звезда», в грузинском журнале «Мнатоби», где было опубликовано несколько статей Ю. Суровцева, в том числе статья о творчестве Т. Табидзе.

ДАДИАНИ

Шалва Николаевич

(Род. в 1874 г.) —

грузинский драма-
тург и романист.

Ш. Дадiani — автор около пятидесяти пьес, поставленных на сцене советских и зарубежных театров, на протяжении ряда лет возглавляет Театральное общество Грузии. В журнале «Литературная Грузия» за 1957—58 гг. был опубликован роман Ш. Дадiani «Семья Гвиргвилиани».

ЗАВЕРИН

Михаил Захарович

(Род. в 1928 г.) —

литературный кри-
тик. Окончил ли-

тературное отделение Московского полиграфического института. С 1953 г. публикует литературно-критические статьи и рецензии в центральных и республиканских газетах и журналах «Мнатоби», «Литературная Грузия» и др. М. Заверин — автор нескольких статей о жизненном и творческом пути А. Чавчавадзе.

Содержание журнала „Литературная Грузия“ за 1958 год

Журн. Стр.

Журн. Стр.

Д. И. Чхиквишвили. Праздник грузинской культуры.

I 3

Постановление ЦК КПСС об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца».

Приложение к № 4 «Л. Г.».

За мир и свободу народов

V 3

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

С. Бабаевский. Любка. Рассказ

III 31

Ш. Даднани. Семья Гвиргвилиани. Роман. (Окончание)

I—36; II—3.

М. Джавахишвили. «Лесной человек». Рассказ
Чанчура. Рассказ

II 45
IV 72

Э. Зедгинидзе. Свадьба. Рассказ

III 36

О. Носелиани. Домик на косогоре. Рассказ

VI 50

Кемаль Орхан. Страх. Рассказ

V 16

Э. Кипиани. Случай на концерте. Рассказ

III 51

А. Кузьмичев. В районе озера Балатон. Главы из романа «Так наступает весна»

I 13

М. Лохвицкий. «Тяжелая палата». Рассказ

II 64

Баркарола. Повесть

VI 5

Г. Луценко. Письмо. Рассказ

VI 55

К. Орлов. В горах Абхазии. Записки военного врача

III 61

И. Папаскири. Ленивая Хифа. Рассказ

IV 89

И. Руруа. Бессонная ночь. Из этюдов «Моя деревня».

I 80

Фиалка. Рассказ

VI 44

А. Сахнин. Поединок. Повесть

IV—32; V—63

Б. Сейранян. Первая любовь. Рассказ

II 31

Сибан Мурад. Первая искра. Рассказ

V 12

Хан Сер Я. Хванчорьон. Рассказ

V 7

Р. Чачанидзе. Шкипер голубого сейнера. Рассказ

VI 52

Г. Чиковани. Грек. Рассказ

II 79

Д. Шенгелая. Клад. Повесть.

IV—4; V—41

ПОЭМЫ И СТИХИ

И. Абашидзе. Из цикла «По следам Руставели»

V 5

Ш. Абхандзе. Летели звезды...

III 35

Ш. Амисулашвили. Молчанье моря.

III 48

Р. Асаев. Шествие весны.

I 76

Н. Бабаев. Грузинским братьям.

VI 40

Х. Берулава. Он разделяет с нами торжество.

II 26

1 Октября в Пекине.

V 4

П. Быков. Армейские будни

I 9

Х. Вардошвили. Море.

II 90

М. Варшанидзе. Песня дружбы.

II 89

Ватанабэ Дзюндзо. Ненависть.

V 15

Вей Вей. Водохранилище «Красный галстук».

V 11

М. Геловани. От Мтацминды до Смоленска.

I 8

А. Гомиашвили. Черная скала.

VI 46

Джаввад Кязим. Стихи, посвященные ОАР.

V 14

Х. Дзудцати. Друзья-деревья.

II 91

В день Октября.

VI 3

Е. Евтушенко. Новые стихи.

VI 41

Н. Заболоцкий. С каждым годом город краше.

V 58

Ф. Искандер. Седина.

IV 88

К. Каладзе. Алый мрамор. Папоротник.

I 73

Обломок лавы.

II 61

Солнце вставало в дыму пожарищ. Поэма.

V 20

М. Кахидзе. Что было б...

III 50

В. Китаев. В небе Родины.

I 10

Г. Кучишвили. Ответ на укор. День поэзии.

III 3

А. Ласуриа. Тот счастлив...

II 78

Г. Леонидзе. Могила матери.

II 28

Лю Трунг Дунг. Карта моей родины.

V 10

Л. Магистрова. Лирические стихи.

I 77

М. Магомедов. Баллада о роднике.

V 5

О. Мампория. Грузинский павильон ВСХВ. Когда я пишу.

I 85

	Журн.	Стр.
Р. Маргиани. Всегда ты со мною.	II	63
М. Мачавариани. Тот парень...	I	87
М. Мревлишвили. Я не солнце...	III	30
Х. Муталиев. Старинная чаша.	IV	87
И. Нонешвили. Встреча. Столица Грузии моей.	IV	66
А. Парнис. Встреча с Тбилиси.	V	58
С. Рустам. Белый шани.	V	61
А. Саджая. Парад детей в Гори. Твои глаза...	IV	3
А. Соколовский. Мирные дни.	III	55
Л. Сулаберидзе. Моя мечта. Поэма.	I	11
Г. Табидзе. Ты дорог нам, и юный и седой!	IV	68
В. Убилава. Все дела впереди.	V	58
С. Футорович. Из солдатской тетради.	I	8
С. Чиковани. Новые стихи. Поездка за солью.	I	12
Г. Шатберашвили. Нато Вачнадзе. Наше ярмо.	II	70
А. Шенгелиа. Акакию Церетели.	I	44
Амазонка.	I	82
Шиль. Песня времени.	II	77
Ясин Рашид. Багдад.	VI	48
	V	6
	V	14

ОЧЕРКИ

И. Абашидзе. По дорогам Индии. Очерк первый	VI	79
М. Ворошиловский, Н. Зорин. Осуществленная мечта. (Письмо из Сумганта).	VI	69
В. Гандзова. Грузинские встречи.	VI	88
М. Давиташвили. Чудесный напиток.	II	93
И. Дубинский. На турецкой границе.	III	57
Р. Канделаки. Ночь в порту	IV	91
К. Церетели, Л. Браиловская. Через две жизни.	III	70

ГРУЗИЯ НА СТРОЙКЕ

Г. Зедгинидзе. Творцы «умных» машин.	I	88
--------------------------------------	---	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ш. Абхаидзе. Оглядываясь на пройденный путь.	II	105
Г. Асатиани. Поэзия Тициана Табидзе.	I	108

М. Заверин. Перевод и национальное своеобразие литературы.	I	101
А. Николадзе. В. Г. Белинский и грузинская литературная критика. Грузинские общественные деятели в борьбе за освобождение Н. Г. Чернышевского.	V	110
С. Чиковани. Верный друг грузинской поэзии	VI	61
С. Чилая. Тбилиси в грузинской поэзии.	V	101

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

М. Джавахишвили. Как я работаю.	IV	81
Н. Джаши. Сокровищница мировой эстетической мысли.	IV	98
Б. Жгенти. «Цветение лозы» Константина Гамсахурдиа.	III	80
Л. Каландадзе. Характеры и жизненные обстоятельства.	III	87
Б. Набиев. Еще теснее наши литературные связи!	III	97

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

Г. Гарибджанян. Петр Арвеладзе — пламенный боец за Советскую власть.	I	93
М. Траскунов. Дмитрий Фурманов в Тбилиси.	III	101

МАСТЕРА ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА

Э. Гугушвили. Человек, рожденный для танца.	II	119
---	----	-----

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Г. Гогитидзе. У истоков грузинского кино.	III	113
Ш. Дадiani. Из воспоминаний.	VI	101
М. Заверин. Александр Чавчавадзе в Пажеском корпусе.	VI	103
С. Рубин. Из писем П. И. Чайковского. (Новые материалы).	III	110
М. Тоидзе. В мастерской И. Е. Репина.	I	115
С. Хуцишвили. Два письма А. Ширванзаде.	VI	102

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

В Брюссель, на Всемирную выставку.	II	115
------------------------------------	----	-----

Молодость древнего города
(Беседа с тов. А. Меладзе).

V 91

ПО ВЫСТАВОЧНЫМ ЗАЛАМ

И. Отаришвили. Грузинское
изобразительное искусство
на декаде.

II 130

Т. Табидзе. Нико Пиросма-
нишвили.

II 127

И. Урушадзе. На выставке
Гуго Габашвили и Якова
Николадзе.

II 125

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Автограф И. С. Тургенева в
Литературном музее Гру-
зин.

II 132

Встречи двух музыкантов

VI 110

Конец Казбича

VI 111

СРЕДИ КНИГ

Б. Абуладзе. «Подковы и
цветы».

I 125

Ш. Абхаидзе. Благород-
ный труд переводчика.

I 118

И. Антелава, Ц. Каландадзе,

Ш. Хантадзе. Новое ис-
следование по истории
Грузии первой половины
XIX в.

VI 119

Н. Ачикян. «В горах весна».

VI 115

И. Богомолов. Рассказы о
хороших людях.

I 124

Т. Буачидзе. Книги о брат-
стве, единстве и дружбе.

III 120

С. Гвелесиани. Верность
идеи.

I 120

Г. Джинчарадзе, Г. Домо-
рацкий. Книга о боевом
пути 11-й армии.

VI 121

Э. Елигулашвили. Книга о
молодом Горьком.

I 126

М. Заверин. В глубь жизни.
Д. Какабадзе. Бойцы рево-
люционной гвардии.

III 124

III 118

Л. Каландадзе, Л. Бран-
ловская «Перед восходом
солнца».

I 121

В. Карпова. Вместо рецен-
зии.

V 127

М. Лохвицкий. На широкую
дорогу.

III 121

П. Маслов. Монография
об экономическом разви-
тии Грузии и Закавказья

VI 116

Ш. Радиани. Новое издание
произведений Э. Нино-
швили.

III 122

Н. Рухадзе. Грузинские
сказки на немецком языке.

VI 112

Б. Сокуров. Образ девушки-
воини.

I 122

Э. Фейгин. Высокий накал

VI 113

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Э. Елигулашвили. Рассказы
молодых.

IV 110

Ю. Суровцев. Близость к
жизни и глубина поэзии

IV — 105;

V — 118;

VI — 96

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

«Дружба народов» — Обсуж-
дение журнала «Литера-
турная Грузия» на Дека-
де грузинского искусства
и литературы в Москве.

IV 117

К 40-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

А. Имедашвили. Боевой ор-
ган молодежи.

V 99

В. Качарава. Молодые, пла-
менные годы.

V 95

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 7 января 1959 г.

8 печ. лист. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

Заказ № 1087 Тираж 4000. УЭ 04204

Цена 5 руб.

5 руб.

6. 16 / 22

